

А.Т. Хроленко

ИСТОРИЯ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

•ФЛИНТА•

УДК 80(075.8)
ББК 80я73
Х94

Научный редактор
д-р филол. наук, проф. *О.В. Никитин*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка
и методики преподавания Белгородского государственного
национального исследовательского университета *В.К. Харченко*;
д-р филос. наук, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой философии
Курского государственного медицинского университета *С.П. Щавелёв*

Хроленко А.Т.

Х94 История филологии [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А.Т. Хроленко. — М. : ФЛИНТА, 2013. — 138 с.

ISBN 978-5-9765-1463-8

Учебное пособие подготовлено в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта по направлению «Филология». В нем рассматриваются ключевые проблемы истории филологии.

Для студентов и магистрантов филологических факультетов высших учебных заведений, аспирантов и докторантов, широкого круга славистов, историков, культурологов и преподавателей-филологов, научных работников, педагогов профильных классов гуманитарного цикла, а также для читателей, заинтересованных в изучении основ филологического образования на современном этапе.

УДК 80(075.8)
ББК 80я73

ISBN 978-5-9765-1463-8

© Хроленко А.Т., 2013
© Издательство «ФЛИНТА», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от научного редактора	4
Вступление	7
Начало филологии (11). <i>Истоки европейской филологической традиции</i> (11). <i>Филология как «грамматическое искусство»</i> (12). <i>Древневосточная филологическая традиция. Индийская лингвистика</i> (16). <i>Филология Древнего Китая</i> (17). <i>Арабская филология</i> (18). <i>Эпоха патристики</i> (19). <i>Эпоха Возрождения и её значение в складывании новой филологии</i> (21). <i>Реформация как филологическое движение</i> (22)	
Русская филология XVIII века (25). <i>Первый русский филолог В.К. Тредиаковский</i> (26). <i>Филологический вклад М.В. Ломоносова</i> (29). <i>Первые научные грамматики и словари</i> (35). <i>Начало отечественной лексикографии</i> (39)	
Филология XIX века (46). <i>Романтизм и филология</i> (46). <i>Философия и антропология языка</i> (50). <i>Философия языка А.С. Хомякова</i> (51). <i>Появление классической и новоевропейской филологии</i> (53). <i>Открытие сравнительно-исторического метода</i> (56). <i>Начало новоевропейской филологии</i> (57). <i>Славяноведение</i> (57). <i>Словесность как отечественная ипостась филологии</i> (60). <i>Формирование литературоведения</i> (66). <i>Ф.И. Буслаев</i> (73). <i>А.А. Потебня</i> (77). <i>А.Н. Веселовский</i> (81). <i>Европейские школы филологии</i> (85)	
Отечественная филология XX века (87). <i>Общая оценка российской филологии</i> (87). <i>Р.О. Якобсон</i> (91). <i>М.М. Бахтин</i> (97). <i>Д.С. Лихачёв</i> (105). <i>С.С. Аверинцев</i> (113). <i>В.Н. Топоров</i> (117)	
Сокращения	125
Литература	126
Интернет-ресурсы	135

Предисловие от научного редактора

Новая книга профессора А.Т. Хроленко соответствует предложенным стандартам и посвящена актуальной проблематике современного вузовского образования, включающего и традиционные сферы филологической науки, и новые достижения отечественных ученых в области разработки и применения более совершенной методологии, что способствует повышению точности гуманитарных исследований.

В ней автор кратко и компетентно излагает историю филологии с дохристианских времен по конец XX в. Особое внимание он уделяет русской филологии. Первые десятилетия её становления до сих пор остаются *terra incognita* нашей науки и не имеют систематического описания в учебных целях. Тем не менее период XVIII столетия исключительно важен для осмысления самого термина «филология», его объема, содержания и последующей гравировки. Здесь ученый справедливо говорит более подробно о деятельности и трудах В.К. Третьяковского — первого русского филолога именно в том высокому духовно-эстетическом смысле, какой подразумевала эта наука в России с момента обретения ею культурного остова просветительства, т.е. любви к научному рассуждению, ученой беседе, спору. Полезными нам представляются и замечания А.Т. Хроленко об успехах первых русских грамматистов В.Е. Адогурова и М.В. Ломоносова, о лингвистических «штудиях» В.Н. Татищева и словарной практике второй половины XVIII столетия. И в этом отношении автор показывает себя ищущим, живым мыслителем и педагогом, способным приоткрыть завесу тайны прошлого и сделать его понятным, близким и практически ценным для настоящей профессиональной деятельности учащихся. В этой части интересен сюжет об одном из первых толковых лексиконов русского языка доакадемической практики — «Церковном словаре» П.А. Алексеява.

Освещая проблемы развития филологии XIX в., автор наибольший акцент делает на так называемых «точках роста», обеспечивших становление современной науки. Это прежде всего романтизм и филология (К. Брентано, В. Гримм); философия и антропология язы-

ка (И. Гердер, В. фон Гумбольдт); открытие сравнительно-исторического метода (Ф. Бопп, Я. Grimm, Р. Раск, А. Х. Востоков); появление классической (Ф.А. Вольф, А. Бёк) и новоевропейской филологии, в первую очередь — славистики (О.М. Бодянский, И.И. Срезневский); формирование литературоведения как самостоятельной науки (С.П. Шевырёв, В.Г. Белинский, Ф.И. Буслаев); зарождение европейских школ филологии и т.д. Особо хотим выделить раздел «Философия языка А.С. Хомякова», знакомящий читателя с содержанием оригинального труда ученого «Семирамида». Здесь щедро проявился талант А.Т. Хроленко как исследователя, тонко чувствующего предмет нашей науки и векторы ее развития.

В среде филологов XIX столетия он выделил и обосновал достижения трех ключевых фигур — Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, сформировавших в то время научный облик этой дисциплины, определивших её границы и содержательное ядро, создавших мощные школы и направления и в целом систему филологии как самостоятельной научной отрасли знания со своим терминологическим аппаратом, инструментарием и иерархией ценностей, выдвинувших её на передовые позиции в мировом масштабе.

Изучение истории филологии завершается очерком о её традициях в XX столетии. А.Т. Хроленко правильно отмечает сосуществование основных познавательных тенденций в данный период — формально-структурной и историко-гуманистической и двух парадигм — системоцентрической и антропоцентрической. Именно они и стали двигателями науки XX в. Автор указал основные направления развития филологии и кратко описал их проблематику. Очерк построен по персональному принципу. Учёный снова обозначил и охарактеризовал знаковые имена эпохи: Р.О. Якобсон — М.М. Бахтин — Д.С. Лихачёв — С.С. Аверинцев — В.Н. Топоров. Перечень этих лидеров филологии XX в. в чем-то субъективен и опирается не только на долю, так сказать, исследовательского веса и общественного рейтинга каждого из них. Безусловный смысл именно такого выделения для автора книги заключался в степени филологизма их научных поисков и достижений.

В книге использованы интересные электронные и библиотечные ресурсы, позволяющие самостоятельно более углубленно изучать

заявленную проблематику и открывать новые горизонты филологического познания. Вставки в тексте под заголовком «Книжная полка» обращают внимание читателей и слушателей курса на наиболее значимые, по мнению его автора, статьи и труды, решающие ключевые проблемы филологического образования.

Скажем в заключение, что отдельные главы этой книги обсуждались и совершенствовались нами в совместных дискуссиях и спорах, которые не прекращаются до сих пор, ведь филология — не архаический предмет, а наука будущего, или, выражаясь словами легендарного И.А. Бодуэна де Куртенэ, общечеловеческая наука.

О.В. Никитин,
доктор филологических наук, профессор

ВСТУПЛЕНИЕ

Прошлое — это то, что сплело твоё настоящее.

Антуан де Сент-Экзюпери

Русская филология — это первая наука, интересы которой совпадают с интересами России.

Н.Г. Комлев

Энциклопедии, словари и справочники существенно расходятся в толковании того, что именуется филологией или к ней относится. Для одних филология — искусство читать [Винокур 1981: 38—39], для других — это широкая, но внутренне единая и самозаконная форма знания [Аверинцев 1972: 974], для третьих — наука [<http://www.glossary.ru>], для четвёртых — название группы дисциплин [<http://www.lan.krasu.ru>], для пятых — совокупность методов и приёмов исследования памятников письменности [БЭ 2006: 54: 476—477].

Мы исходим из того, что филология — это наука, имеющая своим объектом текст как целое, а предметом — смыслы, воплощённые в языковых и параязыковых структурах этого текста, а также все явные и неявные закономерности текста и составляющих его единиц.

В поисках определения феномена филологии одним из перспективных путей к пониманию сути этой древней науки остаётся история того, что интуитивно относим к филологии.

Неоднозначность понимания феномена филологии объясняет, почему до сих пор нет пособий по истории филологии. Трудно писать историю того, что не имеет однозначной идентификации. Так что предлагаемое пособие — одна из попыток заполнить учебно-методическую лауну в филологическом образовании. При этом стоит иметь в виду, что автор — лингвист, хотя и принимавший активное участие в формировании внутрифилологических дисциплин — лингвокультурологии и лингвофольклористики. Языковедческий «акцент» неизбежен. Автора извиняет только то обстоятельство, что мно-

гие современные науки тоже обнаруживают «лингвистический поворот».

«История филологии» задумывалась как часть книги, состоящей из четырёх разделов: (I) «История филологии»; (II) «Природа филологического знания»; (III) «Методология филологии»; (IV) «Филология в социокультурном пространстве». Однако издательская судьба объёмной рукописи книги оказалась не такой, какой задумывалась. Разделы второй и третий составили книгу «Основы современной филологии», раздел четвёртый, а также главы «Филология и религиозный опыт», «Филология и философское знание» составили основу пособия «Введение в спецфилологию».

Текст настоящего пособия состоит из четырёх глав. Первая — «Начало филологии» — даёт представление о том, как начиналась и развивалась наука о слове и тексте в цивилизационных центрах мира. Затем картина филологии сужается до пределов Европы (эпохи патристики, Возрождения и Реформации). Остальные три главы посвящены отечественной филологии XVIII, XIX и XX столетий. Это обусловлено, во-первых, целевой установкой магистерской программы «Отечественная филология», во-вторых, тем, что российская филология всегда оставалась на достаточно высоком уровне в силу словоцентричности русской культуры, в-третьих, как говорят зарубежные специалисты, на Западе давно уже наступила «осень филологии».

Книга задумана как учебное пособие, которое должно обеспечить максимальную самостоятельность того, кто входит в филологию. Обучающийся систематически приглашается к «Книжной полке», на которой размещены статьи или книги. Это могут быть классические произведения Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, М.М. Бахтина или Д.С. Лихачёва, статьи современных авторов из научных или научно-популярных журналов. К тому же в самом изложении немало ссылок на публикации, призванных не только поддержать аргументацию автора, но и ввести читателя в соблазн самим прочитать то, что относится к обсуждаемым вопросам. Совокупность ссылок даёт представление о сути, специфике и актуальности обсуждаемых концепций, проблем и тем.

Общая характеристика того или иного периода в истории филологии дополняется краткими очерками об «устроителях филоло-

гии». Для XVIII в. это В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов, для XIX в. — Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и А.Н. Веселовский, для XX столетия — Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв, С.С. Аверинцев и В.Н. Топоров.

Возможно, наш выбор покажется субъективным, но он опирается на несколько критериев: широта научного поиска, неоспоримый филологизм научных достижений (весомый вклад и в лингвистику, и в литературоведение, и в фольклористику), общественный и академический авторитет и мировое признание. Каждый из критериев, взятый отдельно, небесспорен, но их совокупность обладает свойством сверхсуммативности и может быть принята как объективная данность.

Публикаторы труда Г.О. Винокура «Введение в изучение филологических наук» отыскивали в архиве учёного его замечание, сделанное на защите докторской диссертации по текстологии и языку Пушкина: «Несмотря на двойственный по внешности характер предлагаемого труда, содержащего в себе, с одной стороны, историко-литературные работы, а с другой — лингвистические и стилистические, сам я смотрю на себя, как на автора этого труда, не как на историка литературы и не как на лингвиста, а прежде всего как на филолога в специфическом значении этого термина. Обе эти науки — сестры, произведения одинаково ориентированного сознания, которое ставит себе задачей истолкование текста. Вот об этих-то общих, собственно филологических задачах обеих наук, служению которым я посвящаю свои силы, мне и хочется напомнить предлагаемым трудом» [Винокур Т.Г., Цейтлин Р.М. 1981: 4].

Эта глубокая мысль способствует пониманию сути филологии. Филология представляет исследование силового поля смыслов, обнаруживаемых только с помощью тесной кооперации языковедения и литературоведения. Убери любую из этих, по выражению Г.О. Винокура, «сестёр», и поле смыслов становится невидимым, а филолог перестаёт быть таковым.

Низкий поклон доктору филологических наук, профессору Московского государственного областного университета Олегу Викторовичу Никитину, взявшему на себя труд способствовать появле-

нию книги, за критический, благожелательный и в высшей степени конструктивный анализ практически каждой главы.

Концепция и содержание книги, которую читатель сейчас держит в руках, сложились в процессе разработки и чтения в Курском государственном университете курса «История и методология филологии и филологического образования». Поэтому автор благодарен тем магистрантам первых выпусков, которые своим заинтересованным вниманием способствовали появлению книги. Это Н. Дьячков, В. Гончарова, А.Салов, Т. Демидова, В. Селиванова, Н. Доренская, Ю. Халина. Поклон им и пожелание удачи в творческом филологическом труде!

А.Т. Хроленко

Ваши отзывы, замечания и пожелания принимаются по адресу: khrolenko@hotmail.ru.

НАЧАЛО ФИЛОЛОГИИ

Настоящее так важно потому, и только потому, что через него таинственная глубина прошлого и таинственная широта будущего раскрываются навстречу друг другу.

С.С. Аверинцев

Истоки европейской филологической традиции. Возникновение науки в целом и науки о слове в частности связывают с античным миром, ставшим лоном европейской цивилизации. Филология, как и философия, в Древней Греции родились неслучайно. Объяснение тому — демократическое устройство греческих городов-полисов. Принцип «элевтерии» (αλευθερία — свобода) в сознании древних греков был неразрывно связан с кардинальным принципом древнегреческой демократии — принципом «исегории» (ἰσηγορία — равенство в речах), который означал равную для всех граждан свободу слова, т.е. свободу высказывать и отстаивать в народном собрании своё мнение по любому обсуждаемому вопросу. Обсуждения дел речами воспринималось афинянами главным устоем афинской демократии. Свободные граждане не только могли, но и обязаны были участвовать в обсуждении принимаемых законов. У свободного горожанина не было никакого иного средства для победы в споре, кроме слова. Речь была единственным средством убедить в чём-то других в народном собрании и защитить себя в суде. Из публичного обсуждения общественных вопросов рождается демократическое судопроизводство, которое нуждается в особой культуре обсуждения. В судопроизводстве складывается риторика, немислимая без логики, а логика — это фундамент научного познания. Так что наука в современном смысле этого слова берёт своё начало в демократии древних Афин [Шрейдер 1993: 83; Мальчукова 1995: 12].

Истина греками воспринималась не как предмет безотчётной веры, а связывалась со знанием, основанным на фактах и логике, на разумном (рациональном) понимании [Старовойтов 2011: 55]. Рабо-

та античного мира, писал Фр. Ницше, — это фундамент к работе тысячелетий. В этом мире «уже были предпосылки к научной культуре, все научные *методы*, было твёрдо поставлено великое несравненное искусство хорошо читать, — эта предпосылка к традиции культуры, к единству науки; естествознание в союзе с математикой и механикой было на наилучшем пути, — *понимание фактов*, последнее и самое ценное из всех пониманий, имело свои школы, имело уже столетия традиций» [Ницше 1990: 688—689].

Свободные люди осознали, что публичная речь — это возможность прославиться, блеснуть ораторским мастерством. Так что культура обсуждения, поиск смыслов, становление риторики и логики составили почва, которая не могла не родить филологию.

Книжная полка | Шрейдер Ю. Неустрашимость человека // Знание — сила. 1993. № 7. С. 78—83.

Традиция европейской филологии, не знакомой с достижениями индийцев вплоть до нового и новейшего времени, всецело восходит к греческим истокам, у её начала стоит школьное комментирование Гомера.

В возникновении филологического знания особую роль сыграли древнегреческая риторика и поэтика.

«Филология — слово древнее, но термин новый» [Гаспаров 1979: 26]. Само слово *филология* имело разный смысл. Около IV в. до н.э. в греческом языке появились глагол *philologio* ‘любить науки, стремиться к учению’, существительное *philologia* ‘любовь к научному рассуждению, к научному спору, учёной беседе’ и прилагательное *philologos* ‘любящий научное рассуждение, спор’. Г.О. Винокур отметил в этом слове и значение ‘словоохотливый’ [Винокур 1981: 6].

Книжная полка | Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. — М.: Сов. энциклопедия, 1972. — С. 974—980.

Степанов Ю.С. Филология // Русский язык: Энциклопедия. — М.: Большая советская энциклопедия, 2003. — С. 592—596.

Филология как «грамматическое искусство». В эпоху эллинизма (III—I вв. до н.э.) филология отделяется от философии, перехо-

дит в руки специалистов — библиотекарей Александрии и Пергама и становится важной областью учёной деятельности. По словам Г.О. Винокура, высшая точка подъёма античной духовной жизни, как она отразилась в памятниках поэзии, науки и искусства Древней Греции, к этому времени была уже позади, и новые поколения принуждены были жить преимущественно культурным наследством прошлого, при этом непосредственная доступность культурных памятников прошлого неизбежно уменьшалась [Винокур 1981: 16—17].

В Александрии, этом форпосте греческой цивилизации в Египте, был основан Мусейон (греч. ‘храм муз’), государственное учреждение, находившееся под попечением царя, и Александрийская библиотека, для которой приобретались рукописи во всех концах эллинского мира. В правление Птолемея Филадельфа (309—246 гг. до н.э.) эта библиотека насчитывала до полумиллиона единиц хранения, включая множество дублетных экземпляров. Позже, при Цезаре, количество свитков возросло до 700 тыс.

Преобразование Александрии в первый лингвистический центр Европы связывают с необходимостью в античные времена обучать греческому языку иностранцев, негреческого населения Александрии, говоривших на других языках. Решение этой задачи потребовало переосмысления имевшихся представлений о языке [Тимофеева 2009: 99]. Следует заметить, что Александрия была и центром книжной торговли, поскольку в Египте вырабатывали самый дешёвый писчий материал — папирус.

В.И. Вернадский отмечал, что в музее и в библиотеке Александрии проявилось резкое различие между научной и философской работой, научная мысль стала свободна, и могущественная утончённая техника эпохи Птолемеев давала основу экспериментальной работе. Здесь развилась небывалая научная работа в областях медицины и естественных наук, точной филологии, математики и логики, освобождённая от давления философии. Это развитие достигло максимума к концу I в. до н.э. и, возможно, захватило его начало [Вернадский 2004: 370].

В библиотеке работали не только учёные грамматики, но и выдающиеся поэты, например, Каллимах и Аполлоний Родосский, представители александрийской поэзии, отличавшейся интересом к

частной жизни, рассудительной рефлексии и «учёности» — тяготением к языковой и мифологической стилизации, изысканно-загадочному выражению мыслей. Каллимах (ок. 310 — ок. 280 гг. до н.э.), древнегреческий поэт, писавший в основном гимны, элегии и эпиграммы, наиболее последовательно выразивший принципы александрийской поэзии, составил обширную — в 120 книгах — библиографию древнегреческой литературы: «Таблицы прославившихся во всех областях образованности и их произведений».

Обширная библиотека не мыслится без каталогов. Развернулась филологическая работа над текстами произведений классиков: сличение текстов, определение их подлинности, установление наиболее достоверного варианта, комментирование неясных мест, толкование устаревших слов и т.д. Текст требовал грамматических и содержательных комментариев, установления имён авторов и времени написания. Завершалась работа эстетической оценкой произведения.

Практические потребности библиотечного дела обусловили возникновение филологии. Дионисий Фракийский (приблизительно 170—90 гг. до н.э.) создал первую грамматику греческого языка — своеобразный итог развития филологии. Это научное филологическое достижение сравнивают по значению с «Началами геометрии» Евклида, подытожившего знания в области математики. В грамматике Дионисия Фракийского было сформулировано учение о частях речи. Александрийский филолог Аристофан Византийский (257—180 до н.э.) считается основателем научной лексикографии. Сочинения видного александрийского учёного Аристарха, по мнению современников, были образцом объективной литературной оценки. Комментирование и критика признавались самой прекрасной частью грамматического искусства.

В трудах александрийских учёных проступили первоначальные очертания и основные отрасли филологического труда — начатки языковедения, критика текста, герменевтика, лексикография, источникововедение¹.

---

¹ Наследие александрийской эпохи обнаруживалось и в XIX в. Так, А.А. Потебня в своём труде «Из записок по теории словесности» приводит определение тропа древнегреческого грамматика Трифона (I в. до н.э.), отрывки сочинения которого об изменении слов были найдены в середине XIX в. в одном из египетских папирусов [Потебня 1990: 159].

Во II в. до н.э. в Пергаме (Передняя Азия) была основана библиотека, соперничавшая с Александрийской. При ней сложилась филологическая школа, получившая название Пергамской. Её создатель и виднейший представитель — Кратет Малльский. Александрийская и Пергамская школы спорили о том, как возник и развивался язык: условным ли путём, т.е. путём установления обязательных единообразных правил, путём «аналогии», как утверждал Аристарх, или путём естественным, живого развития, повинуюсь не норме, а обычаю, т.е. путём «аномалии», на чем настаивал Кратет. Если Александрийская школа занималась главным образом поэзией, то Пергамская — прозой, особенно ораторской.

Пергамская школа оказала наибольшее влияние на возникновение филологии в Древнем Риме. Покорение Греции римлянами парадоксальным образом усилило влияние греческой культуры на Рим, которое было значительным и раньше. Горстка философов, ученых и ораторов, привезенных в Рим (в качестве рабов!), завоевала хозяев интеллектуально, поскольку греческий язык стал языком, на котором обязательно должен был говорить образованный италиец [Богомолов, Магаршак 2004]. Римское общество приняло греческую систему общего образования на греческом языке, создав её латинскую версию. Филологические вопросы разрабатывались в трактатах Цицерона и Квинтилиана об ораторском искусстве, а также в сочинениях Варрона «Lingua Latina» и в стихотворном литературно-критическом и литературно-теоретическом трактате Горация «Ars poetica» — «Поэтическое искусство».

Термина *филолог* ещё нет, но появился термин *grammatikoi* ‘грамматики, грамматисты’. Дело в том, что александрийцы своё дело считали не наукой, а грамматическим искусством, понимая «грамматику» предельно широко, относя её ко всему написанному (*граммата* «буква»), следовательно, всему известному людям.

В Древнем Риме разграничивались термины «филолог» (учёный, изучающий литературную форму, стиль и содержание) и «грамматик» (учёный, изучающий грамматику, орфографию и метрику).

Г.О. Винокур попытался представить себе общий облик учёного, воспитанного александрийской традицией или сходным очагом эл-

линистической культуры. «Это должен был быть человек, в центре жизненного внимания которого стояла рукопись, книга, текст, автор как воплощённая идея и сумма знаний и для которого реальная историческая обстановка, сама по себе действительность в её прошлом и настоящем, существовала преимущественно в той мере, в какой она могла служить объяснением к сказанному автору. Текст классического автора с этой точки зрения должен был представляться как бы фокусом, в котором собирались многообразные сведения и справки, нужные для того, чтобы этот текст можно было обработать, как этого требовали official. Ясно само собой, что сведения и справки требовались при этом самого разнообразного содержания. Этим объясняется жадная любознательность, а также энциклопедический характер учёности первых филологов. Среди них были замечательные знатоки вовсе не только языка или метрики, но также сочинений по геометрии, астрономии или географии. Вообще грамматик должен был знать всё, т.е. всё то, что могло оказаться упомянутым у того или иного автора, в том или ином сочинении» [Винокур 1981: 18—19].

Древневосточная филологическая традиция. Индийская лингвистика. Стимулом к возникновению индийского языкознания была потребность в правильном произношении слов (текстов) санскрита — литературного языка, на котором были написаны священные книги индусов (Веды), созданные во II—I тысячелетии до н.э., и который сильно отличался от разговорно-бытового языка более позднего времени. Индийскую традицию представляли *Панини* (приблизительно V—IV в. до н.э.), *Яска* (возможно, современник Панини), *Катьяяна* (III в. до н.э.), *Патанджали* (II—I в. до н.э.). Вершинным произведением этого направления было «Восьмикнижие» Панини. Название трактата происходит от восьми глав («книг»). Каждая книга членится на разделы, разделы — на правила (сутры). Правила сформулированы кратко, часто рифмованно и рассчитаны на запоминание (с опорой на мнемотехнические приемы).

Предполагают, что Панини не владел письменной формой речи, и составленные им правила вначале передавались изустно от учителя к ученику. Считают, что формулировки правил и их последовательности нацелены на создание (порождение) правильных слов. Поражает

скрупулёзность характеристики звуковой, точнее, звукобуквенной стороны языка. Панини и идущая от него традиция четко различает согласные и гласные (они писались в разных строках — в основной строке согласные, в «надписной» или «подписной» — гласные). Расположение букв в алфавите показывает разграничение звуков по способу и по месту их образования. Для звуков (в равной мере для согласных и гласных) существовала четко градуированная классификация по степени раскрытия рта (звуки *полного* контакта — смыкания языка с пассивными органами, *легкого* контакта, *закрытые*, *полузакрытые*, *открытые*). В зависимости от образования «контакта» (преграды) различали *проточные* и *резонансные*, *вокализованные* и *невокализованные*, *придыхательные* — *непридыхательные*, *назализованные* — *неназализованные*. Учитывались звуковые изменения — комбинаторные (ассимиляция, аккомодация), позиционные и др.

В морфологии центром внимания были не части речи (хотя разграничиваются имя и глагол), а структура слова — корень и аффиксы. Учитывалось влияние соседних морфем друг на друга («сандхи»). Грамматика Панини отражала специфику индийской культуры, которой свойственно «ясное понимание нормативности, системности, экономности, инвариантности» [Амирова и др. 1975: 91]. Порождающий принцип индийской грамматики, сохранный последователями Панини Катъяяной, Патанджали и их комментаторами почти без изменений, был востребован лингвистикой XX в.

Филология Древнего Китая. Свою филологическую традицию имела культура Древнего Китая (Лю Се, V—VI вв., и др.). Китайская грамматология (учение о письменности в II в. до н.э. и особенно в I—II в. н.э.) формировалась независимо (о «стилях» письма — уставном, полууставном, скорописи, составлении словаря иероглифов). Но позднее, с начала нашей эры, китайское языковедение испытало заметное влияние Индии как в принятии буддизма (в Китае он назывался словом «фо»), так и в грамматическом учении, особенно в описании фонетики — звуков и интонации. Средние века и новое время отмечены расцветом лексикографической деятельности китайцев. Так, в начале XVIII в. здесь был составлен словарь, включавший более 49 тысяч иероглифов и их вариантов.

Арабская филология. Арабская языковедческая традиция возникла как самостоятельная и во многих отношениях оригинальная хотя бы потому, что появилась позднее других (лишь в VII в. новой эры) и рассчитана на отражение основных канонов ислама — Корана и распространение этого учения среди многонационального населения обширного Арабского халифата (на территориях Аравии, Передней Азии, Северной Африки, Пиренейского полуострова) только на классическом арабском языке с весьма сложной морфологией (перевод священного Корана на туземные языки запрещался). Политики и деятели религии были заинтересованы в точном воспроизведении Корана при обучении верующих. Считается, что халиф Али, зять Мухаммеда, предложил вслед за Аристотелем «основной принцип систематики арабской грамматики, указав на основные классы слов: имя, глагол, частица» [Амирова и др. 1975: 148]. К концу VIII в. *Сибавейхи* создал труд «ал-Китаб» («Книга»), ставший основным и самым авторитетным теоретическим и нормативным руководством по арабской филологии. Его достоинства — в характеристике языковых единиц (корня, частей речи и др.) с трех сторон: содержательно-семантической, внешне-языковой (план выражения), коммуникативной.

- Больших успехов достигла арабская лексикография: многотомный словарь, составленный ширазским персом Фирузабади (1329—1414) под названием «Камус» («Океан»), стал синонимом любой словарной книги.
- Исключительным достижением было составление в рамках арабской традиции *Махмудом аль Кашигаром* (*Кашигарский*) в 1073—1074 гг. словаря тюркских языков («Диван турецких языков»), а также сравнительной грамматики этих языков с показом звуковых соответствий между ними, наблюдениями над морфемами, тюркским сингармонизмом. Но он не создал традиции из-за того, что его труд пролежал втуне почти тысячу лет: он был опубликован в Стамбуле лишь в 1912—1915 гг. «Диван» мог бы стать прецедентом для составления словарей-тезаурусов (с помещением как литературных, так и диалектных слов) для европейской лексикографии Средневековья и эпохи Возрождения, но этого, к сожалению, не случилось.

Эпоха патристики. В Средние века европейская филология развивается в лоне патристики¹. Патристика — совокупность теологических, философских и политико-социальных доктрин христианских мыслителей II—VIII вв. так называемых Отцов Церкви [НИЭ: 13: 248—249]. Это Ориген (II—III вв.), Августин (IV—V вв.), Иоанн Дамаскин (VI в.).

Христианизация многих народов Европы принесла им письменность, причём не только в готовом виде (на греческом или латинском алфавите), но и виде гениальных изобретений, связанных с прекрасным знанием фонологического строя ранее бесписьменных языков. Так, в Византии около 862 г. Константин (Кирилл) составляет глаголицу, буквенный состав которой и алфавитное расположение, а также начертание букв и их элементов (форма креста, треугольника и др.) свидетельствуют о высочайшем по исполнению семиотическом подходе к созданию системы знаков, предназначенных для воплощения идеи Евангелия.

В эпоху патристики (II—VIII вв.) у филологии два объекта:

- (1) слово Священного Писания (толкование молитвы Господней («Отче наш»), критика библейского текста — первоначальная герменевтика);
- (2) *trivium* ‘трёхдорожье’ — цикл из трёх учебных предметов школы: грамматика, диалектика (начала философии и логики), риторика — первоначальная семиотика.

Плотин и Порфирий (III в.), а также Прокл (V в.) используют слово *philologos* в значении ‘прилежный к словам, изучающий слова’. Раннехристианские учёные (Ориген, вслед за ним создатель латинского перевода Библии Иероним) произвели грандиозную текстологическую работу над подлинником и греческими переводами Библии.

Заметный след в филологии эпохи патристики оставил Августин Блаженный Аврелий (354—430), христианский богослов, главный

---

¹ Приведем здесь малоизвестное, но заслуживающее внимание мнение издателя и автора «Русского энциклопедического словаря» И.Н. Березина, который полагал, что «в средние века слово ф<илология> исчезло и появилось снова только в эпоху возрождения наук» [Березин 1878: 215].

представитель западной патристики. Утверждая равнозначность веры и знания, Августин Блаженный создаёт новую сферу риторики — христианское красноречие, которое складывается в полемике, а формой его трансляции становится проповедь. Христианское красноречие не имеет ничего общего с античной софистикой, поскольку наполнено глубоким духовным содержанием. Это не риторика ради риторики. Слово, ведущее к пониманию, — это одновременно мысль и смысл. Слово предстаёт как высочайшее благо, а человеческая речь становится посредником истины. Красноречие в религиозном мировосприятии стремится использовать данную человеческому языку возможность воссоздавать внутреннюю мыслящую речь верующего разума. Если для греков цель ораторского искусства — убедить слушателя, внушить ему определённое мнение, то цель христианской риторики — привести слушателя к вере. В основе христианской филологии лежит постижение через риторику, философию, литературу тайн слова, без чего невозможно понимание и разъяснение христианских истин, исканий Бога человеческой душой, понимание духовной природы слова [Дьяченко 2011].

Традиции греческой филологии продолжают в средневековой Византии, в целом сохраняя античный облик (текстология и комментирование классиков). После падения империи (1453 г.) ренессансная Италия получила наследие византийской филологии из рук учёных-беженцев. Основой библейской филологии стала экзегетика — наука толкования Священного Писания.

Тысяча лет европейского Средневековья воплотилась не только в возвышенной красоте и величии зодчества, живописи и скульптуры, но и в сложных религиозно-эстетических системах, в философии языка. Торжество христианства означало интерес к божественному слову. Правда, в средневековой культуре, как и в культуре античности, не было дифференциации наук, как в последующем Новом времени. Вся сумма знаний о природе, обществе и мышлении существовала и развивалась в едином комплексе. Если в Древней Греции языковедение было частью философии и развивалось философами, то в средневековой Европе и Византии оно стало частью теологии и развивалось теологами. Средневековая филология начинается трактатом Данте «О народном красноречии» и завершается «Грамматикой» и «Логикой» Пор-Рояля [Эдельштейн 1985: 161].

Эпоха Возрождения и её значение в складывании филологии.

Ренессанс как умственное и культурное движение в Европе означал крушение феодальной церковной культуры и замену её культурой светской, опирающейся на античность. В эту эпоху возникает классическая филология, пробуждается интерес к живым языкам, осуществляются переводы сакральных текстов на народные языки и др.

С эпохи Ренессанса термин *филология* начинает устанавливаться в современном значении, однако его наполнение все же далеко от концептуария нынешней словесности. «В эту пору, — писал И.Н. Березин, — объем филологического содержания был неопределенен и безграничен... Ф<илология> господствовала над всеми науками и называлась иногда *Studia humanitatis*, а филологи — гуманистами. С тех пор до нашего времени выработались две школы филологов. Одни принимают филологию за науку о языке и литературе народа, и главными частями ее считают грамматику, критику и герменевтику (таков Готфрид Герман); другие за цель и задачу ее принимают изучение какой-нибудь народности во всех ее проявлениях и на различных степенях развития (таковы Вольф, Бёк)» [Березин 1878: 215].

Велик вклад в становление филологии ранних гуманистов, начиная с Петрарки, который первым среди средневековых учёных увидел в сочинениях Вергилия и Цицерона, а также других античных авторов эстетическое начало и величие духа, что делало античную литературу необходимым элементом в образовании всякого культурного человека. В своём становлении филология эпохи Возрождения ориентировалась на собирательство, издание памятников, придание рукописному тексту необходимого для чтения и публикации вида. Гуманисты Возрождения стремились не просто овладеть мыслительным содержанием авторитетных античных источников, но как бы переселиться в мир древних, заговорить на их языке, реконструировав его в борьбе с инерцией средневековой латыни. «Это время, когда складывалась основа мышления современных гуманитарных наук — историзм. Классическая филология началась тогда, когда человек почувствовал историческую дистанцию между собою и предметом своего интереса — античностью. Средневековье тоже знало, любило и ценило античность, но оно представляло её целиком по собственному образу и подобию: Энея — рыцарем, а Сокра-

та — профессором. Возрождение почувствовало, что здесь что-то не так, что для правильного представления об античности недостаточно привычных образов, а нужны и непривычные знания. Эти знания и стала давать наука филология» [Гаспаров 1979: 26].

Толчком к развитию современной филологии стал трактат Данте Алигьери «Пир», в котором обсуждались многие вопросы языка и художественно-литературного творчества: преимущества народного языка над латынью; возможность перевода с одного языка на другой и т.п. Вот мнение Данте о невозможности полноценного перевода поэзии с одного языка на другой: «...Пусть каждый знает, что ни одно произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии. В этом причина, почему Гомер не переводился с греческого на латинский, подобно другим сочинениям, дошедшим до нас от греков. И такова причина, почему стихи Псалтыри лишены сладости музыки и гармонии; ибо они были переведены с еврейского на греческий, а с греческого на латинский, и уже в первом переводе вся сладость гармонии исчезла» [<http://www.lib.rus.ec/b/12000/read>].

Идея того, что родной язык — важный этнический признак, просматривается в высказывании великого поэта, в своём творчестве предпочитавшего родной язык латинскому: «...Народный язык тем ближе человеку, чем больше он с ним связан, так как он один, и только он, прежде какого-либо другого живет в душе и так как он связан с человеком не только сам по себе, но и в силу внешних обстоятельств, поскольку это язык самых близких ему людей, как-то родителей, сограждан и соплеменников» [Там же].

В XVI—XVII вв. складывается новый тип учёного-филолога, изучающего не только литературу, язык и историю Древней Греции и Рима, но также и право, хозяйственную деятельность, религию, философию [БЭ: 54].

Реформация как филологическое движение. Реформация — не только социально-политическое, но прежде всего культурное событие в жизни Европы. Она в значительной мере поколебала церковные устои и предоставила возможность выразить национальные черты европейским государствам. Известно, что филологическая

критика религиозно-культурного предания (Эразм Роттердамский) сыграла роль в подготовке Реформации. Почти все религиозные реформаторы Европы были филологами, таковы Эразм Роттердамский, Иоганн Рейхлин, Мартин Лютер.

Особенно велика роль Мартина Лютера (1483—1546), который перевёл на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка. Его филологический подвиг — мастерски выполненный перевод Библии — в течение четырех последующих столетий более чем какая-либо другая книга оказал глубокое и неизмеримое стилистическое воздействие, не говоря уже о его духовном воздействии на поколения ораторов и писателей вплоть до наших дней. Первая серьёзная грамматика немецкого языка, напечатанная в Лейпциге в 1571 г., основывалась на текстах сочинений Лютера.

Оценка труда М. Лютера филологами от Я. Гримма до наших современников однозначно высокая. Основатель немецкой лингвистики Якоб Гримм в 1822 г. писал, что немецкий язык Лютера в силу его почти чудесной чистоты и благодаря его влиятельности должен рассматриваться как ядро и основа нового немецкого языка. Никому немцы этим не обязаны больше, чем Лютеру. Современные американские лингвисты Чамберс и Уилки пишут в «Краткой истории немецкого языка» (1970): «...Богатство словаря, меткость идиом, сила и прямота стиля характерны для всех его произведений... Среди многочисленных его талантов было замечательное чувство разнообразия языковых средств, используемых для выражения оттенков эмоций» (цит. по: [<http://www.inauka.ru/linguistic/article88208?subhtml>]). Припоминаются слова классика марксизма о том, что Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка.

Опыт М. Лютера показал, что перевод — это не только поиск удачных языковых эквивалентов, но и создание новых слов и концептов. Так, философ М. Хайдеггер и филолог А. Вежбицкая обратили внимание на образованное Лютером слово *Angst*, называющее особое состояние неопределённого, разлитого повсюду глубинного страха, страха перед концом света, перед дьяволом, состояние неопределённости потенциальных опасностей. Эсхатологический страх, противопоставленный обычным страхам, обозначаемым словом *Furcht*, — это состояние тревоги, ужаса, мûки, вызванной самой при-

родой человека, его существованием в мире, определило своеобразие немецкого видения мира. Сложилось мнение, что с Angst связана особая немецкая склонность к порядку и дисциплине: внутренней тревоге, неопределённому страху перед хаосом можно противопоставить только порядок, Ordnung. Сказанное может служить примером неуничтожимого следа, оставляемого творчеством и личностью одного человека.

Позже в круг филологического изучения вовлекается древнееврейский язык: Бенедикт (Барух) Спиноза создаёт «Компендиум грамматики древнееврейского языка» (1677). В эту эпоху начинают активно создаваться проекты искусственного языка (Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, И. Ньютон). В свет выходит «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» (1660).

В течение более чем двух тысячелетий в Европе и Азии накапливалось филологическое знание, формировалось представление о слове, рождающем текст и рождающемся в тексте, складывался фундамент будущей словесности. Для столь продолжительного времени трудов, которые можно отнести к филологическим, до нас дошло не так уж много, возможно, их не очень много и было. Однако филологическая мысль всегда жила, и передавалась она непрерывно. Не пресекалось стремление познавать, а в познании мысль о слове — элемент непреходящий.

Все знают и помнят великого итальянского учёного Галилео Галилея (1564—1642), имя которого стало символом свободолюбия и борьбы за научную истину, автора крылатого выражения «А всё-таки она вертится!», произнесённого им после вынужденного отречения перед судом инквизиции от теории Коперника о вращении Земли вокруг Солнца. Однако мало кто знает, что этот гениальный естествоиспытатель был поэтом, филологом, критиком, автором научных трактатов, написанных в большей своей части народным итальянским языком, а не латынью, которой владел в совершенстве, автором текстов, которые по простоте и ясности изложения и блеску литературного стиля могут быть отнесены также к художественным произведениям. Примером тому может служить книга Галилео Галилея «Пробирных дел мастер», переведённая на русский язык [Галилей 1987].

В Новое время завершается предыстория филологии и начинается её история.

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XVIII ВЕКА

Наша без сомнения счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями.

Н.М. Карамзин

Первой и важной страницей отечественной филологии по праву считается XVIII век. Всё начинается деяниями Петра I: реформы в важных областях жизни, «окно в Европу», приобщение к европейской культуре и науке, создание Петербургской академии наук (1724), открытие Московского университета (1755), обучение российских юношей в европейских университетах и др.

Филологическое наследие предыдущих веков не было особо впечатляющим: «Лексикон славеноросский и имен толкование» (1627) украинского просветителя, лексикографа, поэта и переводчика Памвы Берынды (50—70-е годы XVI в. — 1632 г.), оказавший большое влияние на развитие украинской, русской и белорусской лексикографии «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1680) и риторики XVII в. — с этого старта начинается наука о слове XVIII в. «Граматику» Мелетия Смотрицкого (1721) М.В. Ломоносов называет в скромном перечне «врат своей учёности».

Однако было и другое: словоцентризм русской культуры, бережное отношение православия к слову, понимание его возможностей. Был тот гуманитарный «чернозём», который не мог не дать обильных филологических плодов. К веку Петра и Екатерины с полным основанием относятся слова А.А. Потебни, объяснявшего феномен якобы внезапно возникшей русской литературы: «Языки создаются тысячелетия, и если бы, например, в языке русского народа, письменность коего лет 300 была лишена поэзии, не было поэтических элементов, то откуда взялось бы их сосредоточение в Пушкине, Гоголе и последующих романистах? Откуда быть грозе, если в воздухе нет электричества» [Потебня 1905: 106].

Становление среднего и высшего образования, потребности литературного творчества, нащупывающего свои пути и средства, предопределяли интерес к теории речи в самом широком смысле этого слова.

«В XVIII в. есть немало славных имён, которые своими трудами и просветительской деятельностью создавали научное древо языкознания путём эксперимента и ошибок, поиска новых путей в изучении отечественной словесности, переживавшей в то время период бурного развития жанров и стилей. Да и сама философия той эпохи требовала пристального внимания к учёности, к языкам, без которых невозможно было практически овладеть любыми науками» [Никитин 2009: 104].

Первым по времени в ряду филологов XVIII в. можно считать Фёдора Поликарповича Поликарпова-Орлова (ок. 1670—1731), русского писателя, переводчика, издателя, ревностного труженика на ниве книжного просвещения, энергичного исполнителя воли Петра Великого. Из многочисленных трудов Ф.П. Поликарпова-Орлова наиболее известны «Алфавитарь рекше букварь, словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящимъ, и любомудріе в пользу душеспасительную обрѣсти тщащимся» (М., 1701), а также славяно-греко-латинский «Лексикон». По приказанию Петра Великого издал «Славянскую грамматику» (1721) — переделку грамматики Мелетия Смотрицкого. Ему принадлежит много переводов. Писал Ф.П. Поликарпов и силлабические вирши [ЭС 1992: 47: 285—286].

Первый русский филолог В.К. Тредиаковский. Филология осознаёт себя в научном творчестве Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1768), русского поэта, филолога, теоретика, критика, переводчика, академика Петербургской академии наук (1745—1759). В работе «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) В.К. Тредиаковский сформулировал принципы русского силлабо-тонического стихосложения. Он исходил из того, что способы стихосложения зависят от фонетических свойств языка. В русском языке, например, ударение разноместное и подвижное, оно не закреплено за определённым слогом, а потому силлабика, ориентированная на языки с постоянным ударением, русскому стихосложению

не соответствует. Аргументом в пользу предпочтения силлабо-тонической системы для Тредиаковского служила народная поэзия. В «Новом и кратком способе...» изложена система поэтических жанров классицизма и впервые в русской поэзии даны образцы сонета, рондо, мадригала, оды.

В программном выступлении «Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве», произнесённом в год избрания академиком (1745), Тредиаковский изложил принципы полной синтаксической свободы смешения «славенщизны» с просторечием.

В 1748 г. был опубликован первый в русской науке опыт изучения фонетического строя русской речи — «Разговор об ортографии».

Тредиаковский был первым человеком в России, кто решился назвать себя филологом по призванию и по научной специальности. Сделал это он в стихотворной подписи под своим портретом: *Онъ есть Тредьяковскій, трудолюбивый филологъ, Какъ то увѣряет с мерой и безъ мѣры слогъ.* В последних словах он хотел сказать, что писал и стихами («с мерой»), и прозой («без мѣры») [Радциг 1965: 76].

Литературное и филологическое творчество В.К. Тредиаковского оценивалось неоднозначно. При дворе Екатерины II оно было предметом насмешек и издевательств. Не очень милостливым к первому филологу было поэтическое окружение Пушкина. В XIX в. ряды недоброжелателей, полагавших, что Тредиаковский — неудачливый литератор далёкого прошлого, пополнил В.Г. Белинский, полагавший, что «Тредьяковский с его бесплодную ученостию, с его бездарным трудолюбием, с его схоластическим педантизмом, с его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тонические размеры и древние гекзаметры» якобы ничего не сделал для русской литературы.

Положительно оценивался вклад В.К. Тредиаковского просветителем Н. Новиковым («Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, итальянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу»), А.Н. Радищевым («Тредиаковского выруют из поросшей мхом забвения могилы»).

Разительный путь переоценки наследия Третьяковского прошёл А.С. Пушкин. Молодым он посмеивался над неловкими виршами своего предшественника, а зрелым высоко оценил наследие первого русского филолога («Третьяковский был конечно почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков») (цит. по: [Алпатова 2005: 225]). Фраза «Третьяковский был конечно почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны» воспроизведена в статье «Филологический» Словаря языка Пушкина). Гениальному русскому поэту и провидцу понадобилась часть недолгой жизни, чтобы оценить масштаб оставленного Третьяковским, а в отечественной филологии на это ушло два с половиной века. Только в 2005 г. в свет вышел сборник статей «В.К. Третьяковский и русская литература» — «первое в нашей науке исследование, затрагивающее разные стороны и грани творчества В.К. Третьяковского (1703—1769) — поэта, филолога, теоретика, критика, переводчика» (из аннотации) [Третьяковский и русская литература 2005].

Авторы статей показали, что Третьяковский был первопроходцем не только в возрождении системы национального стихосложения, но и отечественной теоретико-литературной и историко-литературной мысли, а также и в опытах литературно-художественной критики. Третьяковский стоял у истоков нескольких художественных движений в русской литературе XVIII в., обозначив их направления и течения. Третьяковский признан одним из предшественников классицизма в русской литературе и крупнейшим его теоретиком [Третьяковский и русская литература 2005: 3—5]. Вспоминают слова поэта П.А. Вяземского: «А право, напрасно закидали у нас бедного Третьяковского такую грязью: его правила о стихосложении вовсе не дурны. Его мысль, что наш язык должен образоваться употреблением <...> очень справедлива. Он чувствовал, что один письменный язык есть язык мёртвый. Здесь он как будто предчувствует и предугадывает Карамзина. Но как Моисей, он сам не успел и не умел достигнуть обетованной земли...» (цит. по: [Алпатова 2005: 224]).

Справедливости ради надо отметить, что и до указанного сборника звучали объективные слова в адрес Третьяковского. В книге по истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. особое внимание было уделено деятельности Третьяковского как реформатора языка [Успенский 1985]. В 2009 г. в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина прошла научная конференция «В.К. Третьяковский — филолог, литератор, публицист».

Как бы ни оценивали литературное и научное творчество В.К. Третьяковского, никто не усомнился в его трудолюбии («трудолюбный»). Оно было поразительно: десятки тысяч строк поэзии, десятки томов переводов. Теория и практика перевода — ещё одна грань филологического дарования Третьяковского. Многие сформулированные им принципы перевода приняты современной теорией перевода. «Стиль переводов и оригинальных сочинений Третьяковского несовершенен как целое — но ведь несовершенство часто оказывается залогом развития» [Алпатова 2005: 221].

Напомним, что В.К. Третьяковский ввёл в русский язык слова *естественность, бытность, разумность, сущее, подлежащее, Провидение, искусство, стихия, внимание*.

Книжная полка

Степанов А.В. «С Третьяковским — в XXI век!» (идиолект поэта В.К. Третьяковского) // РЯШ. 2008. № 8. С. 51—55.

Филологический вклад М.В. Ломоносова. Более счастливой оказалась филологическая судьба младшего современника Третьяковского М.В. Ломоносова.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), первый российский учёный-естествоиспытатель мирового значения, поэт, языковед и литературовед, художник, историк, поборник развития отечественного просвещения, науки и экономики, как филолог начинается со знакомства с «Новым и кратким способом...» В.К. Третьяковского. По полемическим заметкам на книгу, которую Ломоносов взял с собой за границу (1736), видно, что его уже тогда интересовали вопросы русской версификации. Им была завершена реформа, получившая название реформы Ломоносова—Третьяковского.

Ломоносову принадлежат важнейшие филологические труды XVIII столетия. Первой (среди изданных) собственно русской грамматикой стала «Российская грамматика» (1755, опубл. 1757).

В 1743—1744 гг. Ломоносов завершает работу над первым вариантом книги по ораторскому искусству «Краткое руководство к риторике, на пользу любителям красноречия сочинённое», которое стало первой риторикой на русском языке. Через три года Ломоносов заканчивает второй, расширенный и переработанный, вариант. Этот труд считается курсом общей теории литературы с русскими литературными образцами. Книга пользовалась большой популярностью. «Риторика», которую изучали во всех учебных заведениях, равно как и его «Грамматика», способствовали становлению великой русской литературы. Хотя «Риторику» М.В. Ломоносова принято относить к трудам филологическим, содержание этой работы имеет логические, этические и психологические компоненты, что вводит труд Ломоносова в рамки такого современного интеграционного направления, как теория аргументации [Алексеев 2011].

Книжная полка

Алексеев А.П. «Риторика» М.В. Ломоносова и классические идеалы аргументации // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2011. № 5. С. 24—33.

Первым опытом русской стилистики считается трактат «О пользе книг церковных в российском языке» (1757). Учение античных филологов о трёх стилях («высоком», «посредственном» и «низком») Ломоносов применил к русскому литературному языку и жанрам русской литературы.

Первые поэтические и литературно-теоретические опыты Ломоносова относятся ко времени пребывания во Фрайбурге (1739), где он изучал химию и горное дело в Горной академии. Ломоносов прислал в Россию «Письмо о правилах российского стихотворства» с приложенной к нему одой «На взятие Хотина», в которой на практике подтверждал провозглашенные в «Письме...» правила русского силлабо-тонического стихосложения. Последовательно и смело развивая идеи, впервые высказанные В.К. Тредиаковским, Ломоносов утверждал силлабо-тоническую систему как «природную» для русского языка. Его великим практическим открытием в этой области

считается сжатый и энергичный ямбический стих. Тогда же было написано первое сочинение, касавшееся проблем языка, «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739, опубликовано в 1778).

Ломоносов осуществил стилистическое нормирование русского языка. Идеи о стилях русского языка Ломоносов впервые высказал в «Кратком руководстве к красноречию...» (1748); позднее писал об этом в «Российской грамматике» и более детально в сочинении «О пользе книг церковных в российском языке» (1758). Здесь Ломоносов создает получившую широкую известность концепцию «трех штилей» русского языка, призванную обосновать возможность и необходимость и при этом кодифицировать использование русского языка во всех функциональных стилях языкового общения.

Каждый литературный жанр, полагал Ломоносов, должен писаться в определенном «стиле»: «высокий штиль» «потребен» для героических поэм, од, «прозаичных речей о важных материях»; средний — для стихотворных посланий, элегий, сатир, описательной прозы и др.; низкий — для комедий, эпиграмм, песен, «писаний обыкновенных дел». «Высокий штиль» характеризуется сочетанием славянизмов с нейтральными словами, «средний штиль» строится на основе нейтральной лексики с добавлением некоторого количества славянизмов и просторечных слов, «низкий штиль» комбинирует нейтральные и просторечные слова. В итоге была преодолена русско-церковнославянская диглоссия, характерная и для первой половины XVIII в., создан единый стилистически дифференцированный литературный язык.

Теория «трех штилей» повлияла на развитие русского литературного языка во второй половине XVIII в. вплоть до деятельности школы Н.М. Карамзина (с 1790-х годов ориентированного на сближение русского литературного языка с разговорным).

В 1755 г. по инициативе Ломоносова и по его проекту был основан Московский университет. Взгляды Ломоносова на образование и воспитание — предмет особого обсуждения, эпиграфом к которому могут служить хрестоматийные строки из «Оды на день восшествия на всероссийский престол Елизаветы Петровны» (1747): «Науки юношей питают, / Отраду старым подают, / В счастливой жизни украшают, / В несчастной случай берегут».

Существует устойчивое мнение, что педагогика как наука в России начала формироваться только с середины XIX в., однако созданные Ломоносовым проекты «Регламента московских гимназий» (1755) и «Регламента академической гимназии» (1758), а также «Проект школьной системы» (1760) могут считаться памятниками русской педагогики. Педагогические принципы Ломоносова воплотились в основанном в 1755 г. Московском университете. В истории филологического образования в России первым решающим обстоятельством явилось изучение русскими студентами родного языка. Дело в том, что в 1747 г. специальным регламентом Академии наук русским студентам было запрещено изучать родной язык, вследствие чего эти студенты по-латыни писали лучше, чем по-русски. Ломоносов определил русский язык как основу обучения. В 1758 г. он создал «российские классы», что способствовало и становлению русской литературы, и успехам отечественной науки [Северикова 2011].

Книжная полка

Северикова Н.М. Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М.В. Ломоносова в области образования и воспитания // ВФ. 2011. № 11. С. 127—131.

Сам Ломоносов в 1742 г. впервые в России начал читать публичные лекции в Академии наук на русском языке. Отечественная наука, заговорившая по-русски, потребовала своего научного языка, в основу которого и лёг языкотворческий опыт великого энциклопедиста. Велики заслуги М.В. Ломоносова в формировании метаязыка российской науки. Известно, что научный язык в России начинает складываться при Петре I. Во многом это связано с образованием Академии наук и работой в ней приглашённых иностранных учёных. Неслучайно научный язык до Ломоносова представлял набор иностранных заимствований из немецкого, голландского, польского и латинского языков. «Лингвистический» подвиг Ломоносова был предопределён осознанием им роли слова в познании мира, в формировании точного знания. Без этого невозможна способность исследователя «ясно и живо» словом изображать «чувствам нашим отнюдь не подверженные понятия» [Ломоносов 1986: 117]. «Полезь его (слова. — А.Х.) толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые

весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны» [Ломоносов 1952: 394].

Обращение к родной речи, которая должна господствовать на университетской кафедре и в академической лаборатории, объясняется и тем, что Ломоносов — естествоиспытатель и художник слова в одном лице — ощущал потенциал русского языка. «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» [Ломоносов 1952: 391]. Русскому языку под силу стать аккумулятором мировой духовной культуры, поскольку «сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» [Там же: 392]. В ставшем хрестоматийным гимне русскому языку пока ещё не упоминается та ипостась речи, посредством которой человек познаёт, осмысливает познанное и фиксирует результаты научного поиска. Она сформулирована отдельно: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи» [Там же: 392].

Как бы предвидя расцвет русской науки и художественной литературы в XIX в., М.В. Ломоносов в работе «Слово о пользе химии» афористично обозначил роль искусства в научном познании: «Художества происхождение наук ускоряют» [Ломоносов 1986: 119]. Справедливость тезиса его автор подтвердил своим собственным опытом учёного и поэта.

Научное постижение мира движется логикой (анализ) и интуицией (синтез). В результате складывается особый метаязык — термины и когнитивные метафоры.

Решительный переход Ломоносова от научной латыни, которой владел безупречно, к русской речи, в которой видел беспредельные эвристические возможности, означал становление языка отечественной науки.

На терминологическом «верстаке» гения русской науки из греческих и латинских элементов, из немецких и голландских образцов, из аффиксального богатства старославянского языка, из слов бытовой речи вытачивались термины и когнитивные метафоры. Из текстов Ломоносова в отечественный научный обиход вошли термины *атмосфера, микроскоп, минус, полюс, селитра, формула, горизонт, диаметр, радиус, пропорция, барометр, эклиптика, метеорология, оптика, периферия, сулема, эфир, градусник* и многие другие. С его лёгкой руки русские бытовые слова стали терминами (*опыт, движение, явление, частица*). Получили право на существование двухсловные терминологические обозначения, составленные из обыденных слов (*земная ось, законы движения, удельный вес, негашёная известь*). Русские по своей этимологии слова вытесняют вошедшие было чужие лексемы. Так, до Ломоносова были слова *круг, окружить*, но не было слова *окружность*. Это предложенное учёным слово вытеснило пришедший в русский обиход из латинского через немецкий термин *циркумференция*. Следует добавить, что Ломоносов создавал не только научные термины. В его речевой или художественной практике рождались и ставшие общелитературными слова типа *нелепость* и *тленность*. М.В. Ломоносов оказался не только великим устройтелем русской грамматики, но и рачительным хозяином словарного богатства отчего языка.

Высказывается мнение, что из всего культурного наследия М.В. Ломоносова как раз менее всего изучен языкотворческий вклад великого россиянина. В юбилей по случаю 300-летия со дня рождения Ломоносова обсуждалась и такая актуальная задача, как создание консолидированными силами лингвистов и естествоиспытателей словаря научных и художественных текстов великого помора, который должен отразить «не только логическую мощь разума учёного, отлитую в терминах, но и интуицию первооткрывателя, явленную в метафорах, отражающих в совокупности его научную мифологию, представляющую собой естественную, соразмерную когнитивным воз-

можностям человека исследовательскую базу» [Чернейко 2011: 13—14]. Такой словарь, полагает автор статьи, обеспечит актуальное для нашего времени сближение естественно-научного и гуманитарного познания, соединит в себе язык интуиции (когнитивные метафоры) и язык рациональности (термины). Только тотальный охват научной речи М.В. Ломоносова позволит увидеть языкотворческую мощь личности, объединившей в себе оба способа (рационального и художественного) познания мира. Оригинальность мысли и самобытность мышления, выражающаяся в нетривиальной сочетаемости слов — основной инструмент производства смыслов.

Нет сомнений в том, что в научном языке Ломоносова зарождалась и филологическая терминология. Так, первое, как нам представляется, определение понятия «филолог» в отечественной науке дал М.В. Ломоносов. В иллюстрационном диалоге из «Краткого руководства к красноречию» есть реплика: «Филипп. Истинно я начну и постараюсь, чтобы мне из Филиппа сделаться филологом*». Последнее слово снабжено сноской: «Филолог — охотник к наукам» [Ломоносов 1952: 342].

Первые научные грамматики и словари. В тени Ломоносова и Тредиаковского осталось немало учёных, обеспечивших развитие отечественной словесности. Их усилия в основном были сосредоточены на создании российских грамматик, лексикографическом описании русского языка, а также на постижении возможностей слова в форме риторик.

XVIII век представлен грамматиками В.Е. Аодурова (1738—1740), М.В. Ломоносова (1757) и А.А. Барсова (1783—1788) — основными вехами в развитии русской грамматической мысли и кодификации русской речи.

«“Грамматика” В.Е. Аодурова состояла их орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии. К сожалению, книга, оставшись в рукописи, не получила широкой известности, была неизвестна современникам (комментированное издание и атрибутирование рукописи были осуществлены только в 1975 г. Б.А. Успенским)» [Никитин 2009: 106]. Даже Ломоносов не знал о существовании этой грамматики. С 1744 г. В.Е. Аодуров — домашний учитель будущей

императрицы Екатерины II, и можно предположить, что лингвистические взгляды учёного оказали влияние на становление языковой программы императрицы и её реализацию.

Книжная полка

Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // РЯШ. 2009. № 5. С. 104—109.

Главным сочинением Ломоносова по языку была «Российская грамматика», написанная в 1755 г. и выдержавшая 14 изданий. Это первая получившая широкую известность грамматика русского языка, созданная в России. В ней разграничиваются славянские и разговорно-русские формы и определяются особенности русского литературного языка. Оттолкнувшись от старославянской грамматики М. Смотрицкого, Ломоносов высказал ряд оригинальных идей. Придерживаясь латинской схемы частей речи, ко многим вопросам подходил по-новому, отделяя, например, звуки от букв и рассматривая физиологические и акустические свойства звуков. Ломоносов предложил первую классификацию основных диалектов (наречий) русского языка и чётко разграничил русский и церковнославянский языки, определил их основные различия на разных уровнях организации звуковой системы. «Грамматика» М.В. Ломоносова считается первой системной инвентаризацией русского языка.

Разграничивая *грамматику общую* («общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова») и *грамматику особливую* («какова российская грамматика»), Ломоносов приоритет отдаёт последней, поскольку цель его «Российской грамматики» — научить «говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» [Ломоносов 1952: 420]. Воспринимая язык как «безмерно широкое поле» или «едва пределы имеющее море», автор книги попытался создать «общий чертеж всея обширности — Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую» [Ломоносов 1952: 392]. Необходимость такого «чертежа» очевидна, поскольку «в грамматике все науки таковую нужду имеют». «И хотя она от общего употребления язЫка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» [Там же]. «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосно-

вательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» [Там же].

Книжная полка

Арискина О.Л. Роль М.В. Ломоносова в становлении русской дериватологии // РЯШ. 2011. № 12. С. 64—69.

Сухов С.В. Грамматические категории глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова // РЯШ. 2011. № 12. С. 69—74.

Антон Алексеевич Барсов (1730—1791), профессор Московского университета, тридцать лет возглавлял кафедру словесности, член Российской Академии (с 1783), ученик Третьяковского и учитель Карамзина.

Н.М. Карамзин писал о Барсове, что тот «живёт единственно для склонений и спряжений, божится родами и видит во сне наречия» (цит. по: [Державина 2003: 76]). А.А. Барсов, участвуя в подготовке «Словаря Академии Российской», предложил революционные усовершенствования: исключить буквы Ъ и И, заменив их соответственно на Ь и I; Θ как не имеющую отличий от Φ исключить; упразднить Ъ после согласных в конце слова; ввести знак *io* для обозначения ударной гласной в словах *мед*, *лед* (позднее Н.М. Карамзин для таких случаев внёс букву *ě*).

«Российская грамматика» А.А. Барсова [1981] — одно из самых замечательных произведений русской филологической мысли и памятник отечественной лингвистики. Начинается она так: «Российская Грамматика есть наука, или знание исправно читать, говорить и писать на российском языкѣ по лучшему и рассудительному его употреблению» [Барсов 1981: 39]. По словам Ф.И. Буслаева, в своей грамматике Барсов предстал достойным последователем Ломоносова. Грамматика представляет собой полное описание русского языка XVIII в., содержит уникальный языковой материал периода становления русского литературного языка. Грамматика А.А. Барсова состоит из пяти частей: I. Правоизглашение (Orthoepia); II. Словоударение (Prosodia); III. Правописание (Orthographia); IV. Словопроизвождение (Etymologia); V. Словосочинение (Syntax). Словопроизвождение Барсов считал самым сложным и важным разделом грамматики. Он

впервые объяснил, что такое *словопроизвождение*: «Словопроизвождение (Etymologia) показывает правила к познанию слов, каждого особенно, к различению их между собою, и к изменению тѣх из них, которыя подвержены перемѣнам» [Барсов 1981: 90], и детально описал такие процессы, как словообразование, формообразование и словоизменение, сделав существенный вклад в становление и развитие русского словообразования [Арискина 2010].

Как и книга Адодурова, объёмный труд А.А. Барсова не был опубликован и до нашего времени дошёл не в полном объёме. Впервые «Российская грамматика» атрибутирована и издана в 1981 г. Б.А. Успенским.

А.А. Барсов оказался и одним из первых собирателей русского фольклора. В 1770 г. им было издано «Собрание 4291 древних русских пословиц»¹. Несколько пословиц из «Собрания»: Беспечальному сон сладок; Ближняя собака скорей укусит; Богатый что черт рогатый; Бодливой корове не дал Бог рог; Бранью праву не быть; Большая мудрость самому себя знать; Быль что смола, а небыль что вода; Взяв руками не отдадут ногами; Видом орел, а умом тетерев; Дома пан, а в людях болван; Дружбу помни, а злобу забывай; Кто гостю рад, тот и собаку его накормит; Не ставь недруга овцою, а ставь его волком.

Замечено, что все три автора, наряду с филологией, профессионально занимались естественными науками. Если естественно-научные интересы Ломоносова общеизвестны и не нуждаются в комментировании, то далеко не все знают, что В.Е. Адодуров в Академии наук был адъюнктом высшей математики по кафедре профессора Эйлера и обнаружил выдающиеся математические способности, А.А. Барсов также начал свою научную деятельность как математик. Став магистром, он читал лекции по математике сначала в Академическом университете в Петербурге, а затем в Московском университете. Математическое начало профессиональной деятельности всех трёх российских грамматистов способствовало самостоятельности взгляда на языковые факты, отказу от слепого следования славянской

---

¹ Сборник вышел в свет анонимно, что заставило некоторых авторов осторожно заметить: «Приписывается проф. А.А. Барсову».

грамматической традиции, стремлению к точности и системности описания. Естественно-научный подход к языку в данном случае оказался весьма продуктивным [Успенский 1981: 9].

Книжная полка

Арискина О.Л. Антон Алексеевич Барсов и русская дериватология // РЯШ. 2010. № 12. С. 72—76.

Державина Е.И. «Великий муж русской грамматики» А.А. Барсов // Русская речь. 2003. № 4. С. 73—76.

Успенский Б.А. Предисловие // «Русская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 3—30.

Популярной среди читателей была компилятивная «Российская универсальная грамматика» (1769) Н.Г. Курганова (1725—1796), во втором издании названная им «Книга Письмовник...» (1773) — своеобразная энциклопедия для самообразования и развлечения.

В активе русской науки о «духе» своё место занимают риторики, печатные и рукописные, история которых написана В.И. Аннушкиным.

Книжная полка

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. Раздел I. Риторика в Древней Руси; Риторика Петровского времени.

Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: учеб. пособие. — 2-е изд, испр. — М.: Флинта: Наука, 2007. Глава III. Из истории русских словесных наук (с. 68—95).

Начало отечественной лексикографии. «История толковых словарей русского литературного языка начинается только с XVIII в. Официально она открывается знаменитым “Словарём Академии Российской”. Но созданию этого толкового словаря предшествовала длительная работа русских литераторов и лексикографов над другими типами словарей. Значение этой подготовительной работы в истории русского просвещения, в истории русской филологической культуры очень велика» [Виноградов 1977: 210].

Первым толковым словарём русского языка считается «Церковный словарь» (1773—1776) Петра Алексеевича Алексева протоиерея, учёного-богослова и церковного писателя (1727—1801).

Труд П.А. Алексеева по праву считается предтечей толковых словарей русского языка, единственным в своём роде авторским сочинением столь высокого качества, выдержавшим четыре издания и составленным к тому же духовным лицом.

Замысел своего лексикографического предприятия П.А. Алексеев объяснял тем, что «необходимость требовала сочинить особый всем неизвестный или в неизвестной силе взятым речениям, с кратким оных изъяснением церковный словарь» [Алексеев 1773: 6].

Во всех четырёх изданиях содержится примерно 20 тыс. объяснённых слов. Религиозная лексика — основной предмет истолкования автора, нерелигиозная лексика — культурно-исторический пласт слов, способствующий прояснению и углублению значения религиозной лексики.

Представление о словаре можно получить по фрагментам словарных статей:

АБЕЦАДЛО, так именуется семь писмен в нотном пении одним словом, кои состоят из букв римских <...>

АБРАКАДАБРА, имя идола Сирийского <...>

АБСТИНЕНТЫ, реч. Лат. Еретики <...>

АБУБЕКИР, имя Магометова тестя, который, яко ревностный последователь и поборник его учения, по смерти лжепророка получил Калифство, то есть божие наместничество <...>

АБШИТ, толкуется: уволительная, или отпускная грамота с заведательством о ком-либо <...> [Алексеев 1817: 1—2].

Словарная статья включала в себя: (1) заглавное слово; (2) его формальные характеристики (орфоэпические, грамматические, стилистические, этимологические); (3) его толкование; (4) извлечения из текстов — иллюстративный материал; (5) отсылки к источнику, справки разного характера и назначения.

Словарь содержит минимум грамматических помет типа «прил.», «прост.», «собств.», «уменьш.» и др. Эпизодически даются краткие этимологические ссылки, которые облегчают понимание иноязычного калькирования. Автор приводит цитаты из литературы, содержащие контекст с заголовочным словом.

Словарь имел учебное значение, служил доступным практическим пособием. Лексикограф не только сообщает научные сведения,

но и действует на нравственное чувство учащегося. Главный научный труд П.А. Алексеева, разрабатывавшего учение о единстве веры и знания, о глубинной связанности разных сфер духовно-интеллектуальной деятельности человека — богословия, философии и науки — был написан в русле просветительско-религиозной традиции [Феликсов 2009: 81].

Словарь П.А. Алексеева был высоко оценён И.И. Срезневским: «Это не только словарь, по своему времени очень полный и до некоторой степени отчётливый, но и краткая энциклопедия учёных и церковных терминов, обращающая внимание на подлинный смысл всех тех слов, которые могут быть непонятны простому читателю при чтении книг церковной печати» [Срезневский 1848: 221—222]. По сути «Церковный словарь...» П.А. Алексеева — предтеча двух зарождавшихся типов словарей — энциклопедического и филологического.

Книжная полка

Никитин О.В. Пётр Алексеевич Алексеев (1727—1801) // Русская речь. 2002. № 6. С. 66—73.

Феликсов С.В. «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева // Русская речь. 2009. № 3. С. 80—87.

Среди достижений лексикографии XVIII в. и первая в России энциклопедия — «Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской», составленный Василием Никитичем Татищевым (1686—1750), историком и государственным деятелем, автором «Истории Российской с самых древнейших времён». В.Н. Татищев — человек разносторонних природных дарований, широких профессиональных интересов, отличавшийся страстной любовью к истории родной земли, — владел польским, немецким и шведским языками, знал французский, древнегреческий и латинский. Ему принадлежит историко-философский труд «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», в котором достойное место занимают размышления о языке и науке о нём. «Письмо же всякаго стана и возраста людем есть полезно, когда токмо правильным порядком из добрым намерением употребляемо. Но при том надобно и о том прилежать, чтоб научиться правильно, порядочно и внятно говорить и писать. Для того полезно учить и своего языка грамматике» [Татищев 1979: 91].

В.Н. Татищев успел довести свой словарь до слова «Клязьма». «Лексикон» был опубликован в 1793 г. Считается, что это первый опыт составления энциклопедического лексикона с подробным включением и объяснением топонимической лексики.

Книжная полка

Никитин О.В. Василий Никитич Татищев — русский просветитель XVIII в. // РЯШ. 2010. № 7. С. 86—92.

Подмечен факт, что во многих случаях печатание крупных лексикографических и грамматических трудов, кодификация узуса совпадает с периодами подъёма государственности. Так, три важнейших события в Испании — завершение Реконкисты, плавание Колумба к берегам Америки и изгнание евреев из Испании — определили появление непревзойдённой «Грамматики кастильского языка» А. Небрахи, а в эпоху становления молодой американской нации словарь английского языка Н. Уэбстера (1828) закрепляет орфографические нормы американской версии английского языка [Ажеж 2003: 181]. Россия — не исключение. В Санкт-Петербургской Академии наук под руководством М.В. Ломоносова были начаты подготовительные работы по созданию толкового словаря русского языка.

Такое национальное предприятие, как словарь, требует консолидации интеллектуальных усилий в форме академий наук. История Европы свидетельствует, что каждое крупное европейское государство в Средние века непременно учреждало специальную академию для поддержки и развития национального языка. Так, например, в 1612 г. Италия издала пионерский для того времени академический словарь итальянского языка. Французский академический словарь был издан академическим сообществом страны в 1635 г.

Екатерина II, понимавшая роль отечественного слова как средства распространения нужных и благодетельных для россиян познаний, источника общественного благоденствия, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Была поставлена задача «очистить русский язык». С этой целью в 1783 г. была учреждена Российская Академия, в лоне которой осуществили национальный лексикографический проект, во многом аналогичный словарю Французской Академии. Императрица повелела княгине Екатерине Романовне Дашковой быть председателем новой академической организации.

Проект сопровождался теоретическим обоснованием. С июня 1782 г. по сентябрь 1784 г. в Петербурге по инициативе и при непосредственном участии императрицы Екатерины II издавался ежемесячный журнал «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей». Фактическим редактором была Е.Р. Дашкова, президент создаваемой Академии Российской. Активное участие в издании принимали И.Ф. Богданович, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин. Первый номер «Собеседника» открывала ода Державина «К Фелице». Журнал не носил характера научно-академического или официального, ни один учёный в нём участия не принимал. Отсутствовала политическая информация. Основным автором статей на общие политико-просветительские темы была императрица. Ей принадлежал цикл нравоописательных очерков и сатирико-дидактических этюдов.

На страницах журнала Екатерина II сформулировала принципы своей языковой программы, в основе которой — осознание необходимости «очищения» языка; стремление к синтезу тех двух лингвистических идей, которые выявились в ходе борьбы «карамзинистов» и «шишковистов»; апелляция к церковнославянскому языковому наследию и установка на реальное употребление, ограниченное здравым смыслом и вкусами придворного сообщества [Ивинский 2009].

В уставе Академии Российской была сформулирована одна из важнейших её задач: «Вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворство. К достижению сего предмета должно сочинять прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения».

Из шестидесяти членов Академии сорок семь были заняты словарной работой. Президент Академии Е.Р. Дашкова сама описала семьсот слов на буквы Ц, Ш, Щ, уделяя внимание словам нравственного содержания. В работе над словарём принимала участие и императрица. Никто из составителей словаря не получал жалованья, кроме четырёх переписчиков. В итоге большой словарь в шести томах, содержащий 43 257 слов, был создан всего за шесть лет (1789—1794), не считая пяти лет предварительной подготовки. Аналогичный словарь французского языка составлялся шестьдесят лет.

Высокое качество словаря обеспечило ему непререкаемый авторитет и долгую жизнь. Выдающийся русский историк и писатель Н.М. Карамзин писал: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением важнейшим для языка, необходимым для авторов, для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью... Полный словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев... Наша без сомнения счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями».

Словарь Академии Российской стал убедительным итогом развития отечественной науки о слове в XVIII в. Словарь — не только русский мир в алфавитном порядке, но и свидетель уровня и направления филологической мысли. Это своеобразный комpendиум словесных наук XVIII в. Хотя составители Словаря, руководствуясь принципом «не вмещать в Словарь Российской Академии слова и речения Наук и Художеств, единственно ученым и художникам известные», за пределами своего внимания оставили филологическую терминологию, шесть томов Словаря свидетельствуют о наличии отечественного понятийно-терминологического аппарата филологии. Термина *филология* в нём нет (есть *филолог*, *филологический* и *филологически*). **Филолог**, га. С.М. Греч. Любослов; любитель словесных наук. *Филологический*, кая, кое. Прил. Любословный. *Филологически*. Нар. Свойственно филологу [САР: 6: 488].

Выход Словаря стал важнейшей вехой в российской лексикографической традиции. Второе расширенное издание выходило в 1806—1822 гг.

Третьим академическим толковым словарём стал четырехтомный «Словарь церковнославянского и русского языка» объёмом в 114 749 слов, увидевший свет в 1847. Далее были легендарный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, Большой (в 17 т.) и Малый (в 4 т.) академические словари.

Книжная полка

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004.

XVIII век — время не только фундаментальных социальных, политических, культурных, военных, научных преобразований, но и

тектонических сдвигов в русском языке, одним из которых стало переполнение русской речи заимствованными словами, прежде всего терминами. Именно они привлекали внимание отечественных лексикографов. Неслучайно в конце века был подготовлен трёхтомный «Новый словотолкователь» Н. Яновского, вышедший в свет в 1803—1806 гг. В этом словаре содержится первая, как нам представляется, дефиниция термина *филология*: «**ФИЛОЛОГИЯ**, *Гр.* Любление и учение языков и словесности; наука, содержащая в себе правила и примечания, служащие ко всеобщему познанию языков, их критики, значения как собственного, так и переносимого их слов и речений и наконец всего того, что имеет отношение к выражению в разных наречиях народов как древних, так и новейших. <...> К филологии относятся различные отрасли человеческих познаний, кроме высоких наук математических и физических» [Яновский 1806: 987—988].

На первый взгляд кажется, что отечественных филологов занимало исключительно языкознание, поскольку всё созданное относится прежде всего к лингвистике, однако подспудно складывались основы будущего литературоведения. Лексикографическая работа по существу рамками чисто языковедческими никогда не ограничивается, да и грамматика опирается прежде всего на художественный текст. Показателен опыт А.А. Барсова, по самооценке, «рождённого для грамматики». Барсов был знатоком современной ему русской литературы, чтит художественное творчество своего учителя М.В. Ломоносова, преподавал русскую литературу и ввёл в её преподавание исторический принцип: сравнивал литературные приёмы классических и русских поэтов, разбирая литературное произведение, давал слушателям сведения о жизни писателя и об эпохе, в которую тот творил.

Итак, XVIII век для филологии оказался временем весьма продуктивным. Он передал следующему столетию оригинальные грамматики и интересные лексикографические проекты, неожиданные решения, сформулировал принципы научного анализа, а также корпус филологических понятий и терминов.

ФИЛОЛОГИЯ XIX ВЕКА

Оценивая филологию XIX столетия, обратим внимание на «точки роста», обеспечившие возникновение, становление и развитие современной филологии: романтизм и филология; философия языка; открытие сравнительно-исторического метода; появление классической и новоевропейской филологии; словесность как отечественная ипостась филологии, формирование литературоведения как самостоятельной науки.

Романтизм и филология. Начало века связано с господством романтизма — идейным и художественным направлением в европейской духовной культуре конца XVIII — 1-й половины XIX в., для которого характерен интерес к национальному прошлому (нередко его идеализация), традициям фольклора и культуры своего и других народов, стремление создать универсальную картину мира, идея синтеза искусств. Романтики стремились познать «народный дух», а также «неиспорченный» культурой живой народный язык с его диалектами. Отсюда интерес к традиционному фольклору, реализованный в активном собирательстве произведений народной культуры.

Так, А.Х. Востоков, поэт, движимый идеей народности, обращается к народным стихам и задумывает издать своеобразный свод фольклора «Цвет русской поэзии», который составят песни и пословицы. А.Х. Востоков полагал, что «...песни <обрядовые> заслуживают быть сохранены, хотя бы для одного любопытства. Прочие разряды предлагаемого мною русского песенника, как-то: разряд любовных, свадебных, застольных шуточных, былевых и страннических, разбойничьих и военных песен, ожидают равномерно пополнения и обогащения еще в печати памятниками сего рода, которых можно набрать довольно количество по деревням и по областным городам России» (цит. по: [Ухов 1968: 508]).

В 1810 г. А.Х. Востоков, выступая в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, предложил программу собирания народных песен. По его замыслу, это будет большое, критиче-

ски проверенное собрание русских народных песен и других памятников фольклора [Соймонов 1968: 124]. Источником фольклорного материала, по мысли выдающегося филолога, могут быть книжные и в особенности рукописные памятники, а также личные записи. Украшением будущего собрания русской народной лирики П.В. Киреевского станет запись Востоковым песни «Отдавала меня матушка»:

Отдавала меня матушка
За три горы высокия,
За три города за каменных,
Не велела мне сударыня
Не тужить-то мне, не плакати,
Не почаству в гости ездити,
Не почаству, через двадцать лет.
Уж как я-то, горька-бедная,
В три недельки стосковалася.
Уж я выйду, горька-бедная,
На красно-то на крылечушко,
На красно крыльцо перильчато,
Обопрусь я о перилечки,
Обольюсь я горячми слезми,
Посмотрю я в свою сторону,
Не летит ли оттоль ласточка,
Сизокрылая косаточка.
Попрошу я у ней крылышков,
У перепелочки перышков,
У кокушечки голосу;
Полечу я в свою сторону.
Уж я сяду, горька-бедная,
К родну батюшке в зеленой сад,
К родной матушке на вишенья,
Я слезами сад повытоплю,
Я кручиною весь повыгублю.
Как родимой-то мой брателко
По широкому двору похаживат,
Он свой тугой лук натягиват,
Калену стрелу натравливат,
Сам ко стрелке приговариват:
— Полети, моя калена стрела,
Ты убей в саду пташечку,
Сизокрылую косаточку.

Как родимая моя матушка
Увидала из окошечка косящета,
Своего сына уговариват:
— Ох ты гой еси, мое дитятко,
Не стреляй ты в саду пташечку,
Сизокрылую косаточку.
Уж как это моя мила дочь
Со чужой дальней сторонушки.

Собирание и изучение Востоковым народных песен отразилось в его работе «Опыт русского стихосложения», которую высоко ценил Пушкин и о которой столетие спустя напишет Р.О. Якобсон: «В 1812 г. выходит эпохальная работа гениального филолога Востокова «Опыт о русском стихосложении», представившая типологию систем стихосложения, анализ просодических предпосылок русского стиха, обзор разных форм русского фольклорного стиха, характеристику развития русского литературного стиха и взгляд на современные проблемы русского стиха» (цит. по: [Белов 2011_а: 82])

Немецкие поэты-романтики Ахим фон Арним и Клеменс Брентано в 1805 г. начали публиковать собрание немецких песен «Волшебный рог мальчика». Их младшие друзья Якоб и Вильгельм Гримм приступили к составлению сборника немецких сказок и в 1812 г. начали публикацию собрания «Детские и домашние сказки». Последнее прижизненное издание их было осуществлено в 1857 г. Собиратели считали язык, литературу и народное искусство единым творческим процессом. Книга Я. Гримма «Немецкая мифология» положила начало известной в фольклористике мифологической школы.

Внимание к фольклору — это погружение в особый мир языка. Романтический интерес к слову неизбежно приводит к глубокому постижению языка, реализуемого в лексикографических и грамматических трудах. Братья Гримм задумали создать немецкий словарь — исторический словарь-тезаурус, в котором была бы объяснена немецкая лексика от Лютера до Гёте. Предприятие оказалось грандиозным. Несколько лет понадобилось для того, чтобы сложилась картотека объёмом в 600 тысяч карточек. Свой труд братья не завершили. Вильгельм ушёл из жизни, описав букву D, Якоб остановился на букве F. Однако смерть инициаторов не остановила создание словаря, о завер-

шении работы над которым было объявлено в 1960 г. На создание тридцати трёх томов словаря потребовали почти 120 лет (1852—1971). Глубина замысла, тщательность исполнения воплотились в непрезойдённом свидетельстве истории немецкой лексики.

Книжная полка | *Ромашко С.А.* Вильгельм Гримм // РЯШ. 2011. № 2. С. 69—72.

Работа над словарём, постоянное общение с живым словом преопределили историко-теоретическое осмысление языка. Результатом стала четырёхтомная «Немецкая грамматика» Я. Гримма, а также неоценимый вклад этого выдающегося немца в создание сравнительно-исторического метода.

К филологическим последствиям романтизма можно отнести так называемый норвежский языковой эксперимент. Дело в том, что Норвегия в течение долгого времени входила в состав датского государства и пользовалась датским языком в качестве официального и литературного. После обретения независимости в Норвегии возник и развился смешанный городской говор, особенностью которого было соединение норвежской фонетики и синтаксиса и датской морфологии и лексики. В селе говорили на норвежских диалектах без датского влияния. В 1814 г. страна получила политическую самостоятельность и перед ней встала проблема национального языка. Создание его пошло в двух направлениях. Во-первых, приведение существующего языка в соответствие с реальной практикой образованных городских слоёв, во-вторых, создание литературного языка на основе народных говоров. Несколько раз проводились реформы с целью «норвегизации» смешанного городского говора, который с 1890 г. стал называться риксмол. На этом датско-норвежском языке писал Г. Ибсен.

В середине XIX в. П.А. Мунк выдвинул идею создания «народного языка» — ланнсмола, реализованную филологом-самоучкой и поэтом Иваром Осеном. Он четыре года изучал диалекты, издал в 1848 г. «Граматику норвежского народного языка», а в 1850 г. «Словарь норвежского народного языка». Новый язык представлял собой письменный синтез норвежских диалектов, при этом принимались наиболее архаичные элементы, что было связано с романтическими

воззрениями создателей ланнсмолла. Язык был искусственным, но он отвечал общественным потребностям. В 1868 г. возникло общество за права ланнсмолла. В 1885 г. ланнсмол был принят официально и уравнен с риксмоллом. Языковая ситуация осложнилась: появились два конкурирующих языка. Были попытки административными мерами синтезировать их, но эти попытки оказались бесплодными. Существование двух литературных языков создаёт значительные трудности в области просвещения, культуры и государственности, что вызвало отрицательную реакцию всего норвежского общества. В итоге национальное языковое движение в Норвегии зашло в тупик.

Философия и антропология языка. Романтизм обусловил философское отношение к языку. В начале XIX в. в культуре Европы происходит качественный скачок в области «наук о духе». Прежде всего это идея антропологизма, столь заметная в творчестве И. Гердера (1744—1803) и В. фон Гумбольдта (1767—1831).

Всякий разум, всякое искусство человека, считал И. Гердер, начинается с языка. Лишь благодаря языку человек царит и над самим собой и властен раздумывать и выбирать; для всего этого в органическом строении его существовали лишь задатки [Гердер 1977: 98]. В «Трактате о происхождении языка» (1770) Гердер связывал четыре фундаментальных феномена человека — язык, культуру, общество и национальный дух. Язык по своему происхождению связан с культурой и совершенствуется с обществом. Органическая связь языка с культурой и обществом делает его важнейшим компонентом национального духа. «Наипрекраснейшим эссе об истории и разнообразнейшей характеристикой человеческого разума» называл И. Гердер сравнение языков, «ибо в каждом из них втиснут разум данного народа и его характер» [Гердер 1977: 233]. «В самом деле, чем был первоначально язык, как не собранием элементов поэзии?» — вопрошал знаменитый немец [Гердер 1959: 148]. С этим утверждением позже согласились многие известные филологи.

В. Гумбольдт с 1795 г. разрабатывал идею «сравнительной антропологии» — сопоставления различных человеческих сообществ с целью выявления специфики их духовной организации. Язык — наиболее плодотворный путь к разгадке тайны человека и характера

народов. В письме к Ф. Вольфу в 1804 г. Гумбольдт писал: «Мне удалось открыть — и этой мыслью я все больше проникаюсь, — что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы, всё многообразие мира» (цит. по: [Рамишвили 1984: 6]). Для Гумбольдта язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека, и в нем наличествуют такие чувственно воспринимаемые объекты, как «белизна», «нежность» или «животное», которые отсутствуют во внешнем мире. Универсальность и творческая мощь языка предопределена его целостностью и системностью. «Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке. Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [Гумбольдт 1984_а: 313—314].

Вместе с тем в работе «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие» В. Гумбольдт замечает: «Сейчас еще есть люди, и немало, считающие сам по себе язык довольно безразличным инструментом и приписывающие все, что относится к его характеру, характеру нации» [Гумбольдт 1984_б: 326].

Философская рефлексия над языком не прерывалась в течение всего XIX в. В первой половине столетия появился интересный труд А.С. Хомякова «Семирамида» о жизни языка и его законах [Хомяков 1994]. Во второй половине века заметный след оставила философия языка А.А. Потебни.

Философия языка А.С. Хомякова. В отечественной гуманитарной культуре философия языка представлена в работах Алексея Степановича Хомякова (1804—1860), православного богослова, философа, писателя, поэта, публициста, одного из основоположников славянофильства, члена-корреспондента Петербургской Академии наук. О внимании Хомякова к науке о языке и к её философским основаниям можно судить по основному его историческому произведению «Семирамида», в котором заголовки многих параграфов (данные, правда, составителем) подчёркнуто лингвистичны: «Религиоз-

ное слово в кушитстве и иранстве»; «Две системы письменности»; «Жизнь языка и её законы»; «Язык славянский и санскрит»; «Причины, влияющие на искажение слов и изменение их значения»; «Синонимы и метафоры в первобытных языках»; «Место языка славянского в семье индоевропейской»; «Причины оскудения грамматической организации языка»; «Вывод из изучения языков»; «Общие выводы из изучения племён, вер и языков».

Особого внимания заслуживают рассуждения на тему «Жизнь языка и её законы» [Хомяков 1994: 318—332]. Для Хомякова очевидна теснейшая связь речи, мысли и национального характера. «Слово, вечный опекун мысли, никогда не уничтожает её свободы: оно с нею развивается и упадает, управляет ею и повинуется ей» [Там же: 319]. «...Речь, как самое покорное орудие мысли, как самая, так сказать, воплощённая мысль, более всего подвергается влиянию личности народов и их прихотливому произволу <...> Жизнь языка <...> связана с жизнью народов» [Там же: 318, 319]. Слово и мысль, по его мнению, — основа этноса. Когда все богатства равнин и крепость горных твердынь переходили в руки чуждых насильников, народ уходил в неприступную святыню мысли и слова и снова покорял своих победителей [Там же: 323].

А.С. Хомяков полагает, что связь языка с жизнью народа осложняет его изучение. Воздавая должное «западным учёным вообще, и германским в особенности» за то, что основали и развили сравнительно-исторический метод, гарант дисциплинарной самостоятельности филологии и мощный инструмент научного поиска, А.С. Хомяков видит ограниченность их подхода к изучению языка: «...Жизнь языка, а они это забыли, связана с жизнью народа» [Там же: 329]. Сравнительные таблицы и словари открывают сродство некоторых наречий, которые считались совершенно чуждыми друг другу, но они в лучшем случае «менее десятой части сходства не высказывают», поскольку от них «ускользают поэзия слова, его смелые метафоры, прихотливые изменения. Образы, в которые обличается понятие, или отвлечённости, которые связываются с видимым предметом и со временем вытесняют его название, заменяя его другим. Взятые из мысленного мира» [Там же: 320].

В размышлениях о начале языка и языков Хомяков исходит из того, что ни одна из семей человеческих не имеет права считать себя хранительницей первой человеческой речи. Элементы её мы найдём и в языках примитивных, и в языках мировых, например, в языках Англии и Франции, этих «безобразных сплавах нескольких десятков наречий» [Хомяков 1994: 322].

Хомяков был убеждён, что язык был тем менее правилен, чем ближе он к источнику. Слово в языках первобытных народов постоянно меняется, а потому правильность языка — результат современной или бывшей образованности.

Филологически интересны соображения Хомякова о связи морфологической структуры слова с художественно созидательными возможностями языков. Синкретизм языков с богатой флективной системой содержит в себе «глубокий художественный соблазн», обеспечивает «вещественную прелесть стиха». Пример — поэзия художественной Италии и Пиренейского полуострова, судьба славян «с их прекрасным и полногласным языком». Иное видится с аналитическим английским языком, который «сыплет односложными словами, как маковыми зернышками на току». Бедная звуком, чуждая упоительной гармонии певучей речи («скрип, свист деревянная стукотня английских стихов»), Британия высоко реализует себя в области мысли и мыслящей поэзии. Роскошь звуков и бедность мысли с одной стороны, скудость звуков и величавый полет мысли с другой — таков диапазон художественных возможностей языков мира [Хомяков 1994: 324].

Задолго до теорий системности языка Хомяков формулирует мощный методологический постулат: «Истина отдельного вывода определяется только живою общностью целого наречия» [Там же: 320—321].

Появление классической и новоевропейской филологии. В первой половине XIX столетия филологическое знание отделяется от исторического и распадается на две исследовательские области — классическую и новоевропейскую филологию.

Немецкий филолог-классик и педагог Фридрих Август Вольф (1759—1824) создаёт первую по времени и обстоятельно изложен-

ную систему филологии как рационально построенного и замкнутого круга знаний. Он использует термин *филология* полностью в современном смысле слова. В труде «Музей наук о древностях» (1807—1810) Вольф высказывает понимание филологии как всеобщего антиковедения — самостоятельной науки об античности с универсальной историко-культурной программой — и предлагал систему классического образования для прусских гимназий, оказавшую в XIX в. влияние на среднюю школу многих стран. Его «Энциклопедия филологии» издана посмертно (1830). В ней содержится определение классической филологии: «Совокупность сведений и известий, которые знакомят нас с деяниями и судьбами, политическим, научным и домашним положением греков и римлян, с их культурой, языками, искусством и наукой, с нравами, религиями, национальным характером и образом мыслей — всё это так, чтобы мы имели возможность дошедшие до нас их произведения основательно понимать и наслаждаться ими, проникая в их содержание и дух, представляя себе древнюю жизнь и сравнивая её с позднейшей и сегодняшней» (цит. по: [Радциг 1965: 82]).

Ф.Ф. Зелинский, автор словарной статьи «Филология» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, оценил труд Ф. Вольфа как «совершенно схематичный» [Зелинский 1993] и воздал должное Августу Бёку (1785—1868), наиболее видному преемнику Вольфа, выдающемуся университетскому преподавателю, читавшему обобщающий курс «Энциклопедия и методология филологических наук». Этот курс был посмертно издан в 1877 г. Для Бёка филология — не сумма знаний, а особый способ смотреть на вещи, как разновидность познавательного акта. Истинную задачу филологии Бёк определяет как *познание познанного*, познание того, что уже создано человеческим духом. Вторичное познание познанного есть понимание. В этом Бёк идёт за известным протестантским религиозным мыслителем, философом-романтиком, классическим филологом Фридрихом Шлейермахером (1768—1834), считавшим филологию искусством усваивать чужую мысль, искусством понимать [Винокур 1981: 30]. «...Всякая филологическая работа имеет дело с познанием мыслей других людей, которые уже ранее продумали вопрос и изложили свои взгляды на него. Филолог стремится уяснить себе и как

бы повторить мысли своего предшественника. Таким образом он может иметь дело с предметами других наук, но в тех специальных науках эти предметы познаются по их основной задаче, для филолога же они представляют интерес как памятники определенной эпохи, в них его интересует творческое сознание» [Радциг 1965: 83]. Уместно добавить, что Бёк первым отделяет филологию от практического изучения языка. Ф.Ф. Зелинский, который высоко оценил вклад А. Бёка в становление новой филологии, посчитал, что Бёку «повредило стремление отделить филологию как “познание познанного» от истории” [Зелинский 1993].

В итоге деятельности плеяды немецких филологов (Г. Узенер, Э. Роде, У. фон Виламовиц-Мёллендорф и др.) древняя история в качестве самостоятельной отрасли знания отделилась от филологии. Самостоятельной научной областью осталась классическая филология — наука о Древней Греции и Риме. Непосредственный предмет изучения классической филологии — классические языки, древнегреческий и латинский, а также всё, что на них написано: сочинения древних поэтов, писателей, философов, историков, юристов, политиков, людей учёных и нет. Классическая филология продолжает традиции античной учёности, соединяя достижения последней с новейшими филологическими методами. Ф. Шлейермахер, опираясь на труды Вольфа, закладывает основы новой науки — герменевтики, предметом которой, по его определению, может быть любой текст — от античных классиков и Священного Писания до дружеской беседы.

Движение от александрийцев до времён Шлейермахера и Бёка, писал Г.О. Винокур, можно охарактеризовать так: первоначальная филология александрийцев, захиревшая в Средние века, но ожившая в эпоху Возрождения, породила из себя систему исторических наук, однако не растворилась в этих науках без остатка и сохранила своё самостоятельное существование в качестве того особого искусства читать и обрабатывать документы, каким она и была с самого начала [Винокур 1981: 32]. Универсальность классической филологии наиболее наглядно реализовалась между эпохой Возрождения и серединой XIX в. в традиционной фигуре филолога-классика (специалиста по античным текстам), совмещавшего в себе лингвиста, критика, историка гражданского быта, нравов и культуры и знатока других гуманитарных, а при

случае даже естественных наук — всего, что в принципе может потребоваться для прояснения того или иного текста.

Открытие сравнительно-исторического метода. Важнейшим моментом в развитии филологии, превращении языкознания в самостоятельную область науки, обретении им доминирующего положения в кругу гуманитарных наук явилось открытие сравнительно-исторического метода. Усилиями четырёх европейских учёных (Ф. Бопп, Я. Grimm, Р. Раск и А.Х. Востоков) в короткое время (1814—1820 гг.) филологи получили надёжный и перспективный инструмент исследования слова, что обеспечивало научный подход к языку, который заключается в признании закономерности фонетических, морфологических и лексических изменений и наличности таковых как единственного достаточного и необходимого условия для доказательства языкового родства.

В 1810 г. А.Х. Востоков до появления трудов Р. Раска и Ф. Боппа, независимо от них осознал фундаментальный принцип сравнительно-исторических исследований: предсказуемость форм через закономерности звуковых соответствий [Белов 2011_а: 80, 84]. Открытие Востокова было обнародовано в «Рассуждении о славенском языке, служащем введением к грамматике сего языка», написанном в 1818 г. и публично зачитанном в 1820 г.

Датский языковед Расмус Раск сущность сравнительно-исторического метода изложил на германском материале в «Исследовании о происхождении древнесеверного языка» (1814), в котором сформулировал закон германского передвижения согласных.

Центральной фигурой среди четверых создателей сравнительно-исторического метода был Франц Бопп (1791—1868), написавший знаменитое сочинение «О системе спряжения в санскрите в сравнении с греческим, латинским, персидским и немецким языками» (1816), достоинством которого считают признание системности спряжения глаголов в разных языках, удачный подбор используемых для сравнения с санскритом языков и сравнение глагольных флексий. Успешной оказалась сама стратегия научного поиска: объяснение конкретных фактов языка через их историю. Усилиями Ф. Боппа сложилась *индоевропеистика* — наука о сравнении между собой древних ин-

доевропейских языков и исторических объяснениях фактов одних языков через другие.

Книжная полка

Белов А.М. Франц Бопп и культурная революция (К 220-летию со дня рождения) // РЯШ. 2011. № 9. С. 81—88.

В создании метода окончательную точку поставила строгая формулировка Я. Гриммом закона германского передвижения согласных (1822). Отмечалось, что сравнительное языкознание так быстро возникло не на пустом месте. Оно стало результатом совпадения двух факторов: классической текстологии (критики текста) и романтической философии. Методы классической текстологии были ориентированы на установление генетического родства и истории языков и диалектов.

Появление сравнительно-исторического метода означало, что в филологии сменилась научная парадигма: если в XVII—XVIII вв. язык мыслился как продукт человеческого разума, то с XIX в. язык стал пониматься как продукт истории [Белов 2011, с. 86].

В течение всего XIX в. благодаря сравнительно-историческому методу лингвистика достигла больших успехов, правда, в весьма узкой области: в реконструкции не отражённых непосредственно в текстах праязыковых состояний и в выявлении исторических путей развития от праязыков до известных нам языков. К тому же в XIX в. метод не вышел за пределы индоевропейской семьи языков.

Начало новоевропейской филологии. Если классическая филология была ориентирована исключительно на античные (классические) языки, то объектом исследований новоевропейской филологии становятся национальные языки, т.е. живые — письменные и бесписьменные. Широта нового объекта и национальные традиции науки обусловили появление нескольких филологических направлений — индоеврославистики (Ф. Бопп), германистики (Р. Раск, Я. и В. Гримм), славяноведения (Й. Добровский, А.Х. Востоков, Е. Копитар, И.И. Срезневский).

Славяноведение. Начало отечественного славяноведения связано с именами А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, П.И. Прейса и О.М. Бодянского.

Александр Христофорович Востоков (настоящая фамилия Остек-нек; 1781—1864), российский филолог, палеограф, поэт, академик Петербургской АН, заложил основы славистики и сравнительного языкознания. Ему принадлежат труды по сравнительной грамматике славянских языков, грамматике русского языка, он описал 473 памятника древнерусского языка и осуществил первое научное издание Остромирова евангелия (1843). Современник Востокова словенский славист Е. Копитар называл коллегу создателем и светочем славянской филологии.

А.Х. Востоков принадлежит к славной плеяде «русских (питерских) немцев», внесших большой вклад в русскую культуру и в частности в русскую филологию. «А.Х. Востоков создал русскую грамматику, по которой в многочисленных её изданиях училось не одно поколение гимназистов. В.И. Даль создал русский словарь, к которому до сих пор обращаются академические лексикографы и любители русской речи. Яков Грот составил канон русской орфографии, позволивший в течение многих лет совершенствоваться и упрощать наше письмо. Даже в области фонетики “сумрачный германский гений” сделал многое. Тонкий слух А.И. Томсона выявил оттенки (аллофоны) русских подударных гласных, а наблюдательность Олафа Брока привела к открытию “второго о” (закрытого ô) в русских говорах, что также стало поворотным пунктом в изучении фонемного состава русского языка в его истории. “Германский гений” в своей приверженности к системам, к порядку и всеобъемлемости наличных фактов — **к оформлению сущности** — помог нам сосредоточиться на форме нашего национального достояния — языка. <...> “Нелюбовь русских к форме” (как утверждал Бердяев) поразила их воображение, и они захотели показать миру глубокую сущность русской культуры в исторический момент, когда еще только распускались первые почки на древе классической литературы XIX века. <...> Недоставало ли их или они прониклись неуловимыми особенностями русской ментальности, которую сами русские всегда называли духовностью? Кто знает. Пытаясь открыть для себя этот непостижимый феномен культурной жизни народа, ставшего им близким, они предъявили его миру в оформленной целостности и цельности» [Колесов 2010: 223—224]. Это к ним относится замеча-

ние Н.В. Гоголя в «Мёртвых душах»: «Есть много на Руси русских нерусского происхождения, в душе, однако же, русские» [Гоголь 1984: 186].

Многое о теоретическом вкладе А.Х. Востокова мы знаем от его выдающегося ученика И.И. Срезневского. Специально-филологические труды учителя были собраны И.И. Срезневским в книге «Филологические наблюдения А.Х. Востокова» (СПб., 1865), в предисловии к которой дана оценка трудам выдающегося филолога.

Книжная полка

Белов А.М. А.Х. Востоков и зарождение сравнительно-исторического языкознания (К 230-летию со дня рождения учёного) // РЯШ. 2011. № 3. С. 78—85.

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880), филолог-славист, этнограф, академик Петербургской АН. В 1839 г. Срезневский принял предложение Министерства народного просвещения отправиться в славянские земли для подготовки к званию профессора славянской филологии. В течение почти трёх лет, путешествуя (часто пешком) по Чехии, Моравии, Силезии, Далмации, Черногории, Хорватии, Славонии, Сербии, Галиции и Венгрии, молодой филолог изучал местные говоры, собирал песни, пословицы и другие памятники народной словесности, знакомился с бытом и нравами славян и других местных народов. С того времени И.И. Срезневский всю свою жизнь посвятил прошлому и настоящему славянства. Его перу принадлежат сравнительно-грамматические исследования, лексикографические работы, труды по расшифровке и изданию памятников древней старины. Известен его интерес к фольклору. Исследовательское кредо выдающегося слависта изложено в речи, произнесённой 8 февраля 1844 г. на годовичном торжественном собрании Петербургского университета известной под названием «Мысли об истории русского языка».

Книжная полка

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

И.И. Срезневский ввёл русский язык в сравнительно-историческое изучение славянских языков. Он открыл «Саввину книгу», «Листики Ундольского», «Киевские глаголические отрывки». Всю жизнь

И.И. Срезневский готовил словарь древнецерковнославянского и древнерусского языка. Этот труд — «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (тт. 1—3) — был издан в 1893—1912 гг. его детьми. И.И. Срезневский писал об источниках своего словаря: «Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках. Собственно русские памятники, насколько они мне известны, — летописи, грамоты, уставы, слова, сказания, жития святых, записи и надписи, — собраны мною для словаря все без исключения. Памятники славяно-русской церковной письменности также исследованы мною в словарном отношении, но ещё не все. Памятники непрочитанные я продолжаю изучать один за другими и постоянно увеличиваю мой запас» (см.: [Никитин 2002_а]).

И.И. Срезневскому принадлежит идея особой лингвистической дисциплины — географии русского языка, прародительницы современной этнолингвистики.

Книжная полка

Никитин О.В. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) // Русская речь. 2002. № 3. С. 62—67.

Колгушкина Н.В. Академик Измаил Иванович Срезневский в культурном пространстве России. — Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2011.

Словесность как отечественная ипостась филологии. Вплоть до начала XX столетия в отечественной науке о слове господствовало «филологическое дело в его старинной полноте, обнимающей язык и литературу» (С. Бочаров). Все многообразные явления слова изучались в русле единой области знания, ярко представленной в трудах Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни. По выражению В.В. Кожинова, эта филология вбирала и сплавывала в определенную целостность любые словесные феномены — от метафоры поэта до технического термина, от чеканной фразы античного историка до сегодняшнего просторечного оборота — и сыграла грандиозную роль в истории культуры [Кожинов 1975: 250—251].

Эта область знания в XIX в. именовалась *словесностью*. Составители соответствующей антологии [Русская словесность 1997] связывают данное понятие с русской филологической культурой и рос-

сийским университетским образованием, указывая, что во многом понимание термина было очень широким и лишь отчасти соответствовало тому, что теперь называют филологией. Словесность не может быть приравнена «ни к лингвистике, ни к литературоведению, хотя и не является простой совокупностью этих наук. В целом с большой условностью теорию словесности характеризуют как науку о тексте, устном и письменном» [Нерознак 1997: 5], при этом составители отмечают, что устное народное творчество — песни, сказки, былины и т.д. — издавна назывались «народной словесностью», а «в дореволюционной гимназии преподаватель языка и литературы назывался словесником» [Там же]¹.

Книжная полка

Аннушкин В.И. Филология — словесность — языкознание в классической русской традиции и современном научно-педагогическом процессе // <http://www.portal-slovo.ru/44230.php> [25.04.2011].

Отечественная словесность XIX в. имеет своё теоретическое обоснование и практическое воплощение. Примером первого может служить учение о слове А.А. Потебни, примером второго — лексикографическое детище В.И. Даля.

Обратимся к трём сборникам научных трудов А.А. Потебни, изданных в последнюю четверть XX в. Это первый и единственный в советское время сборник «Эстетика и поэтика» [Потебня 1976], сборник «Слово и миф» [Потебня 1989] и сборник «Теоретическая поэтика» [Потебня 1990]. Инициаторами первого были искусствоведы, второго — журнал «Вопросы философии» (философия языка и этнолингвистика), третий вышел в серии «Классики литературной науки». Составители в соответствии со своими научными интересами руководствовались различными целевыми установками, однако содержательно вышедшие в свет книги имеют много общего: это свод фрагментов трёх фундаментальных работ великого филолога — «Мысль и язык», «Из лекций по теории словесности» и «Из записок по теории словесности». Языковед, литературовед, этнолог и фило-

---

¹ Об истории понятия и термина *словесность* в русской научной традиции и его соотношении с понятием и термином *филология* см.: [Аннушкин 2008; 2009].

соф найдут в этих трудах глубокие мысли, тонкие наблюдения, образцы скрупулёзного анализа и перспективные идеи, которые в сумме составляют каркас филологического познания. Главное в концепции А.А. Потебни вынесено в эпиграф к сборнику «Теоретическая поэтика»: «Слово только потому есть орган мысли и неперемненное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» [Потебня 1990]. Слово и художественное произведение изоморфны (структурно подобны), каждое состоит из трёх частей. «В слове мы различаем: *внешнюю форму*, т.е. членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня 1990: 22]. Ср.: «...В поэтическом, следовательно вообще художественном, произведении есть те же самые стихии, что и в слове: *содержание* (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому из него понятию; *внутренняя форма, образ*, который указывает на это содержание, соответствующий представлению (которое тоже имеет значение только как символ, намек на известную совокупность чувственных восприятий, или на понятие), и, наконец, *внешняя форма*, в которой объективируется художественный образ» [Там же: 26]. Вывод: «Язык во всем своем объеме и каждое отдельное слово соответствует искусству, притом не только по своим стихиям, но и по способу их соединения» [Там же: 26—27].

В отечественной лексикографии XIX в., подхватившей эстафету Словаря Академии Российской и подготовившей теорию и практику словарной деятельности XX столетия, особое место занимает «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Об этом лексикографическом шедевре известно очень многое, начиная с первого слова коллекции собирателя. Однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, почему этот словарь, которому более полутора веков, не устаревает, хотя известно, что принципиальным свойством любого словаря является его ограниченность во времени. Словари устаревают, потому что не стареет язык. Словарь — факт науки, а научное знание развивается путём отрицания знания предшествующего. В искусстве иначе. Оно не отрицает свои произведения, а аккумулирует

ет их. Потому не подвержены исчезновению или старости эпос «Илиада», стихи «Я помню чудное мгновенье» или роман «Война и мир».

В поисках ответа на вопрос о феномене Словаря Даля высказывалось немало интересных и даже экстравагантных предположений. Одно из них — сомнение, является ли на самом деле Словарь Даля словарём по существу. Может, это просто удобная форма подачи совсем не лексикографического материала.

Любопытен заголовок статьи «Словарь и словарная статья как жанр словесности». Автор статьи утверждает, что секрет популярности Словаря Даля в том, что тот не является словарём в полном и точном смысле этого слова. Скорее всего, это текст художественный, «уникальные заметки русского писателя, <...> словарная записная книжка, дневник словесника» [Плуцер-Сарно 2000: 211]. Качества художественного собрания слов, выражений, пословиц, поговорок и прочих языковых клише, полагает автор статьи, позволяют этому труду выдерживать сотни переизданий.

Думается, что в определении характера Словаря Даля уместно понятие «нарратив». Нарратив в современном понимании — это повествование, закрепляющее опыт познающего субъекта в форме дискурса. Суть нарративного высказывания заключается в сопряжении излагаемых событий, между которыми устанавливается причинно-следственная связь. В нарративе не только излагаются события, но и систематизируются причинно-следственные связи событий. Важное свойство нарратива — его «объяснительность». Говорящий воспринимает нарратив как средство придания смысла или осмысления действительности. С помощью нарратива человек осмысливает наиболее широкие, дифференцированные и сложные контексты своего опыта. Нарративы не репрезентация, а специфический способ конструирования и установления реальности. Смыслы принимают форму, порядок и связанность, только будучи рассказанными (Л. Витгенштейн). На уровне нарратива обнаруживаются такие культурные связи, которые иным способом трудно выявить.

Человек осваивает окружающую действительность только через повествование. Текст оказывается не только объектом и предметом, но и инструментом научного познания. Нарративная модель порожд-

дения знаний подтверждена опытом И. Гёте, сформулировавшего теорию цвета, практикой Лондонского Королевского общества, в котором актуальным был репортаж-нарратив об отдельно взятом событии, фундаментальном труде Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора». Элементы нарратива обнаруживаются не только в гуманитарном, но и в естественно-научном дискурсе (подробнее см.: [Хроленко 2011: 96—102]).

В тексте Словаря Даля лексемы и микротексты в форме паремий, будучи собранными в одно гнездо, обнаруживают смыслы, которых лишен каждый отдельный компонент гнезда. Именно эти явно пропускающие смыслы и создают иллюзию художественного текста, правда, в нём нет того «мира», создаваемого «творческим искажением жизни» (А.П. Скафтымов), который определяет специфику художественного произведения.

Думается, что в определении феномена Словаря Даля ближе к истине вывод В.В. Колесова о том, что лексикографический труд В.И. Даля — это ментальный словарь, в котором задолго до «концептуального» бума конца XX столетия фактически предстали концепты, концептосфера и т.п. в форме словарных гнёзд [Колесов 2010]. По мнению В.В. Колесова, Даль «описал “лексикон народного духа”». Таинственная притягательность его Словаря состоит в том, что это первый у нас словарь ментальности (идеографический словарь). Дело даже не в пословицах и поговорках, обильно сдобривших острым народным вкусом это “лакомое блюдо” (слова Василия Розанова). Они всего лишь иллюстрировали развитие смысла самого слова, данное в Словаре Даля» [Там же: 224].

Нарратив как исследовательский метод в данном случае усиливается тем обстоятельством, что он использует лексикографическую форму.

Феномен лексикографизации шире интересов лингвистики. Словарная форма осваивает поле всей словесности. Дело в том, что опора на большие массивы текстов неизбежно ставит вопрос об упорядоченном представлении эмпирического материала, идеальной формой которого считается словарная форма, которая как тип издания все чаще привлекает самых различных специалистов, так как по полноте, содержательности, точности и достоверности информации

признается наиболее адекватной. Словари, бесспорно, занимают первое место среди других форм, представляющих данные в сжатом виде. Не случайно итоги лингвистических работ нередко оформляются в виде словарей. Среди наиболее привлекательных для читателя черт называют чёткую и обозримую общую структуру, строгость подачи разных признаков и аспектов описания, возможность избирательного обращения к отдельным параметрам без детального вхождения во весь текст словаря, лаконизм метаязыка, системность и т.д. Этим объясняется лексикографизация методов лингвистики, столь активная к концу XX столетия.

Словарная форма нарратива актуализировалась в гуманитарной науке XX в. Примером может служить опыт французского лингвиста Э. Бенвениста. Одна из глав его книги «Общая лингвистика» представляет собой «Словарь индоевропейских социальных терминов», а последняя глава посвящена термину *цивилизация*, истории слова в английском и французском языках. «Мы только начинаем понимать, какой интерес представляло бы точное описание истоков <...> словаря современной культуры» [Бенвенист 1974: 386]. Сюда же можно отнести и опыт Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [Степанов 2004]. Более того, нарратив в лексикографической форме возможен и в художественной литературе. Яркий пример тому «роман-лексикон в 100 000 слов» крупнейшего прозаика XX в. сербского писателя Милорада Павича «Хазарский словарь» (1983). Эта книга преодолевает традицию линейного повествования и по сути приближается к электронному гипертексту.

В.В. Колесов сравнивает развертывание концепта «любовь» в его ключевых определениях в Словаре Даля в «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова и приходит к выводу о том, что понимание описываемого концепта у Даля гораздо глубже и органичнее, чем у нашего современника, что гений Даля, преодолевая рационализм европейского концептуализма, стал на органически русскую точку зрения — русский реализм в философском смысле. Этот вывод касается всех концептов, которые представлены в Словаре Даля, например, «русскость», «счастье», «авось» и др. Так, *Авось*, для Даля, «не клич безнадёжности, а удалой призыв на действие в таких обсто-

яательствах, когда, казалось бы, нет никаких надежд на победу, но воля есть, и сила ещё осталась» [Колесов 2010: 228].

В словаре-нарративе есть всё — и вопросы для раздумья (например, что имеет в виду пословица «Не у всякого жена Марья, кому Бог даст» [Даль: I: 533]), и чеканные формулировки типа: «**Обломовщина**, усвоено из повести Гончарова: русская вялость, лень, косность; равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; привычка ожидать всего от других, а ничего от себя; непризнание за собою никаких мирских обязанностей» [Даль: II: 593].

Нарративная природа Словаря Даля объясняет и выбор Далем гнездового принципа подачи слов в Словаре, и «дилеттантзм» собирателя как свидетельство, по мнению В.В. Колесова, «незамутнённости ума предвзятыми западными теориями», и «многосторонность» Даля как опыт междисциплинарности, столь необходимой в описании концептов, и «сочинительство» Даля как способ проверить слово в собственном тексте [Колесов 2010: 225].

Стоит прибавить, что нарратив в отличие от традиционных словарей не нуждается в исправлениях или научных дополнениях. Попытка И.А. Бодуэна де Куртенэ редактировать Словарь Даля, пополнить его за счёт некоторых пластов лексики оказалась неудачной.

Книжная полка

Колесов В.В. Ментальный словарь Владимира Даля // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 152, кн. 2. Гуманитарные науки. 2010. С. 223—229.

Плуцер-Сарно А. Словарь и словарная статья как жанр словесности // НЛЮ. 2000. № 44. С. 208—251.

Формирование литературоведения. У языковедения с самого начала сложились академические формы явленности — словари, грамматики и на их основе учебные книги. У формировавшегося литературоведения таких явных форм не было. Наука о художественном слове складывалась частично в лоне языкознания, частично в образовательном диалоге обучающий — обучаемый, а также в литературной критике. По этой причине полной истории становления литературоведения мы не имеем и потому вынуждены опираться на косвенные свидетельства.

Грамматические и стиховедческие труды М.В. Ломоносова позволяют относить их и к науке о художественной литературе. Внимательное знакомство с трудами, в том числе и оставшимися неопубликованными, тоже проливает свет на историю литературоведения.

А.Х. Востоков воспринимается нами как классический образец языковеда, но он также поэт с оригинальными поэтическими творениями, переводчик с немецкого и французского языков на русский, может характеризоваться как теоретик словесности и литературный критический деятель [Белов 2011_а: 79].

Что касается литературоведческой составляющей русского университетского образования первой трети XIX в., то тут информантами могут быть студенты-филологи той поры. Вот каким предстаёт Степан Петрович Шевырёв (1806—1864), критик, историк литературы, поэт, академик Петербургской АН, в восприятии и воспоминаниях студента Ф.И. Буслаева. С.П. Шевырёв начал читать лекции по истории еврейской и индийской литератур в Московском университете. Лекции эти, вспоминает Буслаев, «произвели большой эффект не только между студентами и профессорами, но и в избранной московской публике, переполнившей аудиторию Степана Петровича» [Буслаев 2003]. Чтобы снискать право читать лекции в Московском университете, Шевырёв написал обстоятельную монографию о Данте и его «Божественной Комедии». Шевырёв, вспоминает далее Буслаев, традиционный курс теории словесности расширил за счёт истории литературы, иностранной и русской. Читал он теорию поэзии в историческом развитии, а также историю греческой поэзии. «Готовясь к своим лекциям, он сам постепенно разрабатывал источники русской старины и народности по рукописям, старопечатным книгам, народным песням и преданиям. Неослабный интерес, возбуждаемый в профессоре беспрестанными открытиями в новой, ещё вовсе не разработанной, области науки действовал на нас обаятельно свежестью воодушевления. ...Мне чудилось, будто мы идём по только что проторённым путям в непроходимых лесах и дебрях, по следам отважного проводника, который на каждом шагу открывает нам всё новые и новые сокровища родной земли» [Буслаев 2003: 136].

Стоит отметить, что С.П. Шевырёв будущему великому филологу читал приготовительный курс, цель которого была, во-первых,

по возможности уравнивать сведения поступивших в университет прямо из дому или из разных учебных заведений, во-вторых, теоретически и практически на письменных упражнениях укрепить обучающихся в правописании и развить в них способность владеть приемами литературного слога. Шевырёв знакомил студентов с элементами книжной речи в церковнославянском и русском языках, анализировал тексты Нестора, Ломоносова, Карамзина, Державина, Жуковского и Пушкина. Каждая такая лекция, по благодарным воспоминаниям Буслаева, представлялась «каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почувствовал тогда всю его красоту и сознательно полюбил его» [Буслаев 2003: 134].

Филологические наблюдения и анализы учителя воодушевили автора книги «О преподавании отечественного языка» и легли в основу грамматических и стилистических исследований Буслаева. Пример С.П. Шевырёва красноречиво показывает природу русской словесности, демонстрирует познавательную и исследовательскую роль единства языковедения и литературоведения.

Недавно вышедший том избранных трудов [Шевырёв 2010] показывает широту интересов русского мыслителя. Избранные труды включают работы о Данте, истории поэзии, лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 г., философские и педагогические сочинения.

О месте Ф.И. Буслаева в становлении литературоведения даёт представление сборник его трудов «О литературе» (М., 1990). В первом разделе «О народной поэзии» помещены фундаментальные исследования «О народной поэзии в древнерусской литературе» и «Об эпических выражениях украинской поэзии». Вторая часть сборника «Идеальные образы Древней Руси» включает работы «Идеальные женские характеры Древней Руси» и «Русские духовные стихи». Третья часть «Жизнь и слово» представлена текстами лекций «История русской литературы», прочитанных наследнику престола. Известно также, что Буслаев высоко ценил творчество своего ровесника И.С. Тургенева за его любовь к русскому слову, за сочувственное внимание к простому народу, за доверие к живой жизни, не искривлённое тенденцией и не задушенное книжностью. Читал Буслаев

и Н.М. Карамзина как историка и как писателя. В аннотации составитель пишет: «Сборник избранных работ Ф.И. Буслаева (1818—1897) выходит к 170-летию со дня рождения *великого русского литературоведа* и эстетика прошлого века (выделено нами. — А.Х.)».

В лекциях по истории русской литературы, прочитанных Ф.И. Буслаевым наследному цесаревичу Николаю Александровичу в 1859—1860 гг., фактически сформулированы основы складывающегося в то время литературоведения.

В пределах гуманитарного знания Ф.И. Буслаев разграничивает интересы историка и филолога. По его мнению, историк «жизни государственной или народной» по летописям, мемуарам, документам самого разнообразного содержания стремится воссоздать минувшую эпоху. Критически анализируя материалы, выявляя истинное, «старается передать, как бы в зеркале, правдивое изображение отжившей действительности». Историк литературы (читай: филолог) исходит из того, что памятники словесности, равно как и других искусств, уже сами говорят за себя, они сами вводят изучающего в тот духовный мир, правдивым изображением которого являются. Методологической установкой филологического исследования должно стать кредо выдающегося знатока слова: «Самая высшая задача историка литературы состоит в том, чтобы своими личными взглядами и соображениями он не нарушил полноты и свежести впечатления, которое сам собою получает изучающий при личном знакомстве с памятниками словесности, — чтобы отвлечёнными рассуждениями историк не сгладил с произведения фантазии живительного обаяния его внешней формы, и тем самым чтобы не повредил уразумению мысли, таящейся под этою оболочкою» [Буслаев 1990: 417]. Дело в том, что интерпретация памятников словесности («учёная характеристика в истории литературы») неизбежно отражает личность интерпретатора, воззрения и понятия позднего времени, к которому тот принадлежит. Словеснику, в отличие от историка, нет нужды воссоздавать отжившее, поскольку «всё живучее, в полном цвете и свежести, дано уже исследователю в богатом материале его науки» [Там же: 418—419].

В литературоведении, по мысли Ф.И. Буслаева, содержится большой потенциал «самобытного воспитания себя самого посред-

ством своего личного труда» [Там же: 419]. Успех этого воспитания зависит не от «числа пройденных статей или параграфов руководства», а от духовного возрастания самого учащегося в ходе личного общения «с вековыми традициями человечества, дошедшими до нас в самой разумной форме — слове» [Там же: 419]. Как вытекает из рассуждений Ф.И. Буслаева, филологическое познание требует наиболее полной самостоятельности обучающегося.

Сверхзадача науки о художественном слове, по мысли Буслаева, — воспитание человека и «приуготовление его к полному уразумению действительности» [Там же: 418]. «...Под лёгкою игрою словесного произведения кроется нечто более существенного, нечто необходимое для нравственного бытия и отдельного человека, и целого народа» [Там же: 420]. Вот почему с развитием гражданственности и расширением умственного горизонта у народа возрастает потребность в литературном выражении [Там же: 420]. Художественная форма — надёжный проводник религиозных идей как основы нравственного воспитания. Христианское просвещение, по мнению Буслаева, чтобы войти в плоть и кровь жизни народной, должно вступить в мир литературных, художественных идей под формой религиозной поэзии (духовные стихи, гимны и поэмы) [Там же: 421].

Книжная полка

Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М., 2003.

Свидетельством успешного становления литературоведения могут служить сведения о характере и объёме понятийно-терминологического аппарата, в котором наряду с терминами общепилологических наличествуют обозначения чисто литературоведческого характера. Русская филологическая терминология начинает складываться с обобщающего труда М.В. Ломоносова, а также в грамматиках В.Е. Адогурова и А.А. Барсова. Значительный пласт филологических терминов нашёл своё место в «Словаре Академии Российской» [Аннушкин 2009э]. Терминологические итоги филологии XVIII в. были подведены в «Словаре древней и новой поэзии» (1821), составленном русским писателем Николаем Федоровичем Остолоповым (1782—1833).

Известно, что между литературным процессом и литературоведением лежит литературная критика, которая, являясь частью лите-

ратурного процесса, работает с «новорождённой» литературой, сберегая, по выражению В.Г. Белинского, время и деньги читателей. Критик работает с подвижным контекстом, участвуя в литературном процессе, и выполняет для литературоведа роль своеобразного «фильтра грубой очистки». Критику бездарный текст так же интересен, как и талантливый. Литературоведение в итоге получает оценённый критикой материал. Разграничение литературной критики и литературоведения считается чисто российским явлением, поскольку сама критика появилась потому, что литература в России вышла за рамки развлекательной беллетристики.

Литературоведение и критика объединены постоянно накапливаемой информацией¹. Именно в российской литературной критике начали осмысливаться объект и предмет филологического анализа, актуализироваться литературоведческая проблематика, формироваться методология и складываться понятийно-терминологический аппарат. Так, в первой половине XIX в. понятийно-терминологический аппарат литературоведения расширяется и активно используется в критических работах В.Г. Белинского. В этом отношении интересен печатный труд тверских учёных «Словарь филологических терминов В.Г. Белинского» [Строганов, Трифаженкова 2010]. Показательна словарная статья «Филология», в котором мы найдём *филологические натяжки, филологическую дыбу, свободные и рациональные филологические выводы, филологию вязового языка, филологическое изучение русского языка* и др.

Формирование литературоведческой терминологии и влияние терминотворчества на развитие лексики языка в целом показано на примере слова *роман*. В русский язык существительное *роман* входит в первой половине XVIII в. В.К. Третьяковский, выполнивший перевод романа П. Тальмана «Езда в остров Любви» в 1730 г., первым в России употребил слово *роман*, которое прижилось в русском языке. Благодаря развитию романа как литературного жанра лексическая система русского языка в конце XVIII в. обогащается целым рядом слов и значений, относящихся к внутренней сфере человека.

---

¹ Подробнее см. в материалах круглого стола «Литературоведение и критика нового тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы» [Холиков 2010].

Слово *роман* было втянуто в обозначение любовных отношений. Словосочетание *составить* или *сделать роман* указывало на превращение в жизнь литературного образца. В эпистолярной речи рубежа XVIII—XIX вв. сложилось производное значение ‘любовные отношения между мужчиной и женщиной’ [Евтушенко 2011].

Труды Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского — это те, образно говоря, младенческие ясли, в которых становящееся литературоведение, равно как и фольклористика, определяют своё содержание и специфику исследования. Особенно велика здесь роль А.А. Потебни, разработывавшего теорию словесности, убеждённого в структурном и содержательном изоморфизме слова и художественного произведения, посвятившего серию своих исследований проблемам истории, типологии, психологии и языкового искусства. В главном труде А.А. Потебни «Из записок по теории словесности», опубликованном посмертно в 1905 г., особое место занимает фигура Ф.И. Тютчева, поэтическим приёмам которого отведён фрагмент об индивидуальных чертах живого слова Ф.И. Тютчева.

Книжная полка

Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. — М., 1999.

А.А. Потебня, первый исследователь творчества Ф.И. Тютчева с психолингвистической стороны, открыл истоки двуязычия — русского и французского — замечательного поэта, специфику культуры его художественного слова: «Ф.И. Тютчев служил превосходным примером того, как пользование тем или другим языком дает мысли то или другое направление, которое примет его мысль в следующее мгновение, человек берется за тот или другой из доступных ему языков. Два рода умственной деятельности идут в одном направлении, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздельность, через всю его жизнь, до последних ее дней. Это с одной стороны поэтическое творчество на русском языке, с другой стороны — мышление политика и дипломата, светского человека в лучшем смысле этих слов — на французском».

Опосредованным вкладом А.А. Потебни в русское литературоведение можно считать и то, что им был воспитан замечательный литературовед, биограф, исследователь-историк русской интелли-

генции, историк культуры и критик Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853—1920), автор трудов по истории и теории литературы, психологии творчества, о русских писателях-классиках XIX., по русскому синтаксису, санскриту, ведийской мифологии и философии. Первоисточником искусства Д.Н. Овсяннико-Куликовский считал язык. Знаменитая книга А.А. Потебни «Мысль и язык», указавшая на связь искусства с некоторыми явлениями словесного творчества, для него стала отправной точкой в рассуждениях по данному вопросу. Для современной филологии актуальны слова Д.Н. Овсяннико-Куликовского: «Чем дальше, тем все яснее становилась истина, что если не всякий филолог — лингвист, то всякий лингвист непременно должен быть филологом».

Книжная полка

Никитин О.В. Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (К 155-летию со дня рождения) // РЯШ. 2008. № 4. С. 102—105.

Знаковыми фигурами русской филологии XIX в. считаются Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и А.Н. Веселовский.

Ф.И. Буслаев. Фёдор Иванович Буслаев (1818—1897), филолог и искусствовед, палеограф, академик Петербургской АН (1860). Автор трудов в области славянского и русского языкознания, древнерусской литературы и фольклора, изобразительного искусства. Ф.И. Буслаев — представитель логической школы в языкознании, мифологической школы в литературоведении, позже школы заимствования (миграционная теория) в фольклористике. Исследовал и издавал древние рукописи [НИЭ 2000: 3: 140].

Ф.И. Буслаев уже в студенческие годы проявил себя полиглотом, овладел санскритом и древнееврейским. По окончании университета работал преподавателем русского языка в гимназиях Москвы и давал частные уроки. Педагогический опыт predetermined написал научные трудов по методике преподавания русского языка. Среди них фундаментальная книга «Преподавание отечественного языка» (1844). С 1847 г. — преподаватель, а с 1859 г. — профессор Московского университета. В 1860 г. избран действительным членом Петербургской Академии наук.

В 1858 г. в свет вышла книга Ф.И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка», фундаментальный филологический труд, который подытожил работу Буслаева в области истории русского языка, которая шла в трёх направлениях: (1) изучение истории языка в связи с историей народа (главным образом с историей его духовной жизни) и в сопоставлении с развитием мышления; (2) палеографическое и лингвистическое описание и издание старославянских и древнерусских рукописей; (3) изучение фактов истории языка для объяснения звуковой и грамматической системы современного ему литературного языка [Буслаев 1959: 8]. Идейным стержнем исторического труда Буслаева стало убеждение учёного, сформулированное им в рецензии на книгу А.С. Хомякова «Сравнение славянских слов с санскритскими»: «Разумную цель лингвист имеет тогда, когда, не ограничиваясь исследователем букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа». Видимо, в этом филологическом послые учёного содержится разгадка того, почему Буслаев в начале 60-х годов отходит от проблем языкознания и занимается по преимуществу древнерусской литературой и устным народным творчеством, а позже — историей древнерусского искусства.

В 1861 г. Ф.И. Буслаев издаёт «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков». В книгу вошли 153 произведения, часть которых была подготовлена к печати по рукописям и опубликована впервые. В том же году были опубликованы «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». В 1887 г. свет увидел сборник статей «Народная поэзия. Исторические очерки».

Ф.И. Буслаев полагал, что народное мировоззрение и народная мораль проявляются прежде всего в языке и в мифологии, а народная поэзия — это нравственный идеал.

Результатом нескольких заграничных путешествий (Чехия, Германия, Италия, Франция, Швейцария) с целью изучить историю искусства явилась статья «Общие понятия о русской иконописи» (1866), а также работы по истории живописи, иконографии, миниатюры, орнамента. основополагающие труды о народной культуре, народно-поэтическом творчестве, древнерусской иконописи не утратили поныне своего значения.

Ф.И. Буслаев проложил пути, по которым пошли его многочисленные ученики и последователи (А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский и др.), наметил контуры синтетической дисциплины о народной культуре, которая включает в себя элементы фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствознания.

В основе всех трудов Буслаева лежала мысль о жизни великого русского племени, духовной жизни русского народа. В центре его исследовательского внимания всегда оставалась «сама духовная жизнь народа, перелитая в гармонические звуки родного слова» [Буслаев 1990: 428—429]. Даже сугубо специальные вопросы обсуждаются им в контексте народной жизни, национальной психологии и культуры.

Исследователи отмечают, что в научном творчестве выдающегося филолога лежат уроки немецкой классической философии и немецкого романтизма, которые проявляются в диалектическом видении языка, мифологии и культуры как органически целостных и в то же время внутренне противоречивых объектов, взятых в аспекте происхождения и внутреннего развития и во множестве внешних связей и отношений.

Ф.И. Буслаева отличала любовь к факту, однако он не любил слишком узкие, мелкие, частные и второстепенные проблемы. С Ф.И. Буслаева начинается подлинно научная разработка вопросов филологии.

В основание науки о культуре Ф.И. Буслаев положил языкознание. Он первый в отечественной науке использовал язык как исторический источник, тесно связанный с жизнью народа и его духовной культурой. Для Ф.И. Буслаева история языка по существу является народознанием или прикладной историей культуры.

Научное творчество Ф.И. Буслаева продемонстрировало мощь сравнительно-исторического метода, который эффективен не только в языкознании, но и в области народной поэзии, мифологии и бытовой жизни. Учёный признавался, что он изучал русский язык не по методу мечтательных умозаключений, а пользовался точным микроскопическим анализом сравнительной и исторической грамматики. С помощью этого метода можно открыть в прошлом народ-

ной культуры источник и основание её современного состояния, а в настоящем — живое присутствие прошлых стадий развития. Сравнительно-историческое изучение лексики славянских языков помогло представить картину славянских верований мифопоэтического периода.

В книге «Преподавание отечественного языка» можно найти немало размышлений о филологии как методологии изучения языка, о необходимости строгой филологической критики, поскольку это приучает к «отчётливому сознательному чтению». Пока никто не опроверг постулат Буслаева, учёного и педагога: «...Учитель обязан все свои мнения основывать на данных, самим автором указанных, следовательно, обязан свою филологическую экзегетику подчинить так называемой субъективной, т.е. заставить, чтобы писатель объяснял сам себя. Так, при чтении Карамзина надлежит сличать слог его “Истории” с древними источниками; оды и речи Ломоносова объяснять его риторикою, стихотворения Державина — объяснениями, им самим сообщенными, поэтические переводы Жуковского сличать с подлинниками и т.д.» [Буслаев 1992: 88—89]. Только скрупулёзное изучение текста вскрывает аккумулялирующую природу слова, особенно очевидную при обращении к языку традиционной народной культуры.

Труды Ф.И. Буслаева заслужили мировое признание, они положили основание в изучение русского языка, древнерусской литературы, народно-поэтического творчества, отечественной этнографии и истории древнего быта, искусствознания.

В современной филологии развиваются идеи, сформулированные Ф.И. Буслаевым в книге «Преподавание отечественного языка»:

- о целостности языка: «...язык есть живое целое; человек никогда не произнесёт ни единого слова бессмысленного, но всегда говорит предложениями, выражающими мысль» [Буслаев 1992: 56];
- об аккумулятивном свойстве слова и национальном характере: «...как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей» [Буслаев 1992: 271];

- о языке и этническом самосознании: «Язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность. Искренние, глубочайшие ощущения внутреннего бытия своего человек может выразить только на родном языке. Внутренняя неразделённость языка и характера народа особенно явствует из отношения языка и народной образованности, которая есть не иное что, как непрерывное развитие духовной жизни, а вместе с тем и языка» [Буслаев 1992: 340];
- о первенстве функции в природе языка: «Язык живёт в разговоре: оттого постоянно выступает в речи личность говорящего, постоянно обособляется то, о чём говорится» [Буслаев 1992: 391].

Ф.И. Буслаев мечтал о лексиконе фольклорных эпитетов и видел в нём инструмент важных этнопсихологических и этноносеологических исследований. «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным» [Буслаев 1992: 286]. Мечта великого филолога осуществилась в начале XXI в., когда в свет вышли лексикографические работы курских лингвофольклористов — первые выпуски словаря былинной лексики [Бобунова, Хроленко 2006] и конкордансы к русским народным песням [Бобунова, Хроленко 2007; 2008; 2009; 2010].

Книжная полка

Афанасьев Э. Фёдор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; статьи. — М.: Худ. литература, 1990. С. 3—28.

А.А. Потебня. Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891), филолог-славист, член-корреспондент Петербургской АН (1875), глава Харьковской лингвистической школы. Развивал психологическое направление в российском языкознании и литературоведении. Его труды в области общего языкознания (язык и мышление, язык и нация, происхождение и развитие языка), теории словесности (поэтический язык, природа поэзии и искусства и др.), типологии, лексикологии, исторической стилистики, семасиологии, литературного языка, теории фразеологии оказали влияние на развитие филологии.

Он внёс вклад в славистику (особенно в славянскую диалектологию, сравнительно-историческую грамматику славянских языков, исследование русского и украинского языков) [НИЭ 2001: 14: 216—217].

А.А. Потебня родился 10 (22) сентября 1835 г. в с. Гавриловка Полтавской губернии. В 1856 г. окончил Харьковский университет, позднее преподавал там же, с 1875 г. профессор, с 1877 г. член-корреспондент Академии наук. Основные работы: «Мысль и язык» (1862), «Заметки о малорусском наречии» (1870), «Из записок по русской грамматике» (докторская диссертация, 1874), «Из истории звуков русского языка» (1880—1886), «Язык и народность» (1895, посмертно), «Из записок по теории словесности» (1905, посмертно).

А.А. Потебня — первый крупный теоретик лингвистики в России. Он находился под сильным влиянием идей В. фон Гумбольдта, однако переосмыслил их в психологическом духе. Много занимался изучением соотношения мышления и языка, в том числе в историческом аспекте, выявляя, прежде всего на русском и славянском материале, исторические изменения в мышлении народа. Занимаясь вопросами лексикологии и морфологии, ввел в русскую грамматическую традицию ряд терминов и понятийных противопоставлений. В частности, он предложил различать «дальнейшее» (связанное, с одной стороны, с энциклопедическими знаниями, а с другой — с персональными психологическими ассоциациями, и в обоих случаях индивидуальное) и «ближайшее» (общее для всех носителей языка, «народное», или, как чаще говорят теперь в русской лингвистике, «наивное») значение слова. В языках с развитой морфологией ближайшее значение делится на вещественное и грамматическое. Потебня известен также своей теорией внутренней формы слова, в которой конкретизировал идеи В. фон Гумбольдта. Внутренняя форма слова — это его «ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка (например, у слова *стол* сохраняется образная связь с глаголом *стлать*); благодаря внутренней форме слово через метафору может приобретать новые значения. Именно в трактовке Потебни «внутренняя форма» стала общеупотребительным термином в русской грамматической традиции.

Самая неожиданная оценка теоретического вклада А.А. Потебни в отечественную науку и культуру в целом принадлежит П.А. Фло-

ренскому. Молодой теолог, будущий священник, ставший выдающимся мыслителем, П.А. Флоренский в 1909 г. опубликовал статью «Новая книга по русской грамматике», посвящённую концепции «внутренней формы слова» А.А. Потебни. Восприняв потебнианское представление об особой важности внутренней формы для словесно-языковых явлений, Флоренский как богослов усмотрел во внутренней форме *душу* слова: «Эта душа слова — его внутренняя форма — происходит от акта духовной жизни... как явление самого духа» [Флоренский 1990: 2: 233]. В филологическом разделе книги «У водоразделов мысли», который Флоренский назвал «Мысль и язык» (заглавие совпадает с названием главного труда Потебни), автор говорит о влиянии «личности этого профессора в наиболее благороднейшем смысле слова, этого воспитателя, вдохновителя и окрылителя всех, сталкивавшихся с ним на жизненном пути, этого родоначальника целой школы, целого ученого вывода, этого подвижника, аскезой научной деятельности угасившего страсти и поднявшегося над субъективизмом обособленной души, этого редкого носителя педагогического эроса, чрез который он мог **зачинать в душах**, этого, наконец, святого от науки» [Флоренский 1990: 2: 233]. Главное во внутренней форме, ее смысловых возможностях, по Потебне, то, что она представляет собою образ, который не сводится к ближайшему образному признаку слова, улавливаемому этимологическим анализом, поскольку в образе аккумулируется множество разнообразных смыслов.

Одним из первых в России Потебня изучал проблемы поэтического языка в связи с мышлением, ставил вопрос об искусстве как особом способе познания мира. Он исследовал украинский язык и украинский фольклор, комментировал «Слово о полку Игореве». Потебня создал научную школу, известную как Харьковская лингвистическая школа; к ней принадлежали Д.Н. Овсянико-Куликовский (1853—1920) и ряд других ученых. «Идеи Потебни оказали большое влияние на многих русских лингвистов второй половины XIX в. и первой половины XX в. Потебня истолковывал понимание как активный творческий процесс, формирующий духовный облик индивида. Психология поэтического творчества, по Потебне, соответствует творчеству смысла слова. Потебня создал психологию восприятия и толкования художественных произведений. Ему при-

надлежит развёрнутая теория творческого процесса, исследование роли воображения в нём, характера воплощения замысла в определённом материале, установление отличия художественного и научного творчества» [БЭ 2006: 38: 305].

В разработке основ современной филологии полезными могут быть идеи, представленные работах А.А. Потебни. Обратим внимание на некоторые. Содержание произведения искусства развивается не в художнике, а в понимающих, слушающий гораздо лучше говорящего понимает, что скрыто за словом, а читатель может лучше поэта постичь его произведения [Потебня 1990: 28]. История литературы без истории языка так же ненаучна, как физиология без химии [Там же: 51]. В полемике об истине в филологии уместно вспомнить мнение замечательного исследователя: «...Истинно то, что согласуется с совокупностью доступных нашему наблюдению данных, т.е. истина существует не в воздухе, а для известного лица» [Там же: 68]. Размышляющим над экологией языка следует учитывать оптимистический тезис Потебни, что порчи языка «по-нашему, никогда не было» [Там же: 305]. Заботиться надо не о языке, а о речи индивида или социальной группы.

Книжная полка

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. — М.: Высш. шк., 1990.

Идеи А.А. Потебни, как и его великого предшественника В. фон Гумбольдта, не только не устарели, но более того, со временем обнаруживают огромный эвристический потенциал и сообщают современной науке импульс развития. Выясняется, что потебнианская идея о «дальнейшем значении» слова созвучна современным представлениям о когнитивных процессах в мышлении человека и месте в них языка. Размышления Потебни над «дальнейшим значением» слова способствовали возникновению науки на стыке социологии, лингвистики и психологии — когнитивной лингвистики.

Книжная полка

Болотов В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика // ВЯ. 2008. № 2. С. 82—96.

В трудах А.А. Потебни мощный импульс получила теория словесности, по сути определившая «многие современные теоретиче-

ские задачи этой дисциплины» [Нерознак 1997: 5]. В теории словесности А.А. Потебни основными вопросами являются: слово и образ; природа поэтического произведения; искусство слова в историческом развитии.

Книжная полка

Пресняков О.П. Поэтика познания и творчества. Теория словесности А.А. Потебни. М., 1980.

А.Н. Веселовский. Александр Николаевич Веселовский (1838—1906), филолог, академик Петербургской АН (1881). Представитель сравнительно-исторического литературоведения; родоначальник исторической поэтики. Его исследования базируются на глубоком знании славянской, византийской и западноевропейской литературы и мирового фольклора. Он окончил Московский университет (1858), печатался с 1859 г. До 1870 г. в основном за границей: сначала в качестве частного гувернёра, затем слушал лекции в Берлине, Праге; работал в итальянских архивах (1864—1867). А.Н. Веселовский — основоположник русской филологической школы. В своей вступительной лекции к курсу истории всеобщей литературы («О методе и задачах истории литературы как науки», 1870). Он провозгласил приверженность методу *сравнительно-исторического* литературоведения, который демонстрирует (на основе открытий в области мифологии, этнографии, лингвистики) как неизвестные ранее черты общности национальных культур, так и возможности их параллельного развития и взаимодействия.

Последующие его исследования в области русского духовного стиха (1879—1891), южнорусских былин (1881—1884), а также античной и византийской предыстории романа подготовили создание системы *исторической* поэтики. Это итоговое понятие возникает у Веселовского в 1893 г. («Из введения в историческую поэтику»). Веселовский показал, как из обрядового синкретизма рождаются основные формы словесного искусства, а хоровой запевала превращается в поэта. Часть «История поэтического стиля» включает знаменитые статьи «Из истории эпитета» (1895), «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (1898).

Делом всей жизни А.Н. Веселовского стала «Историческая поэтика», фундаментальный труд, наметивший основные проблемы

развития поэзии: 1) первобытный синкретизм и эволюция жанров; 2) положение поэта и общественная функция поэзии; 3) развитие поэтического языка; 4) поэтика сюжетов [Жирмунский 1940: 30].

Фундаментальный труд должен был стать теоретическим обоснованием истории литературы как науки, решением вопроса о её содержании и методе, о месте, занимаемом историей литературы в ряду других исторических наук. В основу концепции поэтического развития был взят культурно-исторический принцип.

Научность филологического труда, по мысли учёного, обеспечивается строгой методикой, которую описывает сам автор: «Под словом “обобщение” мы привыкли разуметь понятия весьма различные и далеко друг от друга расходящиеся. На практике в этом нет большого греха, но в науке интересно бывает отделить принятое от дозволенного. Вы изучаете, например, какую-нибудь эпоху; если вы желаете выработать свой собственный самостоятельный взгляд на нее, вам необходимо познакомиться не только с ее крупными явлениями, но и с тою житейскою мелочью, которая обусловила их; вы постараетесь проследить между ними связь причин и следствий; для удобства работы вы станете подходить к предмету по частям, с одной какой-нибудь стороны; всякий раз вы придете к какому-нибудь выводу или к ряду частных выводов. Вы повторили эту операцию несколько раз в приложении к разным группам фактов; у вас получилось уже несколько рядов выводов, и вместе с тем явилась возможность их взаимной проверки, возможность работать над ними, как вы доселе работали над голыми фактами, возводя к более широким принципам то, что в них встретилось общего, родственного, другими словами, достигая на почве логики, но при постоянной фактической проверке, второго ряда обобщений. Таким образом, восходя далее и далее, вы придете к последнему, самому полному обобщению, которое в сущности выразит ваш конечный взгляд на изучаемую область. Если вы вздумаете изобразить ее, этот взгляд сообщит ей естественную окраску и цельность организма. Это обобщение можно назвать *научным*, разумеется, в той мере, в какой соблюдена постепенность работы и постоянная проверка фактами, и насколько в вашем обобщении не опущен ни один член сравнения. Работа бо-

лее или менее продолжительная, смотря по обширности предмета» [Веселовский 1940: 44—45].

В течение многих лет А.Н. Веселовский последовательно ограничивает себя накоплением параллелей и сопоставлений фактического материала выписок и цитат по средневековой литературе и народной словесности, которые без вмешательства субъективной точки зрения исследователя должны, по его мысли, подсказывать читателю объективные обобщения, как бы заложенные в самом материале [Жирмунский 1940: 3]. «...Научное обобщение, приложенное к широким литературным эпохам, которые всего более могли бы привлечь ваше внимание, возможно лишь в конце долгой учёной деятельности, как результат массы частных обобщений, добытых из анализа целого ряда частных фактов» [Веселовский 1940: 46].

Большой и разнообразный материал можно освоить с помощью сравнительно-исторического метода. «Известно, какой поворот в изучении и в ценности добываемых результатов произвело в области лингвистики приложение сравнительного метода. <...> ...успехи лингвистики на этом пути подают надежду, что и в области исторических и литературных явлений мы дождёмся если не одинаково, то приблизительно точных результатов» [Веселовский 1940: 47]. В школе Буслаева и Якоба Гримма учился Веселовский и широкому пониманию народности во всей совокупности её исторических проявлений — не только в памятниках письменности и художественной литературы, но и в народной поэзии, в мифологии и обрядности, в правовых отношениях, в языке.

«Поэтика» Веселовского задумана как широкое сравнительно-историческое обобщение огромного материала частных эмпирических фактов, наблюдений и исследований, накопленных этнографией, фольклористикой и литературоведением XIX в. Веселовский прибегает к широчайшему сопоставлению и сравнению аналогичных литературных явлений у разных народов и в разные хронологические периоды, хотя и не связанных между собой непосредственной генетической зависимостью. «Существенной особенностью сравнительно-исторического метода Веселовского является его *универсализм*, стремление к максимальному широкому охвату всех явлений мировой литературы. <...> Кругозор самого Веселовского, ученого-

энциклопедиста, отличается исключительной широтой: он обнимает классические и новоевропейские литературы, романо-германский запад, славяно-византийский мир и восток, рядом с книжной литературой — безымянную народную песню и поэзию культурно-отсталых народов.

По широте научного кругозора Веселовский не имеет соперников не только в русской, но и в мировой науке. В западноевропейскую науку он впервые вводит факты византийской, русской, славянской литератур. Широко пользуется Веселовский и фольклорно-этнографическим материалом, записанным среди многочисленных национальных меньшинств царской России, финских, тюркских, палеоазиатских народов. Для Веселовского не существует привилегированных народов и литератур. В этом отношении его исследования по вопросам “поэтики” выгодно отличаются от “европоцентризма”, столь характерного для буржуазного литературоведения на Западе» [Жирмунский 1940:16].

«...Сравнительное изучение поэзии должно во многом изменить ходячие понятия о творчестве» [Веселовский 1940: 49]. Кредо великого филолога сформулировано в его известной статье «О методе и задачах истории литературы как науки», представляющей вступительную лекцию в курс всеобщей литературы, читанную в 1870 г. в Петербургском университете.

Секрет феноменального успеха русской филологической мысли XIX в., представленной именами выдающихся исследователей слова, во-первых, в том, что настоящая филология должна быть универсальной и обнимать собой все проявления жизни слова во всех сферах функционирования языка; во-вторых, все русские филологи были большими знатоками и любителями традиционной народной культуры, прежде всего в её вербальной составляющей. Анализ фольклорного слова не может не быть филологическим. Исключительно лингвистический подход к языку фольклора множит банальности, чисто литературоведческий (фольклористический) — пустословен.

Уроки Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни и А.Н. Веселовского даром не прошли. Научную эстафету классиков филологии XIX века приняли Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин и Д.С. Лихачёв, все те учёные (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.Я. Пропп, С.С. Аве-

ринцев, Ю.М. Лотман, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров, А.А. Зализняк и др.), которые в XX столетии своими трудами обеспечили высокий уровень отечественной науки о Слове.

Европейские школы филологии. К концу XIX — началу XX в. в Европе складываются четыре основные школы филологии, характеризующиеся различным конкретным национальным материалом и общим материалом, связанным с классической древностью и Священным Писанием. Это немецкая, англосаксонская, французская и русская филологические школы.

Немецкая школа разрабатывала германскую филологию (братья Гримм), «науку о древностях», библейскую критику и герменевтику с философским уклоном.

Англосаксонская школа разрабатывала основы семиотики (Ч. Пирс, Ч. Моррис), а также лингвистическую философию (Дж. Остин).

Французская школа была сильна теорией анализа дискурса, методологией толкования художественного текста, культурологическим направлением сравнительно-исторического языкознания (Э. Бенвенист).

Русская филологическая школа начиналась трудами М.В. Ломоносова и В.К. Тредиаковского, Словарём Академии Российской, продолжалась В.И. Далем, Ф.И. Буслаевым, А.А. Потебнёй, А.Н. Веселовским, Ф.Е. Коршем, Ф.Ф. Зелинским, А.И. Соболевским.

В XX в. русская школа осталась на высоте (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв, С.С. Аверинцев и др.) [Степанов 2003: 594—595].

Несмотря на последующую неизбежную дифференциацию лингвистических, литературоведческих, исторических и других дисциплин, вышедших из лона некогда единой историко-филологической науки, существенное единство филологии как особого подхода к написанному слову и поныне, хоть и в неявном виде, сохраняет свою силу. Иначе говоря, филология продолжает жить не как партикулярная «наука», по своему предмету отграниченная от истории, языкознания или литературоведения, а как научный принцип, как самозаконная форма знания, которая определяется не столько границами предмета, сколько подходом к нему [Аверинцев 1990: 545]. В фило-

логических науках нарастают интегративные начала. В сферу филологических исследований вовлекаются разного типа тексты — устные, нехудожественные, «необразцовые»; выделяются печатные и компьютерные тексты как их самостоятельные разновидности. Субъектом и объектом филологических наук становится человек. Возрождаются риторика и теория словесности, повышается их роль в развитии современной филологии. Результат развития филологии — современные так называемые пограничные филологические науки и дисциплины.

В течение первых двух третей XIX в. филология ощущалась как единая наука, которая «вбирала и сплавивала в определённую целостность любые словесные феномены — от метафоры поэта до технического термина, от чеканной фразы античного историка до сегодняшнего просторечного оборота. Единая, при всех возможных её ответвлениях, область знания охватывала все многообразнейшие явления *слова*» [Кожин 1975: 250—251]. Научный опыт Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни и А.Н. Веселовского подтверждает сказанное. К концу XIX в. единая филологическая наука — словесность — разделилась на лингвистику, литературоведение и фольклористику. Ю.М. Лотман считал это разделение объективным фактом истории культуры. Причины разделения виделись в общенаучной тенденции к дифференциации, а также в методологии, поскольку появляющиеся дисциплины опираются на собственные методики [Лотман 1979: 47]. В итоге, как считал С.С. Аверинцев, единство филологии как науки оказалось взорванным во всех измерениях; она осталась жить уже не как наука, но как научный принцип [Аверинцев 1972].

Итак, XIX в. — время для филологии чрезвычайно продуктивное. Наука о слове, представленная немалым числом выдающихся филологов, получила философское обоснование, обрела дисциплинарную самостоятельность, расширила своё исследовательское пространство, внутренне дифференцировалась, выработала мощный исследовательский метод и, оставаясь общеевропейской по принципам и тенденциям, пошла несколькими национально обусловленными путями. В становлении новой филологии ключевую роль сыграли немецкие и русские учёные, что было обусловлено подъёмом национального самосознания у немцев и русских, связанным с известными геополитическими факторами.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ XX ВЕКА

Общая оценка российской филологии. Отечественную филологию XX в., которую часто именуют начиная с 1920-х годов советской, оценивают неоднозначно. Однако преобладают позитивные мнения. «Русская филологическая наука традиционно находилась на исключительно высоком уровне. Положение это было блестяще подтверждено советской филологией. Не впадая в преувеличение, можно сказать, что значительная часть идей, которые сыграли авангардную роль в истории мировой филологии XX века, впервые высказаны на русском языке» [Лотман 2003: 106]. Если взглянуть на современную отечественную науку о Слове, можно отметить, что поле отечественной филологии расширилось, устраивалось и плодотворно обрабатывалось, чему способствовало творческое усвоение филологической традиции двух предшествующих веков, постановка и решение многих фундаментальных проблем гуманитарного знания.

Отечественная филология XX в. опирается на традиции XIX столетия, которые сошлись с научными открытиями XX в., например, с трудами Ф. де Соссюра. Век характеризуется господством «суверенитетов» нескольких филологических наук, среди которых доминируют языкознание (лингвистика), литературоведение и фольклористика. В филологии XX в. определилось несколько направлений и школ:

- ▼ теория филологии — специфика, объект, предмет, проблематика и методология (А.Г. Горнфельд, Г.О. Винокур, С.С. Аверинцев);
- ▼ разработка методологии и понятийно-терминологического аппарата филологической науки (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, М.М. Бахтин);
- ▼ язык художественной литературы (А.М. Пешковский, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, М.М. Бахтин, Б.А. Ларин, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский);
- ▼ учение о фонеме и фонология (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, В.Н. Сидоров, А.А. Реформатский);

- ▼ история и теория русистики (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, М.В. Панов, Д.Н. Шмелев, Н.Ю. Шведова);
- ▼ история и теория древнерусской литературы (В.М. Истрин, М.Н. Сперанский и его школа, В.Н. Перетц, В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачёв, А.С. Демин);
- ▼ теория и практика лексикографии (Д.Н. Ушаков, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Ю.Д. Апресян);
- ▼ славистика (Н.Н. Дурново, А.М. Селищев, С.Б. Бернштейн, Н.И. Толстой, О.Н. Трубочёв, А.Д. Дуличенко)
- ▼ этнолингвистика (Д.К. Зеленин, Н.И. Толстой и его школа);
- ▼ социоллингвистика (А.М. Селищев, Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов, Б.А. Ларин, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, М.В. Сергиевский, Л. П. Крысин);
- ▼ семиотический подход к языку, литературе и культуре (Ю.М. Лотман и московско-тартуская школа, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов, А.А. Зализняк);
- ▼ структурная поэтика (Р.О. Якобсон, В.П. Григорьев);
- ▼ фольклористика (П.Г. Богатырёв, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, А.А. Горелов, Ю.И. Юдин, Е. Мелетинский);
- ▼ стиховедение (А. Белый, Б.И. Ярхо, К.Ф. Тарановский, М.Л. Гаспаров);
- ▼ глоттогенез и ностратика (В.М. Иллич-Свитыч, С.А. Старостин);
- ▼ реконструкция праязыка и протокультуры с целью определения прародины индоевропейцев и других народов (О.Н. Трубочёв, Т.Г. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов).

Филология XX столетия, как и её составные части — литературоведение, языкознание и фольклористика, — отличается не только широким диапазоном подходов, направлений и школ, но и многоликостью своих научных парадигм¹. Под парадигмой понимают бо-

---

¹ «Парадигма... исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, господствующих в течение определённого исторического периода в научном сообществе» [НИЭ 2001: 13: 218].

лее широкую, чем научная теория, и признаваемую научным сообществом совокупность убеждений, ценностей, инструментальных приёмов, научно-терминологического аппарата и соответствующего метаязыка — специального языка описаний. Парадигму понимают также как ряд предположений, универсально принятых специалистами в данной науке и постоянно используемых при интерпретации наблюдаемых фактов. Парадигма — это своеобразная понятийная «сетка», через которую учёные рассматривают мир. Парадигма, по существу, понятие социальное. Томас Кун, американский философ и историк науки, который выдвинул широко известную концепцию научных революций как смены парадигм, считал ключевым понятие научного сообщества, выступающего как логический субъект научной деятельности. Учёный, согласно концепции Куна, может быть понят как учёный только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определённой парадигмы — совокупности знаний и особенностями подхода к решению научных проблем, принятых данным сообществом [Кун 1977: 281].

Парадигма, несмотря на свою в общем-то социальную природу, в значительной мере определяется природой исследуемых объектов. Эта природа обеспечивает диапазон возможных парадигм. Так, научные парадигмы в филологии предопределены фундаментальными свойствами языка — психической природой; системно-структурными основами его устройства; социально-обусловленным характером возникновения и употребления; исторически обусловленным характером развития.

Набор и специфика возможных парадигм в филологии зависит от предпосылочной системы знаний, на которой базируются установочно-познавательные принципы. С их помощью канализируются самые оригинальные мысли и новаторские теории. Для современной лингвистики, например, характерны четыре установочно-познавательных принципа: экспансионизм; антропоцентризм; функционализм; экспланатарность. Экспансионизм — это выход в другие науки, выделение новых областей знания на границах науки, возникновение новых «сдвоенных» наук. Антропоцентризм — изучение языка с целью познания его носителя, выявление в языке человеческого фактора. Функционализм — стремление выявить всё многооб-

разие функций языка. Экспланатарность — стремление найти каждому языковому явлению разумное объяснение [Кубрякова 1994: 5, 14].

Научные парадигмы исторически ограничены. Когда накоплена критическая масса фактов, которые трудно объяснить с позиций господствующей парадигмы, она сменяется другой. Ю.Д. Апресян в своё время сравнил науку с кораблём, который время от времени перестраивается сверху донизу, оставаясь всё время на плаву [Апресян 1966: 280]. Эту перестройку «сверху донизу», смену парадигм Т. Кун назвал научной революцией [Кун 1977].

Научная революция, по Куну, возможна исключительно в естественных науках, а что касается гуманитарных или социальных наук, то здесь ситуация сложнее. Ни одна из существовавших парадигм не уходит полностью. Они могут быть вытеснены на периферию, в теневую зону, однако каждая из них может со временем стать доминирующей [Новый гуманитарий 2002: 211]. Так, структурализм в середине XX в. существенно потеснил антропоцентрическую парадигму традиционного языкознания XIX в., однако во второй половине XX в. интерес исследователей вновь сместился от знаков к человеку, пользуясь этими знаками [Толстая 2006: 17].

В 20-х годах XX столетия в литературоведении сосуществовали формальная и социологическая парадигмы, одновременно в трудах М.М. Бахтина той поры зарождалась новая — философско-филологическая — парадигма. Сейчас литературоведы говорят о наличии в их науке культурологической, философско-культурологической, когнитивной и других парадигм.

Мозаичные картины парадигм в лингвистике и литературоведении в значительной степени не совпадают, что затрудняет ответ на вопрос, можно ли говорить не только о полипарадигматизме языкознания и литературоведения, но и о парадигмах собственно филологии.

Думается, что для филологии актуальна идея В.М. Алпатова о существовании двух главных познавательных тенденций — формально-структурной и историко-гуманистической, и двух парадигм — системоцентрической и антропоцентрической [Алпатов 1993].

Книжная полка

Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // ВЯ. 1993. № 3. С. 15—26.

В любом случае парадигма — это след, оставляемый крупным учёным, по которому следует научное сообщество. Среди выдающихся филологов России немало тех, кто внёс весомый вклад в мировую и отечественную науку о слове. Не расставляя лингвистов и литературоведов по исследовательскому весу и общественному рейтингу, представим в форме кратких очерков пять знаковых имён — Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв, С.С. Аверинцев и В.Н. Топоров.

Р.О. Якобсон. Роман Осипович Якобсон (1896—1982), русский учёный, идеи которого оказались продуктивными, включая генетику, неврологию и историю русской культуры. Главной же научной специальностью учёного была славистика, а исследовательской сверхзадачей — выяснить, как звук соединяется со смыслом. Вяч. Вс. Иванов в предисловии к «Избранным работам» пишет о том, что всю свою жизнь Якобсон мечтал написать большую книгу «Звук и значение».

Родился Р.О. Якобсон 11 (23) октября 1896 г. в Москве. Считается, что определяющую роль в становлении его как учёного сыграл ранний русский период его творческой биографии, когда он, будучи студентом Московского университета, участвовал в работе Московского лингвистического кружка (1915—1920) и стал активным участником Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) в Петербурге с 1916 г.

В годы Гражданской войны Якобсон эмигрирует в Чехословакию. Он стал одним из организаторов Пражского лингвистического кружка (1920). Вместе с С. Трубецким, С. Карцевским и В. Матезиусом учёный формулирует Тезисы Пражского лингвистического кружка. В 1939 г., когда началась Вторая мировая война, эмигрирует в страны Северной Европы, читает лекции в Копенгагене, Осло и Уппсале. В 1941 г. переезжает в США. В 1949—1967 гг. преподаёт в Гарвардском университете и до конца жизни работает в Массачусетском технологическом институте.

Интерес к языковому творчеству поэта-футуриста Велимира Хлебникова предопределил тематику первого исследования Якобсона (1919), в котором поэтический язык противопоставляется языку естественному. Учёный предположил, что «поэзия есть язык в есте-

тической функции» и поэтому «безразлична в отношении описываемого ею объекта». С этого тезиса начинается концепция эстетики раннего русского формализма, которая перевернула традиционное соотношение формы и содержания в литературном произведении. Позже в статье, написанной в соавторстве с Ю.Н. Тыняновым (1928), утверждалось, что собственные внутренние законы литературоведения соотносятся с законами других областей культуры — политики, экономики, религии и философии.

Обратившись к сопоставительному анализу систем русского и чешского стихосложения (1923), Р.О. Jakobson обратил внимание на звуковые сегменты слов, в своё время названные И.А. Бодуэном де Куртенэ фонемами. Это единицы, которые не имеют собственного значения, но служат важнейшим смыслоразличительным средством. Звуки исследовались не сами по себе, как в классической фонетике, а с точки зрения их функций. В результате совместных с Н.С. Трубецким исследовательских усилий возникла новая отрасль лингвистики — фонология, учение о фонеме как совокупности смыслоразличительных признаков. Jakobson установил 12 бинарных акустических признаков, составляющих фонологические оппозиции, которые, как полагал учёный, являются языковыми универсалиями, лежащими в основе любого языка. Р.О. Jakobson мечтал создать фонологический атлас языков Европы и мира. Эта идея не была реализована, однако Трубецкой, Поливанов и Jakobson впервые исследуют фонологические черты языковых союзов.

Р.О. Jakobson переносит структурные принципы в область морфологии и описывает общие значения падежей на основе принципа бинарных оппозиций (1931). Он вводит в область морфологии корреляции «признаковых» («маркированных») и «беспризнаковых» категорий и форм. Учёный развивает понятие «шифтера», под которым понимается любой языковой элемент, глагольный или местоименный, который обозначает связь сообщения с актом речи, в частности говорящим (формы 1-го лица) и слушающим (формы 2-го лица). В общеграмматической теории Jakobsona важное место занимают исследования так называемых нулевых форм.

Перспективность концепции оценили не только лингвисты. Так, метод структурного анализа в терминах бинарных оппозиций оказал

большое влияние на антрополога Клода Леви-Строса; применение его Леви-Стросом при анализе мифа, как полагают историки науки, положило начало французскому структурализму.

Вкладом Якобсона в историческое языкознание была типологическая точка зрения на любой историко-языковой факт: на каждом из этапов язык может проходить только такие типологически вероятностные стадии.

В 1979 г. в Тбилиси на международном симпозиуме по проблеме бессознательного Якобсон формулирует «принципы связи» сознательного и бессознательного.

Что касается литературоведческих интересов Якобсона, то они реализовались на материале фольклора (Якобсону принадлежит фундаментальное исследование славянской эпической поэзии), русской и чешской литературы (творчество Пушкина, Пастернака, Маяковского и других писателей). Исследовались им и литературные направления, например, футуризм и символизм.

Многие работы Якобсона последних лет его творчества были посвящены «грамматике поэзии», т.е. функционированию грамматических категорий в поэтических произведениях. Учёного интересовало, как грамматические значения и выражающие их формы находят особое использование в поэзии.

Книжная полка

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. С. 193—230.

Центральное место в филологических воззрениях Якобсона занимала связь лингвистики и литературоведения, которая органически проявлялась в поэтике. Поэтика в литературоведческих исследованиях должна занимать ведущее место по отношению ко всем типам речевого поведения и видам искусства. Основной проблемой поэтики является вопрос, благодаря чему речевое сообщение становится произведением искусства. Поэтика занимается проблемами речевых структур, а потому её можно рассматривать как составную часть лингвистики и как центральную часть литературоведения [Якобсон 1975: 194, 196]. «...Лингвистическое изучение поэтической функции должно выходить за пределы поэзии, а с другой стороны, лингвистический анализ поэзии не может ограничиваться

только поэтической функцией» [Якобсон 1975: 203]. Лингвист, которого интересуют любые языки, может и должен включить поэзию в сферу своих исследований. Нет оснований для отрыва вопросов литературного характера от вопросов общелингвистических. Правда, говорит в своём докладе Якобсон, все еще встречаются литературоведы, которые ставят под сомнение право лингвистики на охват всей сферы поэтики; однако лично я объясняю это тем, что некомпетентность некоторых фанатичных лингвистов в области поэтики ошибочно принимается за некомпетентность самой лингвистики. Лингвист, игнорирующий поэтическую функцию языка, так и литературовед, равнодушный к лингвистическим проблемам и незнакомый с лингвистическими методами, представляют собой вопиющий анахронизм [Якобсон 1975: 228].

Якобсон сформулировал схему коммуникации и типологию видов перевода. В докладе «Лингвистика и поэтика» предложил формулу коммуникации: шесть функций языка и шесть инстанций речевого акта: 1) установка на отправителя — адресанта (в частности, передача его эмоций), которой отвечает эмотивная функция; 2) установка на адресата (стремление вызвать у него определенное состояние), отвечающая коннотативной функции; 3) установка на сообщение (установка на его форму) — поэтическая функция; 4) установка на систему языка — метаязыковая функция; 5) установка на действительность — референтивная, иначе денотативная или когнитивная, функция; 6) установка на контакт — фатическая [Якобсон 1975: 197—202]. На этом основании Якобсон считается одним из основоположников теории коммуникации.

Широта научных интересов позволила Якобсону определить многообразие мест науки о языке в культуре XX в. и её взаимоотношения с другими дисциплинами.

Книжная полка

Якобсон Р. Лингвистика в её отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — С. 369—420.

Часть его программной статьи посвящена определению места лингвистики среди наук о человеке. Якобсон считает, что проблемы взаимосвязей наук о человеке сконцентрированы вокруг лингвисти-

ки. Это обстоятельство обусловлено исключительно регулярной и закнутой структурированностью языка и ролью, которую он играет в культуре. Важно и то, что лингвистика — наиболее продвинутая наука о человеке, которая является методологической моделью для остальных смежных наук [Якобсон 1985: 370]. Язык — это система знаков, а лингвистика — часть семиотики. Языкознание тесно сотрудничает с социологией в дисциплине, которую именуют социолингвистикой. Якобсон солидарен с мнением, что предметом социолингвистики является языковое *многообразие*. Долгую историю имеет психолингвистика. Трудно найти психологическую школу, которая не предпринимала попыток применения своих принципов и технических приёмов исследования к языковым явлениям и которая не проделала бы значительной работы в области языка [Якобсон 1985: 384].

Во второй части статьи обсуждаются вопросы сотрудничества лингвистики с естественными науками. Первой применительно к вопросам исследования способов и форм коммуникации живых существ упоминается биология. Якобсон обсуждает существенные черты, принципиально отличающие языковые знаки от способов передачи сообщений у животных. Интересны соображения о связи лингвистики с кибернетикой на уровне телеологии, целеполагания.

Творческая энергия Якобсона проявилась в формировании основ еще одного нового направления в науке — нейролингвистики, — заложенных в работе Якобсона об афазии (1941), в которой он связывает нарушения речи с данными неврологии о структуре мозга. Совместная работа нейробиологов и лингвистов по сравнительному анализу различных повреждений коры головного мозга и вызываемых ими типов афазии привела к возможности глубокого проникновения в суть отношений между организмом человека и его языковой деятельностью. Афазиологические труды Якобсона привели его к обсуждению проблемы соотношения языка и мозга в целом. Одна из последних его работ, наиболее удавшаяся по методу и результатам, была посвящена проблемам, пограничным между лингвистикой и психиатрией.

Исследование психопатии в её вербальных проявлениях обеспечило физиологическое обоснование его учения о метафоре (оси ком-

бинации) и метонимии (оси селекции) как о двух основных противопоставленных друг другу способах упорядочения языковых единиц, определяющих также различие между поэзией и прозой. Это противопоставление органично вошло в терминологический аппарат современного литературоведения. С Нобелевским лауреатом генетиком Франсуа Жакобом, например, Якобсон обсуждал возможные параллели языкового и генетического кода. Не осталась вне внимания Якобсона акустика, единственный раздел физики, который имеет общий предмет исследования с наукой о языке.

Любопытно, что выдающийся филолог никогда не говорил о специфичности гуманитарного знания. Эта проблема его не интересовала: наука едина, и филология, как настоящая наука, занимает в ней своё достойное место [Автономова 2009: 29]. Поскольку наука, считал Якобсон, — это языковое представление опыта, взаимодействие между имеющимися объектами и языковыми средствами их представления требует контроля над этими средствами, что является необходимой предпосылкой существования любой науки. Эта задача, подытоживает учёный, требует обращения к науке о языке, науку же о языке, в свою очередь, следует призвать к расширению границ её аналитических операций. В результате совместного семинара физиков и лингвистов под руководством Н. Бора и Р. Якобсона был сделан вывод о том, что противопоставление точных наук, и особенно физики, лингвистике как науке, обладающей меньшей степенью точности, является поверхностным [Якобсон 1985: 404].

Выдающийся филолог Якобсон стремился к единству науки и научного сообщества, его называют удивительным посредником между советской Россией и русской диаспорой, между филологическим прошлым русской науки и актуальной современностью. Благодаря его усилиям из научного небытия вернулись и психолог Л.С. Выготский, и М.М. Бахтин. Мировая слава последнего — заслуга Якобсона.

Умер Роман Осипович в Бостоне 18 июля 1982 г. На своей надгробной плите Якобсон попросил написать два слова — «русский филолог». Право на это он имел: «Филолог — тот, кто любит слово, любое и всякое, большое и малое, яркое и незаметное, будь то мор-

довские говоры, славянский праязык, фонологические языковые союзы или поэтика Хлебникова и Пастернака» [Автономова 2009: 15].

Замечательный русский филолог второй половины XX в. В.Н. Топоров во вступительном слове на открытии Международного конгресса «100 лет Р.О. Якобсону» так охарактеризовал своего великого предшественника: «Чуткий к идеям своего времени, эрудит удивительной широты, улавливающий с точностью сейсмографа минимальные сдвиги в концептуальном пространстве науки, Роман Осипович не занимался обобщением достигнутого наукой. Но шёл всегда на её опережение, шёл смело вперёд **сквозь** уже достигнутое, преодолевая его, **открывая** новое и **соединяя** доселе разрозненное. Среди многих и разнообразных дарований Якобсона особо стоит выделить два — дар открывателя врат и дар соединителя. Собственно говоря, это — двуединый дар, ибо на смысловой глубине открытие — нахождение — порождение всегда сопричастно соединению, более того, оно само — соединение через индивидуализацию, соединение не в статике, но в упреждающей динамической перспективе, в которой всё ориентирует на **целое** в его самовозрастающем и самоуглубляющемся движении. А гениальная интуиция такого целого была несомненно свойственна Якобсону» [Роман Якобсон 1999: XXI]. В заслугу филологу В.Н. Топоров поставил связь разных наук гуманитарного цикла в общегуманитарное научное целое, породившее усиленное движение идей, органическое и плодотворное сближение гуманитарных наук с точными и науками естественно-природного цикла, корректное соотнесение сфер научного и художественного.

Р.О. Якобсону было свойственно редкое сочетание свойств учёного и художника, которое позволяло смотреть на языковую структуру одновременно и как на самую совершенную структуру в человеческом мире, доступную научному постижению (главными заботами здесь были строгость описания и корректность обобщений), и как на чудо, рождающее другие чудеса — фольклор, поэзию [Автономова 2009: 34].

М.М. Бахтин. Михаил Михайлович Бахтин (1895—1975), русский философ, филолог, историк культуры. Родился 4 (16) ноября

1895 г. в Орле в семье незнатного дворянина, банкира. Он учился на историко-филологическом (классическое отделение) и философском факультетах в Новороссийском (Одесса), затем — в Петербургском университете. Его студенческие годы совпали с Первой мировой войной и русской революцией. После революции с 1917-го до 1924 г. он жил в Невеле и Витебске. В Невеле Бахтин преподавал в «единой трудовой школе», а в Витебске читал лекции в педагогическом институте. С 1924-го по 1929 г. Бахтин жил в Петрограде (Ленинграде). Не имея постоянного места работы и надежного заработка, он вынужден был выступать с лекциями, докладами и рефератами в самых различных аудиториях, главным образом в интеллигентских кружках «в домашних условиях». Волею обстоятельств он стал человеком, который не только проповедовал диалогизм, но и осуществлял его на практике.

В этот период были созданы книги, вышедшие под чужими фамилиями, но очевидно содержащие существенный вклад Бахтина или (как полагают) написанные под его диктовку: Волошинов В.Н. «Фрейдизм: Критический очерк» (1927); Он же. «Марксизм и философия языка» (1929); Медведев П.Н. «Формальный метод в литературоведении» (1928) и др. К этому времени относятся опубликованные посмертно философские работы «Автор и герой в эстетической деятельности» и «К философии поступка» (оба текста сохранились в архиве не полностью, названия даны публикаторами).

Под своим именем Бахтин издал литературоведческое исследование «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Книга вышла в момент, когда автор находился под следствием по делу организации «Воскресение» — кружка петербургских интеллигентов, регулярно обсуждавших на своих собраниях вопросы религии, философии, культуры, политики и навлекших этим на себя подозрения властей в заговорщической деятельности. В 1929 г. году Бахтин был арестован за членство в религиозном кружке, контрреволюционную деятельность и идейное растление молодежи. В июле 1929 г. Бахтина был вынесен приговор — пять лет строго режима. Однако по состоянию здоровья (он страдал хроническим остеомиелитом, который привел в 1938 г. к ампутации ноги) наказание было смягчено (Бахтин в прошении в наркомздрав писал: «При состоянии моего здоро-

вья вынесенный мне приговор, в случае оставления его в силе, безусловно явится для меня приговором к медленной и мучительной смерти»). В сущности Бахтина спасла от трудового лагеря и неизбежной гибели книга. Выдающееся исследование Бахтина о поэтике Достоевского появилось в год его ареста, и Анатолий Луначарский, народный комиссар просвещения и дилетантствующий теоретик культуры, опубликовал о ней благожелательную рецензию в мартовском номере журнала «Новый мир» за 1930-й год. Концлагерь был заменен ссылкой в Казахстан (г. Кустанай). Как «интеллектуальный совратитель юношества», он не имел права преподавать, запрещены были ему и публичные выступления с лекциями.

В 1936 г. Бахтин устроился на работу в Мордовский педагогический институт (г. Саранск), с 1937 г. до окончания войны работал школьным учителем в г. Кимры. В 1945 г. Бахтин был приглашен в Мордовский пединститут, и работал там до выхода на пенсию в 1961 г. в должности заведующего литературоведческими кафедрами.

В тридцатые годы Бахтин написал труд о Рабле, который впоследствии переработал в диссертацию, а затем и в книгу «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В 1946 г. он представил в ИМЛИ рукопись на соискание ученого звания. Рецензенты, задетые сексуальной откровенностью работы и презрением автора к догматизму, встретили ее в штыки, обвинив Бахтина в «порнографии» и фольклористическом сентиментализме, однако после многочисленных проволочек ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

В конце 1960-х годов Бахтин переехал сначала в Подмоскowie, а затем в Москву. Тогда же начался процесс его реабилитации, чему содействовал Роман Якобсон.

В 1960—1970-е годы вышло второе переработанное и дополненное издание книги «Проблемы поэтики Достоевского» (1965), а также первое издание книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Умер Бахтин в Москве 7 марта 1975 г. в расцвете славы.

Благодаря публикациям имя Бахтина возвратилось из забвения. Интерес к его наследию, пробудившийся в России и за рубежом в 1960-е годы, когда литературная теория на Западе переживала не-

бывалый взлёт, возобновился в 1990-е годы Бахтин до сих пор остаётся одним из самых влиятельных и читаемых русских мыслителей. За рубежом выходят книги о Бахтине, например: Кен Хиршкоп «Михаил Бахтин: эстетика для демократии» (Hirschkop K. Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy. — Oxford, 1999), а также: Грэм Пичи «Михаил Бахтин: слово в мире» (Mikhail Bakhtin: The Word in the World by Graham Pechey. — Routledge, 2007).

Применительно к Бахтину различают три основных периода, три исторических контекста. Первый период — 1920—1930-е годы — основной контекст созревания концепции: написаны и опубликованы «Проблемы творчества Достоевского», написана также диссертация о Рабле. Второй период — 1960—1970-е годы — переоткрытие идей Бахтина: издана переработанная книга о Достоевском «Проблемы поэтики Достоевского» и книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», концепция Бахтина распространяется и на Западе. Третий этап — 1980—1990-е годы: интерес к Бахтину породил целую дисциплину — «бахтинологию» («бахтиноведение», «бахтинистика») [Автономова 2009: 108—109].

Теоретические достижения М.М. Бахтина относят к таким весьма различным предметным или общетеоретическим областям, как герменевтика, прагматика, семантика, семиотика культуры, социокритика, философия языка; теория литературной критики, теория и критика идеологии, теория коммуникативной компетенции, литература как коммуникация и познание, этика оценок и многое другое [Автономова 2009: 105].

О мировом значении идей М.М. Бахтина для современной гуманитарной ноосферы, о бахтинской мысли в России, Франции, Англии, Испании, Польше, Италии, Израиле, США, Канаде и Японии свидетельствуют материалы двухтомной антологии «М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли» (СПб., 2001—2002).

Главная книга М.М. Бахтина «Проблема творчества Достоевского» была опубликована в 1929 г., позже была исправлена, существенно дополнена и вышла в свет в 1969 г. под названием «Проблемы поэтики Достоевского». Третье издание было осуществлено в конце жизни филолога.

Для М.М. Бахтина Ф.М. Достоевский был писателем, который предложил новые формы художественного видения, с помощью которых Достоевский открыл новые стороны жизни человека. По мнению Бахтина, Достоевский создал новую жанровую разновидность романа — полифонический роман, который соответствует современной «вероятностной вселенной», эйнштейновскому миру с его множественностью систем отсчёта. Полифонический роман противостоит традиционному монологическому роману и обнаруживает ряд особенностей, в сумме составляющих сложную художественную модель мира [Бахтин 1972: 463—464].

Основная особенность романов Достоевского — «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов...» [Бахтин 1972: 7]. Голос героя звучит как бы рядом с авторским словом и с полноценными голосами других героев — это и есть полифония, которая, с традиционной точки зрения, воспринимается как голос, как конгломерат чужеродных материалов и несовместимых принципов оформления.

Русские философы В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Л. Шестов и другие, оценивая метод Достоевского, шли основным критическим путём — путём философской монологизации, а потому и не смогли оценить новаторства романов классика. Мир Достоевского — это не этапы становления единого духа, а художественно организованное существование и взаимодействие духовного многообразия.

Исходная часть концепции Достоевского — это герой и позиция автора по отношению к герою. Слово автора у Достоевского «противостоит полноценному и беспримесно чистому слову героя», а потому возникает проблема постановки авторского слова, проблема его формально-художественной позиции по отношению к слову героя.

Бахтин, анализируя бунт «маленького человека», даже шрифтом выделяет вывод: «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самопознания и слова, что не поддаётся овнешняющему заочному определению» [Бахтин 1972: 98—99]. Человек, полагает Бахтин, никогда не совпадает с самим собой, и в этой точке несовпадения совершается подлинная жизнь личности. В этом объяснение диалогизма, фундаментального свойства полифонического романа. «Замысел автора о герое — замысел о слове.

Поэтому и слово автора о герое — слово о слове. Оно ориентировано на героя как на слово и потому диалогически обращено к нему. Автор говорит всею конструкцией своего романа не *о* герое, а *с* героем» [Бахтин 1972: 108].

Важная составляющая концепции писателя — место идеи в художественном мире Достоевского. По мнению Бахтина, идея в творчестве Достоевского становится предметом художественного изображения, а сам Достоевский предстаёт великим художником идеи [Бахтин 1972: 141]. Образ идеи неотделим от образа человека, носителя этой идеи. Герой Достоевского — человек идеи, который может быть «незавершимым» и неисчерпаемым «человеком в человеке». В каждом из героев Достоевского присутствует «мысль великая и незавершенная». Идея обеспечивает абсолютную бескорыстность ведущего героя Достоевского, а сама идея начинает жить, формироваться, развиваться, находить и обновлять своё словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в диалогические отношения с другими чужими идеями. «Идея — это живое событие, развивающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний. Идея в этом отношении подобна слову, с которым она диалогически едина» [Бахтин 1972: 146—147].

Глава «Слово у Достоевского» начинается с уточнения понятийно-терминологического аппарата, используемого Бахтиным: «...Мы имеем в виду слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности, а не язык как специфический предмет лингвистики, полученный путём совершенно правомерного и необходимого отвлечения от некоторых сторон конкретной жизни слова» [Бахтин 1972: 309]. Анализируя языковую ткань романа, Бахтин вводит понятие металингвистики, понимая под ней «не оформившееся ещё в определённые отдельные дисциплины изучение тех сторон жизни слова, которые выходят — и совершенно правомерно — за пределы лингвистики» [Бахтин 1972: 309]. Это не лингвистическое в строгом смысле слова. Лингвистика и металингвистика изучают одно и то же конкретное, очень сложное и многогранное явление, но изучают его с разных сторон и под разными углами зрения. Они дополняют друг друга, но не смешиваются. Чисто лингвистические критерии не могут установить диалогический угол слова в полифоническом рома-

не. Диалогические отношения — предмет металингвистики. В языке как предмете лингвистики диалогических отношений нет, нет их между текстами при строгом лингвистическом подходе к этим текстам. Они возникают между репликами. В изучении «диалогической речи» лингвистика должна использовать металингвистику. Диалогические отношения, говорит Бахтин, внелингвистичны, но их нельзя оторвать от области слова, от языка как конкретного целостного явления. «Язык живёт только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка» [Бахтин 1972: 312].

Диалогические отношения возможны между языковыми стилями и социальными диалектами, между целыми высказываниями, между их частями, между словами и даже внутри слова, если в нём диалогически сталкиваются два голоса (микродиалог). Человек получает слово с чужого голоса, оно уже наполнено чужими голосами, и эта «населённость» слова рождает диалог собственной мысли с «чужим» словом, в котором мысль формируется и формулируется. Поскольку один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом, постольку понимание культуры — своей и чужой — возможно только при диалогической встрече культур, когда они не сливаясь и не смешиваясь сохраняют своё единство и открытую целостность и взаимно обогащаются [Бахтин 1972: 354].

Второй фундаментальной работой Бахтина стала книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Проблема карнавала как синкретической зрелищной формы обрядового характера считается одной из сложнейших и интереснейших проблем истории культуры. В карнавале нет разделения на исполнителей и зрителей, все живут карнавальную жизнью. В карнавале вырабатывается новый модус взаимоотношений человека с человеком. Карнавальная жизнь эксцентрична. Карнавал объединяет священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым и т.п. [Бахтин 1972: 209]. Карнавал предопределяет карнавализацию, оказавшую огромное формальное жанрообразующее влияние на литературу. Особое место занимает карнавальная смех. Смех — это эстетическое отношение к действительности,

определённый способ её художественного видения и постижения. Карнавальную природу обнаруживает пародия. Пародирование — это создание развенчивающего двойника, которых так много в романах Достоевского.

Карнавализация формирует особый взгляд на человеческое тело. Этой проблеме Бахтин отводит две главы книги — главу «Гротескный образ тела у Рабле и его источники» и главу «Образы материально-телесного низа в романе Рабле». Эти главы написаны за несколько десятилетий до современных взглядов на телесность, на человеческое тело в культурологическом аспекте. Бахтин обращает внимание на то, что из всех черт человеческого лица в гротескном образе тела существенную роль играют только рот и нос. Гротескное лицо сводится, в сущности, к разинутому рту. Глаза вовсе никакой роли в гротескном образе лица не играют, поскольку глаза обычно выражают индивидуальную внутреннюю жизнь человека, а она для гротеска не существенна. Гротеск имеет дело только с выпученными глазами, свидетельствующими о чисто телесном напряжении [Бахтин 1965: 342—343]. Опыт культурологического анализа тела, предложенный Бахтиным, интересен специалистам, исследующим проблему лингвокультурологической соматики.

Значителен вклад М.М. Бахтина в обоснование и углубление методологии гуманитарных, в том числе и филологических наук.

Книжная полка

Новикова Л.И. К методологии гуманитарного познания // М.М. Бахтин как философ. — М.: Наука, 1992. С. 97—109.

Основой для размышлений М.М. Бахтина о гуманитарном инструментарии послужил феномен текста. Важность его обсуждается в основополагающей статье «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» [Бахтин 1986_с: 297—325]. Специфика текста определяет сущностные элементы методологии, лежащей в основе гуманитарного научного поиска, чему посвящены заметки «К методологии гуманитарных наук» [Бахтин 1986_а: 381—393]. Сама методология — результат практической исследовательской работы Бахтина.

После кончины М.М. Бахтина другой замечательный филолог С.С. Аверинцев сформулировал научный и нравственный уроки учителя и коллеги. Научный урок М.М. Бахтина заключается в потребности увидеть литературное слово как человеческое слово и ввести размышление о нём в контекст вопроса о человеческой сущности, гуманитария — это открытое вопрошание человека о своей сущности. Гуманитария без человека «довольно скверная шутка». Верховный императив гуманитарного мышления гласит «увидеть, вникнуть, не исказить». Нравственным завещанием М.М. Бахтина является «урок независимости, широты, неподдельного духовного благородства» [Аверинцев 2010: 93, 96—97].

В XXI столетии интерес к личности и идеям М.М.Бахтина не ослабевает. Появляются работы, в которых исследуются вопросы биографии и научного творчества выдающегося гуманитария (см.: [Паньков 2009]. Рец. см.: [Кормилов 2011]).

Д.С. Лихачёв. Жизнь Дмитрия Сергеевича Лихачёва (1906—1999), один из его биографов кратко охарактеризовал так: был свидетелем двух революций и трёх войн, прошёл через Соловки, пережил блокаду, более шестидесяти лет прослужил в Пушкинском доме и написал несколько десятков книг.

Научная биография академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва¹ началась ещё в студенческие годы, когда он занимался одновременно в двух секциях отделения языкознания и литературы факультета общественных наук Ленинградского государственного университета: романо-германской (по специальности английская литература) и славяно-русской.

Студенту Д.С. Лихачёву посчастливилось попасть в «Некрасовский семинар» профессора В.Е. Евгеньева-Максимова, где у юноши пробудился интерес к углублённой работе над источниками в архивах и рукописных собраниях. Молодой исследователь нашёл около тридцати неизвестных ранее публикаций, установил их принадлежность Некрасову и подготовил исследование, которому не суждено

---

¹ В написании биографического очерка использованы материалы из Фонда Лихачёва (см. подробнее: [<http://likhachev.lfond.spb.ru/outline.htm>]).

было увидеть свет по трагическим обстоятельствам. Будучи участником одного из студенческих кружков, Лихачёв выступил с докладом о преимуществах старой орфографии перед орфографией 1918 г., за что был репрессирован и стал заключённым концлагеря на Соловецких островах. По счастливой случайности он не погиб и вышел на свободу с материалами первой своей статьи о воровском жаргоне.

Профессиональный путь учёного начался с участия в подготовке к посмертному изданию труда академика А.А. Шахматова «Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв.». Молодой редактор заинтересовался другими работами Шахматова, а далее интересы его распространились на широкий круг вопросов, связанных с историей древнерусского летописания. В 1938 г. Д.С. Лихачёв избирает стезю литературоведа-«древника». Исследования в этой области принесли ему степень кандидата (1941), а затем доктора филологических наук (1947).

В работе над летописями Лихачёв одновременно был и историком, и литературоведом. Он не только исследовал изменение способов летописания и их обусловленность своеобразием русского исторического процесса, но и глубоко интересовался проблемами художественного мастерства древнерусской литературы. При этом стиль литературы и изобразительного искусства рассматривался как проявление единства художественного сознания.

Первые работы Лихачёва 40-х годов, посвящённые старшему летописанию Новгорода, обнаруживают строгость метода, свежесть взгляда и убедительную обоснованность выводов. Здесь же проявилось ещё одно ценное качество учёного — внимание к читателю, стремление внушить ему интерес и уважение к прошлому России, что выразилось в умении излагать свои научные наблюдения доступно для читателей-неспециалистов. Научно-популярные книги Лихачёва в этом смысле считаются эталонными образцами жанра.

Итогом изучения летописей стала фундаментальная монография «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947), вклад в гуманитарную, высоко оцениваемый и историками, и литературоведами.

Исследовательский интерес Д.С. Лихачёва концентрируется на «Слове о полку Игореве». Учёный пересматривает вопросы, связан-

ные с первым изданием «Слова», определяет сам способ издания текста, истолковывает «тёмные» места в тексте, раскрывает ритмический строй древнерусского шедевра и переводит текст на современный литературный язык, поставив задачу воспроизвести ритм подлинника. Результаты работы были представлены в книге «Слово о полку Игореве», вышедшей в серии «Литературные памятники» (1950), и с этого года Лихачёв занимает ведущее место среди исследователей «Слова». Результаты многолетнего исследования памятника позднее составили книгу «“Слово о полку Игореве” и культура его времени» (1978). Д.С. Лихачёв вёл полемику со скептиками, сомневающимися в подлинности «Слова», и свою аргументацию представил в работе «Изучение “Слова о полку Игореве” и вопрос о его подлинности» (1962). Лихачёв — один из создателей шеститомного «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”» (1965—1984).

Внимание Д.С. Лихачёва не только «Слову». Свидетельством тому книга очерков о классических произведениях литературы Древней Руси «Великое наследие» (1975).

Как историк Д.С. Лихачёв настаивает на «историзме» литературы Киевской Руси, чутко откликавшейся на все политические события и отражавшей изменения в идеологии древнерусского общества. Историзм признаётся основой самостоятельности и своеобразия литературы XI—XIII вв. Как филолог Лихачёв обращает особое внимание на русский язык эпохи создания старших литературных памятников и делает обоснованный вывод, что быстрый рост литературы обусловлен высоким уровнем развития русского языка того времени.

Историко-филологический подход к памятникам литературного творчества обусловил постановку вопросов об исторических предпосылках возникновения литературы в раннефеодальном древнерусском государстве. Вопросы и ответы на них стали содержанием книги Д.С. Лихачёва «Возникновение русской литературы» (1952).

Антропологическая парадигма в русской филологии была представлена в книге Д.С. Лихачёва «Человек в литературе Древней Руси» (1958), в которой показано историческое развитие таких важных литературоведческих понятий, как характер, тип, литературный вымысел. Путь русской литературы к изображению внутреннего мира

человека, его характера в книге представлен весьма убедительно. Показано становление художественного обобщения, идущего от идеализации к типизации.

Постоянно учитывая конкретные связи литературы как части культуры с исторической действительностью, Лихачёв по-новому взглянул на своеобразие художественного мастерства древней русской литературы. Традиционное представление о «постоянных формулах» как характерной черты древнерусской поэтики Лихачёв расширил и углубил, связав эти формулы с присущей феодализму сложной церковной и светской обрядностью. Он вводит понятие «литературный этикет», которому соответствуют постоянные формы словесного выражения. Программная статья «К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв.» (1964) стала прологом к книге «Поэтика древнерусской литературы» (1967), удостоенной Государственной премии СССР (1969). Концепция единства русской литературы и принцип анализа явлений поэтики в их развитии обусловили сложность композиции книги, в которой связаны далёкие явления художественной жизни — от стилистической симметрии в памятниках переводной литературы Киевской Руси до проблем поэтики времени в романах Гончарова и Достоевского.

В итоговой книге «Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили» (1973) Д.С. Лихачёв обращает внимание на явление «трансплантации» как особую форму общения и взаимовлияния средневековых культур.

Не осталась вне поля внимания учёного древнерусская «смеховая культура». М.М. Бахтин исследовал «карнавальный смех» на материале европейской культуры Средневековья и Ренессанса. Древнерусская «смеховая культура» же до Лихачёва не была предметом исследования. На материале русской народной сатиры XVII в. и произведений протопопа Аввакума Лихачёв рассмотрел роль смеха в общественной жизни того времени и по-новому осветил некоторые черты в поведении и литературном творчестве Ивана Грозного.

Размышляя о пути движения древнерусской литературы к новой русской литературе, Д.С. Лихачёв утвердился в мысли, что между «новой древней» и новой русской литературой не было и быть не могло резкого разрыва. В течение всего XVII в. завершился длитель-

ный многовековой процесс, происходивший в литературе Древней Руси с момента её формирования, и завершился естественным образом. Эта концепция стала содержанием книги «Художественное наследие Древней Руси и современность» (1971), написанной совместно с любимой дочерью В.Д. Лихачёвой, позднее трагически погибшей талантливой исследовательницей.

Д.С. Лихачёву чужда была исследовательская замкнутость и ограниченность. В поле его внимания была вся русская литература. Наблюдения над произведениями Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого, Блока, Ахматовой, Пастернака, а также статьи по различным проблемам теории литературы составили содержание книги «Литература — реальность — литература» (1981). Свой академический опыт Лихачёв назвал «конкретным литературоведением».

Особого внимания заслуживают работы Лихачёва методологического характера, в частности по текстологическим проблемам. Его не раз переиздававшаяся «Текстология» — настольная книга каждого гуманитария.

В своих исследовательских поисках Лихачёв не ограничивался рамками литературы. Его неожиданная, оригинальная по замыслу книга «Поэтика садов. К семиотике садово-парковых стилей» (1982), основанная на материалах по истории садов и парков в России и Западной Европе от Средневековья и до начала XX в., — естественный шаг в стремлении связать воедино различные сферы культуры и объяснении этого единства общими эстетическими концепциями времени. Поэтика садово-паркового искусства сродни поэтике литературы и других видов искусства.

Широта академического кругозора и глубокое проникновение в суть каждой рассматриваемой проблемы побудили Лихачёва задуматься над глобальным вопросом о сути, цели и ценности самой научной области филологии. Лейтмотивом сборника статей Лихачёва «О филологии» [Лихачёв 1989] послужили слова автора: «Филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры» — из статьи «Об искусстве слова и филологии» (впервые в книге: [Лихачёв 1985]). Лихачёв считал, что разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие лингвистика и литературоведение,

противоречит самой сути филологии, роль которой именно связующая, а потому и особенно важная. «Она требует глубоких знаний не только по истории языков, но и знания реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т.д.» [Лихачёв 1989: 205]. Исходя из своего опыта, Лихачёв считал, что «нельзя заниматься литературой, не будучи хоть немного лингвистом, нельзя быть текстологом, не вдаваясь в потаённый смысл текста, всего текста, а не только отдельных слов текста» [Там же]. Филология — это высшая форма гуманитарного образования, это связь всех связей. Каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом, поскольку этого требует культура. Филология сближает человечество, современное нам и прошлое. Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная и для отдельной личности, и для развития национальных культур [Там же: 206—207].

Книжная полка

Лихачёв Д.С. О филологии. — М.: Высшая школа, 1989.

Лихачёв был убеждён в воспитательном значении гуманитарного знания. Это знание воспитывает патриотизм — пафос популярных среди читателей книг Лихачёва «Земля родная» (1983) и «Письма о добром и прекрасном» (1985), адресованные молодому поколению. Теме патриотизма посвящены «Заметки о русском» (1981).

Действенным проявлением патриотизма является забота о сохранении культуры. Лихачёву принадлежит термин *экология культуры*. Экология в современном значении этого термина, введённого естествоиспытателем Э. Геккелем ещё в середине XIX в., — это бережное сохранение человеком среды, созданной «культурой его предков и им самим». Лихачёв считал идеальным вариантом экологии вовлечение всех в культурный и языковой процесс и указал на несколько точек массовой поддержки культуры: гуманитарное образование всем; пение в хоре (замечено, что многочисленные народные хоры способствуют общему повышению культуры); изучение языков; изучение религии как культурного явления; создание очагов культуры или восстановление их. Самый малый успех каждого в творчестве культуры даёт мощный импульс развития всей культуре. Следует подчеркнуть: основаниями русской культуры Лихачёв считал христианство и европеизм.

Д.С. Лихачёв был не только выдающимся учёным, внёсшим огромный вклад в различные области научного знания — литературоведение, историю искусства, историю культуры, методологию науки, — но и вузовским преподавателем, давшим образец соединения большой науки с обучением и воспитанием. В 1946—1953 гг. Лихачёв преподавал на историческом факультете ЛГУ, где читал спецкурсы по истории русского летописания, палеографии, истории культуры Древней Руси и вёл спецсеминар по источниковедению. В 1980 г. Д.С. Лихачёв, стремясь донести результаты научных разысканий до высшей школы, предпринимает издание вузовского курса «История русской литературы X—XVII веков». Будучи автором введения и заключения, а также редактором учебной книги в целом, Лихачёв преследовал цель создать вузовский учебник, сочетающий научность и методологическую цельность с доступным изложением.

Научный авторитет Лихачёва был признан не только отечественными, но и зарубежными славистами. Его выступления на международных съездах славистов, конференциях, в университетах и научных обществах были событием. Лихачёв действительный член Академии наук СССР (1970), а также иностранный член академий Болгарской (1963), Венгерской (1973), Сербской (1971), Национальной академии Деи Линчеи (Италия, 1987), член-корреспондент Австрийской (1968), Британской (1976), Гёттингенской (ФРГ, 1988) академий, почетный доктор университетов Бордо (1982), Будапешта (1985), Оксфорда (1967), Софии (1988), Цюриха (1983), Эдинбурга (1971), Университета имени Николая Коперника в Торуне (1964). Государственный Совет Народной Республики Болгарии дважды награждает Лихачёва орденом Кирилла и Мефодия I степени (1963, 1977), международными премиями имени братьев Кирилла и Мефодия (1979) и имени Евфимия Тырновского (1981), а в 1986 г. Д.С. Лихачёв был удостоен высшей награды Болгарии — ордена Георгия Димитрова.

Многие книги и статьи Д.С. Лихачёва переводились на болгарский, польский, немецкий, английский, французский и другие языки. Вышли на болгарском, чешском, сербскохорватском, венгерском, польском, румынском, немецком, английском, японском языках книги «Человек в литературе Древней Руси», «Культура Руси

времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого», «Текстология. Краткий очерк», «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили», «Поэтика древнерусской литературы», «“Смеховой мир” Древней Руси» (совместно с А.М. Панченко), «Художественное наследие Древней Руси и современность», «Великое наследие», «Письма о добром и прекрасном», «Поэзия садов»; фототипически переизданы за границей его книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1966), «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)» (1967), «Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв.» (1969).

Авторитет Лихачёва был признан в СССР. В 1966 г. за заслуги в развитии филологической науки и в связи с 60-летием со дня рождения Лихачёв был награжден орденом Трудового Красного Знамени; в 1986 г. Дмитрию Сергеевичу за большие заслуги в развитии науки и культуры, подготовке научных кадров и в связи с 80-летием со дня рождения было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1986 г. он был избран председателем правления Советского фонда культуры.

Постсоветская Россия высоко оценила научные труды и общественное служение филолога. За выдающиеся достижения в области гуманитарных наук Президиум Российской Академии Наук награждает Д.С. Лихачёва Большой Золотой медалью имени М.В. Ломоносова (1993), в том же году ему присвоено звание Первого почетного гражданина Санкт-Петербурга. Он награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени (1996), Международный Литфонд присуждает ему премию «За честь и достоинство таланта» (1997). За вклад в развитие отечественной культуры Д.С. Лихачёв становится первым кавалером учрежденного Российским правительством ордена апостола Андрея Первозванного «За веру и верность Отечеству» (1998), в том же году он награждается Международным серебряным памятным знаком «Ласточка мира» (Италия) за большой вклад в пропаганде идей мира и взаимодействия национальных культур.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв скончался 30 сентября 1999 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на кладбище в Комарово 4 октября.

Первое сентября 2006 г., юбилейного Года академика Лихачёва, стало началом традиции «Урок Лихачёва». Это урок нравственности, интеллигентности, ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. Инициатор Фонд Лихачёва подготовил методические рекомендации по проведению уроков Лихачёва, в которых подчёркнуто, что эти уроки нельзя проводить, копируя чужие разработки. Они должны быть продуктом творческой деятельности учителя.

Книжная полка

Уроки Лихачёва: Методические рекомендации для учителей средних школ / сост. О.Е. Лебедев. — СПб.: Бизнес-пресса, 2006.

С.С. Аверинцев. Сергей Сергеевич Аверинцев (1937—2004), филолог, культуролог, библиист, переводчик, доктор филологических наук (1977), член-корреспондент АН СССР (1987), академик РАН (2003) исследовал и переводил произведения позднеантичной, раннехристианской и средневековой литературы средиземноморского региона (в том числе византийской, латинской и сирийской). Впечатляет круг научных интересов Аверинцева: христианская традиция в европейской мысли и литературе, новозаветная литература на фоне позднеантичной культуры, патристика, средневековая христианская гимнография, агиография, византийская литература и философия, схоластика, история немецкоязычных литератур разных эпох (К. Брентано, Г. Трактль, Ф. Кафка, Г. Гессе), русская поэзия (Вяч. Иванов, О. Мандельштам). Аверинцеву принадлежат известные работы в области исторической поэтики, труды по истории богословской и философской мысли [Зусман, Киринозе 2004: 4]. Он один из составителей четырёхтомника «Памятников» византийской и средневековой латинской литератур, из которого в сложные для отечественной гуманитаристики советской эпохи времена читатель мог почерпнуть разумную, грамотную и конкретную информацию о патрологии, о византийской и латинской гимнографии, об Иоанне Златоусте, Августине, Иерониме, Ефреме Сирине или Романе Сладкопевце.

В 1967 г. С.С. Аверинцев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра». Докторская диссертация «Поэтика ранне-византийской литературы», в которой анализируются связи ранне-

византийской литературы с ближневосточной словесностью, была защищена в 1980 г. Официальными оппонентами на блистательной защите диссертации Аверинцева выступили А.Ф. Лосев и Д.С. Лихачёв. Их обоих, а также М.М. Бахтина С.С. Аверинцев считал своими учителями.

Перу С.С. Аверинцева принадлежат книги «Плутарх и античная биография» (1973), «Новое в современной классической филологии» (1979), «Поэтика древнегреческой литературы» (1981), «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977, 1997), «Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье» (1986). Труды Аверинцева отличаются энциклопедичностью, пристальным вниманием к неповторимому историческому облику культурных феноменов. Тематика его трудов так или иначе связана с судьбой европейской цивилизации как цивилизации прежде всего христианской. Ему были интересны эпохи и традиции. Исследовательский метод Аверинцева представляет собой род герменевтики, где понимание и воссоздание исследуемого явления достигаются в процессе диалога, «собеседования» с ним [БРЭ 2005: 1: 72]. Заслугой замечательного филолога считают то, что ему удалось проследить пятивековую историю единения двух великих культур — русской и западноевропейской. «Аверинцев — до боли русский и в то же время настоящий европеец, по-настоящему и в течение всей своей жизни православный человек, который при этом любил и знал западное христианство, прекрасно понимая, что православные, католики и протестанты просто по определению не могут быть врагами» [Чистяков 2004].

Для понимания истории литературы и культуры для Аверинцева был принципиальным личностный, человеческий момент: «Литературное слово должно быть соотнесено с историей, с социальными и политическими реалиями истории, но соотнесено не иначе, как через человека. Нет человека вне истории, но история реальна только в человеке» [Аверинцев 1977: 7].

С.С. Аверинцев не только переводил с древнегреческого, латинского, древнееврейского, сирийского, немецкого, французского и польского языков, но сам писал стихи на духовные темы и в историю русской культуры вошёл как подлинный религиозный поэт. Он

блестяще перевёл «Псалмы Давидовы»: тончайшее филологическое чутьё помогло ему создать текст точнейший и поэтичнейший одновременно [Чистяков 2004].

«Филологов много, Аверинцев был один» [Гаспаров 2004: 126]. Самым ассоциируемым именем к слову *филология* является имя *Аверинцев*. Именно ему принадлежат развернутые словарные статьи «Филология» в «Большой советской энциклопедии», «Краткой литературной энциклопедии» (1972), в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990). Для С.С. Аверинцева филология — это содружество гуманитарных дисциплин, изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Широко цитируется мысль Аверинцева о внутренней структуре филологии как двуполярной модели. На одном полюсе — скромнейшая служба «при» тексте, беседа с ним наедине, пристальная «согбенность» над текстом, рассматривание текста с самой близкой дистанции, не допускающее отхода от его конкретности; на другом полюсе — универсальность, пределы которой невозможно установить заранее. Правильнее видеть в филологии, развивает свою мысль Аверинцев, широкую, но внутренне единую и самозаконную форму знания, которая определяется не столько границами своего предмета, сколько специфическим подходом к нему [Аверинцев 1972: 973].

Получив за свою работу о Плутархе в 1968 г. премию Ленинского комсомола, С.С. Аверинцев опубликовал статью «Похвальное слово филологии» [Аверинцев 1969], в которой наиболее полно изложил своё понимание филологии в форме ответа на вопрос, что такое филология и зачем она. Филология, по мысли автора, занимается «смыслом» человеческого слова и человеческой мысли, смыслом культуры, но не нагим смыслом, как это делает философия, а живущим внутри слова и одушевляющим слово. Филология, продолжает Аверинцев, есть искусство понимать сказанное и написанное, а потому в область её непосредственных занятий входят язык и литература. Филология не должна смешивать себя с философией, поскольку её предназначение — кропотливая деловитая работа над словом, над текстом. Слово и текст для настоящей филологии существеннее, чем самая блистательная «концепция». Для филолога кон-

кретная реальность текста, доносящая до него через тысячелетия живой человеческий голос, должна быть душевно важнее, чем самые гениальные соображения *по поводу* этого текста; иначе филологии грозит беспредметность.

У филологии своя методология, в основе которой лежит понимание того, что филология может освоить духовный мир чужой эпохи только после того, как она честно примет к сведению отдалённость этого мира, его внутренние законы, его бытие внутри себя. Настоящая филология вникает в чужое слово и чужую мысль, силится понять эту мысль так, как она была впервые «помыслена». Этика филологии требует такой любви, которая включает в себя *постоянную*, неутомимую волю к пониманию, любовь как ответственную волю к пониманию чужого.

Что касается «точности» филологии, то она возможна исключительно во вспомогательных дисциплинах филологии, которые для неё не являются специфичными. Филология никогда не станет «точной» в математическом смысле наукой, но она должна быть наукой «строгой». Её строгость состоит не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности *человеческого* понимания. Филология есть служба понимания, подытоживает автор статьи.

Оказывается, пишет Аверинцев, занятие текстами двухтысячелетней давности тоже есть дело, настоящее и нужное дело. Свидетельством тому тот факт, что его удостоенная премии работа стоит в почётном списке рядом с трудами инженеров и химиков, геологов и экономистов — людей практического, конкретного дела [Аверинцев 1969].

Заслуги С.С. Аверинцева в отечественной филологии были отмечены Государственной премией СССР (1990) и Государственной премией Российской Федерации (1996). Он награждён премией фонда Л. Лукаса (1995) «за усилия, направленные на возвращение к христианскому наследию и взаимному сближению народов». Имя С.С. Аверинцева включено в «Православную энциклопедию» [ПЭ 2000: I: 126].

В период перестройки ученый был избран депутатом ВС СССР (1989—1991), входил в Межрегиональную депутатскую группу. Общественная значимость трудов и всей деятельности С.С. Аверинцева

шире отмеченного факта биографии. Аверинцев стал интеллектуальным символом конца советской идеологии. «Филологическим тенором эпохи» назвал Аверинцева известный литературовед [Бочаров 2004: 24].

Книжная полка

Аверинцев С.С. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98—102.

Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 544—545.

В.Н. Топоров. Владимир Николаевич Топоров (1928—2005), учёный, ушедший из жизни в XXI столетии, масштаб личности, научная разносторонность и вклад которого, поражавшие современников, ещё не стали предметом монографического исследования. Юбилейные речи и некрологи только наметили общее очертание того, что называют феноменом или *casus Toporovi*. В.Н. Топоров — «самый универсальный гуманитарный учёный современности» [Лотман 1997: 671].

Книжная полка

Толстая С.М. Гипертекст Владимира Николаевича Топорова // НЛО. 2006. № 77. С. 71—88.

Иванов Вяч. Вс. Владимир Николаевич Топоров (05.07.1928 — 05.12.2005) // Одиссей: Человек в истории, 2006: Феодализм перед лицом историков. — М.: Наука, 2006. С. 470—477.

Владимир Николаевич Топоров родился в Москве 5 июля 1928 г. Он окончил русское отделение филологического факультета Московского университета (1951), где прошёл великолепную школу у выдающихся филологов — литературоведов И.Н. Розанова, Н.К. Гудзия, Н.И. Либана и лингвистов М.Н. Петерсона и П.С. Кузнецова. В университетские годы и позже в совершенстве овладел техникой индоевропейского сравнительно-исторического языкознания и осознал роль этимологии слов для истории мысли (см. подробнее: [Иванов 2006]). Аспирантура под руководством С.Б. Бернштейна (1951—1954), защита в 1955 г. кандидатской диссертации «Локатив в славянских языках». Защищать докторскую он решительно отказался и звание доктора *honoris causa* получил в 1989 г.

С.М. Толстая объясняет, почему Владимир Николаевич, с раннего детства увлеченный русской и мировой литературой, философией и историей, тем не менее избирает в качестве своей специальности не литературоведение, а лингвистику. Лингвистика в советское время была наукой, менее зависимой от идеологического контроля. Однако это не совсем исчерпывающее объяснение выбора, который внутренне был обусловлен тем, что по природе Топоров был филологом в самом первом и самом полном смысле этого слова, для которого язык — путь к культуре, истории, к мыслям и душе человека, к высшим смыслам жизни. Замечено, что в сугубо литературоведческих, философских, культурологических работах Топорова немало лингвистических выкладок, глубоких экскурсов в этимологию, историю и семантику слов, а его лингвистические труды изобилуют ссылками на культурные, литературные (поэтические), фольклорные, просторечные и разговорные контексты языковых фактов [Толстая 2006: 76].

В 1954 г. В.Н. Топоров был зачислен в штат сотрудников Института славяноведения Академии наук, где проработал более полувека до самой смерти.

В 1960 г. он возглавил созданный в институте сектор структурной лингвистики. Будучи кандидатом филологических наук 32 лет от роду, Топоров наметил масштабную, смелую программу исследований, которая способствовала возрождению прерванных традиций отечественной науки и одновременно открывала перспективы изучения языка, литературы, фольклора, ритуала, искусства, культуры в целом на основе комплексного подхода. Сотрудники сектора занимались проблемами европейских реконструкций как в языковом плане, так и в связи с проблемами ритуала и мифа. Славянские факты рассматривались в сопоставлении с другими индоевропейскими языковыми и культурными традициями.

В декабре 1962 г. В.Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов стали инициаторами и идейными вдохновителями симпозиума по структурному изучению знаковых систем. Симпозиум сыграл ключевую роль в становлении и развитии отечественной семиотики, поскольку способствовал объединению семиотических сил Москвы и Тарту в форме всемирно известной московско-тартуской семиотической школы.

Научная деятельность В.Н. Топорова получила признание. В 1990 г. его избрали академиком РАН. Как одному из авторов энциклопедии «Мифы народов мира» ему была присуждена Государственная премия РФ (1990), от которой он отказался в знак протеста против вильнюсских событий. Был удостоен государственных наград Литвы (орден Гедиминаса) и Латвии (орден Трёх звёзд). Он являлся членом Academia Europaea, Семиотического общества США, Международного семиотического общества, был почетным членом Академии наук Латвии, доктором honoris causa Вильнюсского университета. Входил в редколлегии журналов «Вопросы языкознания», «Этимология», «Linguistica Baltica», «International Journal of Poetics», «Kodikas», «Proverbium», «Arbor Mundi».

В.Н. Топоров стал первым лауреатом литературной премии А.И. Солженицына (1998) «за исследования энциклопедического охвата в области русской духовной культуры, отечественной и мировой литературы, соединяющие тонкость специального анализа с объёмистостью человеческого содержания; за плодотворный опыт служения филологии и национальному самопознанию в свете христианской традиции». За выдающиеся гуманитарные исследования получил премию Андрея Белого (2004).

Владимир Николаевич Топоров назван «строителем филологической мысли», поскольку его сочинения конкретными результатами воздействовали не только на состояние науки, но и на жизнь всех, кто читал его работы [http://www.ifi.rggu.ru/vestnik_2006_1_26.html].

Умер В.Н. Топоров 5 декабря 2005 г. на 78-м году жизни.

Ни один из филологов, да и гуманитариев, не может сравниться с В.Н. Топоровым по объёму научного наследия. Оно колоссально. Авторы юбилейных выступлений, некрологов, сотрудники и друзья указывают число публикаций в широком диапазоне — от полутора до двух тысяч. Дело в том, что последняя официальная библиография трудов была составлена к шестидесятилетию юбилею, а итогового варианта ещё нет. Возможно, что многое из написанного пока даже не увидело свет.

Однажды В.Н. Топоров попытался обозреть всё сделанное им в форме своеобразной карты исследовательского поля. Этот опыт в

несколько более развернутой форме повторила С.М. Толстая, назвав это «гипертекстом Топорова».

Топорову принадлежат фундаментальные труды в нескольких важнейших областях гуманитарного знания: **в языкознании** (сравнительно-исторические и типологические исследования славянских, балтийских, древнеиндийских и других индоевропейских, а также енисейских языков; работы по этимологии, ономастике, теории языка); **в изучении мифологии и религии** (реконструкция мифорелигиозных систем славянских, балтийских, енисейских и др. народов; теоретические исследования по ритуалу и его взаимоотношению с мифом); **в области семиотики** (анализ основных символов и категорий мифопоэтической модели мира; теория текста; реконструкция «пред-науки», «пред-истории», «пред-философии», «пред-права», «пред-медицины», «пред-искусства»; семиотика города — Петербург, Москва, Вильнюс, Рига, Рим); **в изучении фольклора** (история и теория фольклорных жанров, особенно заговоров, загадок, былин, обрядовых песен, малых фольклорных форм, детских игр; реконструкция древнейших фольклорных мифов и персонажей; сравнительное изучение фольклора); **в изучении литературы** (структура текста, поэтика, «начала» литературы, реконструкция и анализ древнейших типов текстов — «вопросо-ответный», «диалогический», «числовой», «тетический» и их связей с ритуалом; проблема звука и смысла — анаграмма и ее функции; взаимо-связь литератур: Пушкин — Проперций, Пушкин — Буало, Ронсар; Батюшков — Парни, Ахматова — Данте и др., русская литература: Петр Буслаев, Тредиаковский, М.Н. Муравьев, Андрей Тургенев, Жуковский, Карамзин, Батюшков, Тургенев, Достоевский, Тютчев, Блок, Ахматова, Кузмин, Кондратьев, Комаровский, Андрей Белый, Ремизов, Е. Гуро и др.; древневосточная, античная и западная литература: Дхаммапада, Софокл, Вергилий, Майстер Экхарт, Дю Белле, Верлен, Рильке, Йейтс и др.); **в области русской духовной культуры** (софийное наследие Кирилла и Мефодия на Руси; «Слово о законе и благодати»; труженичество во Христе — Феодосий Печерский и Сергей Радонежский; «Житие св. Алексия человека Божия», «Сказание о прекрасном Иосифе»; юродивые и дураки, «Огненный Вертоград», уроки Достоевского, смысл поэзии Вл. Соловьева и др.) [Толстая 2006: 71].

Каждая работа В.Н. Топорова по-своему уникальна — новая тема, новый ракурс — и поражает богатством материала и научной скрупулёзностью.

Фундаментальный труд «Святость и святые в русской духовной культуре», в котором Топоров рассматривает историю святых от Киевской Руси до времени преподобного Сергия Радонежского, — один из самых удачных (после работ Г.П. Федотова) по истории агиографии, в котором выстроена «концептуальная история» русской святости без клерикализма и излишней политизированности [<http://www.humanities.edu.ru/db/msg/78394>]. В этой книге есть целая увлекательная глава об этимологии русского слова *святой*.

В.Н. Топорову, например, принадлежит обширное исследование о «семантическом ореоле» имени *Ли́за* в русской литературе и культуре от XIV в. до 1990-х годов.

В «Academia» издан труд «Балтийские языки» (2006), фактически ответственным редактором которого, как и автором большинства статей, был В.Н. Топоров.

В одиночку Топоров осваивал проекты, требовавшие штата целого института, — таков его Словарь прусского языка.

Основным трудом второй половины научной жизни Топорова стали «Исследования по этимологии и семантике» (тт. 1—2. — М., 2004—2005).

В творчестве В.Н. Топорова выделяется несколько ключевых тем, категорий, концептов и слов, которым посвящены многие страницы его книг и статей. По сообщению С.М. Толстой, в одной из последних работ Топоров сам назвал главные из них — Время, Место, Человек, Слово [Толстая 2006: 84]. Самым частотным словом в научном лексиконе филолога было слово *текст* в особом значении и употреблении («текст города-девы», «текст Петербурга» и др.). Оно вышло за рамки первоначального, вербального, узко филологического значения и стало ассоциироваться с определённым образом организованной последовательностью знаков любой природы — звуков, жестов, цветов, артефактов, изображений и т.д., образующих смысловое целое. Конституирующим признаком текста стал смысл во всей многослойной глубине, а текст — главным объектом структурно-семиотических исследований культуры [Толстая 2006: 87].

Самыми востребованными на сегодняшний день оказались книги В.Н. Топорова, связанные с духовной культурой и с семиотикой в широком смысле: «Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического» (М., 1995); «Эней — человек судьбы. К средиземноморской персонологии» (М., 1993); «Святость и святые в русской духовной культуре» (тт. 1—2. — М., 1995, 1998); «Древнеиндийская драма Шудраки “Глиняная повозка”. Приглашение к медленному чтению» (М., 1998); «Русская литература второй половины XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев — введение в творческое наследие» (тт. 1—2. М., 1999—2000, 2002).

Творческими усилиями Владимира Николаевича Топорова наступившее столетие получило великую русскую филологическую традицию трёх предшествующих веков, а вклад русской филологии в мировую культуру представляется более значительным, чем вклад, например, философии или истории.

Отечественная филология XX столетия обнаружила удивительное свойство — в условиях тоталитаризма противостоять сильнейшему идеологическому давлению. Высказывалась мысль, что в советское время в нашей стране были замечательные филологи, но не было достойной филологии. Она, конечно же, была, формировалась в личных неформальных контактах, публичных выступлениях, осмысливалась в переписке, прорывалась в свет фундаментальными книгами. Всем своим опытом филология подтвердила тезис науковедов о том, что такая гуманитарная дисциплина, как филология, может успешно развиваться в периоды «застоя» (пример Германии XIX в. и СССР), когда внешний социальный контекст развития науки как бы «заморожен» и определяющую роль начинает играть внутренняя когнитивная динамика.

Единой для всех наук траектории развития не существует, но есть внутренняя логика и специфические типы реагирования науки на свои собственные внешние стимулы [Юревич, Цапенко 2010: 36]. «Застой» может смениться крутым разворотом социально-экономического курса, в котором общественные и гуманитарные науки обнаруживают свойства оперативной адаптации к новому, большие, чем науки естественные и технические, что создаёт дополнительные

стимулы для развития гуманитарных наук в целом и филологии в частности. Так что история филологии продолжается, складывается траектория развития отечественной науки о слове XXI столетия.

* * *

Современная филология во всём её объёме и широте создавалась и создаётся многими поколениями лингвистов, литературоведов, фольклористов и текстологов, тружениками соответствующих кафедр вузов, научных учреждений, научно-исследовательских лабораторий.

Известно, что развитие гуманитарных наук и филологии в том числе сложно прогнозировать, а потому разговор о перспективах чаще всего переходит на уровень раздумий о судьбе этих наук.

Впервые полемика по поводу сути филологии и её будущности состоялась между филологом Ульрихом фон Виламовиц-Мёллендорфом и профессором классической филологии, философом Фридрихом Ницше в 1872 г. Начиная с 1979 г. и по наши дни возобновляются дискуссии о том, что такое филология и какова её будущность. Последнее по времени обсуждение судеб филологии в форме «круглого стола» на тему «Останется ли филология “царицей” гуманитарных наук?» состоялось в Москве в апреле 2011 г. Его лейтмотив проявился в заголовке первого выступления: «Осень филологии». В основе пессимизма гуманитариев лежит неразработанность фундаментальных вопросов филологии, что является следствием явной недостаточности полноценного филологического образования, результатом чего стала низкая филологическая компетентность общества, предопределяющая отсутствие социального заказа филологической науке, объясняющее теоретическую и практическую неразработанность фундаментальных вопросов филологии... Круг замкнулся.

Однако и для филологического оптимизма есть поводы. Один из них — становление информационного сообщества, в котором текст явится и основным продуктом, и важнейшим инструментом познания. Полноценное усвоение любого текста требует и профессиональных филологических умений. Второй повод — осознание того, что вездесущность слова и неуничтожимая связь его с ментально-

стью и культурой народа придают филологии характер человекознания. Филология может и должна стать объективным, точным и убедительным тестом на уникальность человеческой личности. Филология обнаруживает постоянную тягу к кооперации со всеми областями знания. Она готова практически с каждой естественной, социально-экономической и любой другой гуманитарной наукой находить точки продуктивного соприкосновения и рождать научные дисциплины с большим запасом эвристичности. Есть твёрдая убеждённость, что осени у филологии не будет никогда, поскольку она обладает неуничтожимым объектом и предметом — словом, которое рождает текст и только в нём становится Словом.

Сокращения

АиФ — Аргументы и факты

Вестник ВОГиС — Вестник Вавилового общества генетиков и селекционеров

Вестник СПбГУ — Вестник Санкт-Петербургского государственного университета

ВЛ — Вопросы литературы

ВФ — Вопросы философии

ВЯ — Вопросы языкознания

Известия АН СССР / РАН. Серия ЛиЯ — Известия Академии наук СССР / Российской академии наук. Серия литературы и языка

КО — Книжное обозрение

НЛО — Новое литературное обозрение

ЛО — Литературное обозрение

РС — Русская словесность

РЯШ — Русский язык в школе

Труды ОИФН РАН — Труды Отделения историко-филологических наук Российской академии наук

ФиК — Философия и культура

ФН — Филологические науки

ЯЛИК — Язык. Литература. История. Культура: Информационный бюллетень С.-Петербургского государственного университета

ЛИТЕРАТУРА

- БРЭ — Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Т. 1, 8. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2005, 2007.
- БЭ — Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 17, 31, 38, 54. — М.: Терра, 2006.
- НИЭ — Новая иллюстрированная энциклопедия: в 20 т. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000—2001 (отд. тома).
- ПЭ — Православная энциклопедия. Т. I. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000.
- САР — Словарь Академии Российской 1789—1794: в 6 т. М.: МГИ, 2001.
- СЭ — Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз и А.И. Ефрон. — М.: Терра-TERRA, 1993.

* * *

- [Березин И.Н.] Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. Отд. IV. Т. III. — СПб.: Типогр. тов-ва «Общественная польза», 1878. С. 215.
- «Российская грамматика» А.А. Барсова / под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- Аверинцев С.С. Личность и талант учёного // Михаил Михайлович Бахтин. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 93—101.
- Аверинцев С.С. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98—102.
- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.
- Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. — М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 974—980.
- Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 544—545.
- Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009.
- Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. — М.: Едиториал УРСС, 2003.

- Алексеев А.П. «Риторика» М.В. Ломоносова и классические идеалы аргументации // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2011. № 5. С. 24—33.
- Алексеев П.А. Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах, сочиненный Московского Архангельского собора протоиереем и Московской духовной консистории членом Петром Алексеевым, рассматриванный Вольным российским собранием при Императорском Московском университете и изданный по одобрению Святейшего правительствующего Синода канторы. — М., 1773.
- Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // ВЯ. 1993. № 3. С. 15—26.
- Алпатова Т.А. В.К. Третьяковский-филолог в восприятии А.С. Пушкина // В.К. Третьяковский и русская литература. — М. ИМЛИ РАН, 2005. С. 217—228.
- Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002.
- Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2007.
- Аннушкин В.И. *Филология и словесность* в классической традиции и современном научно-педагогическом процессе // Русская словесность как основа возрождения русской школы. — Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2008. С. 81—90.
- Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). — М.: Просвещение, 1966.
- Арискина О.Л. Антон Алексеевич Барсов и русская дериватология // РЯШ. 2010. № 12. С. 72—76.
- Арискина О.Л. Роль М.В. Ломоносова в становлении русской дериватологии // РЯШ. 2011. № 12. С. 64—69.
- Афанасьев Э. Фёдор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; статьи. — М.: Худ. лит., 1990. С. 3—28.
- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. С. 381—393.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. С. 297—325.

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — 3-е изд. — М.: Худ. лит., 1972.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит., 1965.
- Бейли Дж. Воспоминания слависта // Известия Смоленского государственного университета. — Смоленск: СГУ, 2009. С. 84—102.
- Белов А.М. А.Х. Востоков и зарождение сравнительно-исторического языкознания (К 230-летию со дня рождения учёного) // РЯШ. 2011_а. № 3. С. 78—85.
- Белов А.М. Франц Бопп и культурная революция (К 220-летию со дня рождения) // РЯШ. 2011_б. № 9. С. 81—88.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с фр. — М.: Прогресс, 1974.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 2. Песни Архангельской губернии. — Курск: Изд-во КГУ, 2008.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 3. Песни Олонецкой губернии. — Курск: Изд-во КГУ, 2009.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 4. Песни Сибири. — Курск: Изд-во КГУ, 2010.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: в 2 ч. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 1. Песни Курской губернии. — Курск: Изд-во КГУ, 2007.
- Богомолов Ф., Магаршак Ю. Язык мировой научной элиты XXI века — русский? // Знание — сила. 2004. № 7. С. 11—17.
- Болотов В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика // ВЯ. 2008. № 2. С. 82—96.
- Бочаров С. Аверинцев в нашей истории // ВЛ. 2004. № 6. С. 19—24.
- Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. — М.: Русская книга, 2003.
- Буслаев Ф. О литературе. — М.: Худ. лит., 1990.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин-ва проsv. РСФСР, 1959.
- Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1992.

- В.К. Тредиаковский и русская литература. — М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2004.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л.: Худ. лит., 1940.
- Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. С. 206—242.
- Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук (Выпуск первый. Задачи филологии) // Проблемы структурной лингвистики 1978. — М.: Наука, 1981. С. 3—58.
- Винокур Т.Г., Цейтлин Р.М. От публикаторов // Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук (Выпуск первый. Задачи филологии). Проблемы структурной лингвистики 1978. — М.: Наука, 1981. С. 3—4.
- Галилей Г. Пробирных дел мастер / пер. Ю.А. Денисова. — М.: Наука, 1987.
- Гаспаров М.Л. Памяти Сергея Аверинцева // Новый мир. 2004. № 6. С. 124—126.
- Гаспаров М.Л. Филология как нравственность // ЛО. 1979. № 10. С. 26—27.
- Гердер И. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977.
- Гердер И. Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1959.
- Гоголь Н.В. Мёртвые души. Том второй // Гоголь Н.В. Собр. соч. в восьми томах. Т. 6. — М.: Правда, 1984. С. 5—259.
- Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984_а. С. 307—323.
- Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984_б. С. 324—326.
- Державина Е.И. «Великий муж русской грамматики» А.А. Барсов // Русская речь. 2003. № 4. С. 73—77.
- Дьяченко О.Н. Риторическое слово Аврелия Августина (историко-филологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Курск: КГУ, 2011.
- Евтушенко О.В. История слова *роман* и другой романической лексики // РЯШ. 2011. № 2. С. 45—50.

- Егоров Б.Ф. О письмах Ю.М. Лотмана // Лотман Ю.М. Письма. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 7—12.
- Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л.: Худ. лит., 1940. С. 3—37.
- Зелинский Ф. Филология // Энциклопедический словарь. Т. XXXV^a (70) / Издатели Ф. А. Брокгауз и А. И. Ефрон. — М.: Терра—TERRA, 1993. С. 811—816.
- Зусман В., Кирнозе З. Диалогическое измерение // ВЛ. 2004. № 6. С. 3—18.
- Иванов Вяч. Вс. Владимир Николаевич Топоров (05.07.1928 — 05.12.2005) // Одиссей. Человек в истории = Odysseus. L'Homme dans l'histoire: Исслед. по соц. истории и истории культуры: Феодализм перед лицом историков / АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. — М.: Наука, 2006. С. 470—477.
- Иванов Вяч. Вс. Лингвистический путь Романа Jakobson // Jakobson P. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. С. 5—29.
- Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Jakobson // Jakobson P. Работы по поэтике: Переводы. — М.: Прогресс, 1987. С. 5—22.
- Ивинский А.Д. Языковая программа Екатерины II: к истории журнала «Собеседник любителей российского слова» // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2009. № 3. С. 47—54.
- Кожин В. В. Слово и искусство слова // ЛО. 1979, № 3. С. 45—46.
- Кожин В.В. Об изучении «художественной речи» // Контекст 1974. Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1975. С. 248—274.
- Козырев В.А. Черняк В.Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
- Колгушкина Н.В. Академик Измаил Иванович Срезневский в культурном пространстве России / Науч. ред. О.В. Никитин. — Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2011.
- Колесов В.В. Ментальный словарь Владимира Даля // Учёные записки Казанского государственного университета. Том 152, кн. 2. Гуманитарные науки. 2010. С. 223—229.
- Кормилов С.И. [Рец.] Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. — М.: Изд-во МГУ, 2009 // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 235—241.

- Кубрякова Е.С. Парадигма научного знания в лингвистике и её современный статус // Известия РАН. Серия ЛиЯ. Т. 53, 1994. № 2. С. 3—15.
- Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1977.
- Лихачёв Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. Т. 2—3. — СПб.: АРС, 2006.
- Лихачёв Д.С. О филологии. — М.: Высшая школа, 1989.
- Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном. — М.: Дет. лит., 1985.
- Ломоносов М.В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Естественные науки и философия. — М.: Наука, 1986.
- Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 379—578.
- Лотман Ю. Этот трудный текст... // ЛО. 1979. № 3. С. 47—48.
- Лотман Ю.М. Письма. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Лотман Ю.М. Воспитание души. — СПб.: Искусство-СПб., 2003.
- Мальчукова Т.Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск: — Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.
- Нерознак В. П. Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. С. 5—8.
- Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // РЯШ. 2009. № 5. С. 104—109.
- Никитин О.В. Василий Никитич Татищев — русский просветитель XVIII в. // РЯШ. 2010. № 7. С. 86—92.
- Никитин О.В. Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (к 155-летию со дня рождения) // РЯШ. 2008. № 4. С. 102—105.
- Никитин О.В. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) // Русская речь. 2002_а. № 3. С. 62—67.
- Никитин О.В. Пётр Алексеевич Алексеев (1727—1801) // Русская речь. 2002_б. № 6. С. 66—73.
- Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990. С. 631—692.
- Новикова Л.И. К методологии гуманитарного познания // М.М. Бахтин как философ. — М.: Наука, 1992. С. 97—109.

- Новый гуманитарий в поисках идентичности: Театрализованное научное действие в нескольких картинах, с интермедиями, прологом и эпилогом / Материалы действия подготовил и обработал Д. Устинов // НЛЮ. 2002. № 55. 174—220.
- Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. — М.: Изд-во МГУ, 2009.
- Плущер-Сарно А. Словарь и словарная статья как жанр словесности // НЛЮ. 2000. № 44. С. 208—251.
- Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков: Изд-во М.В. Потебни, 1905.
- Потебня А.А. Слово и миф. — М.: Правда, 1989.
- Потебня А.А. Теоретическая поэтика. — М.: Высш. шк., 1990.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976.
- Пресняков О.П. Поэтика познания и творчества. Теория словесности А.А. Потебни. М.: Худ. лит., 1980.
- Радциг С.И. Введение в классическую филологию. — М.: Изд-во МГУ, 1965.
- Рамишвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. С. 5—33.
- Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. — М.: Изд-во РГГУ, 1999.
- Ромашко С.А. Вильгельм Гримм // РЯШ. 2011. № 2. С. 69—72.
- Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. — М.: Academia, 1997.
- Северикова Н.М. Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М.В. Ломоносова в области образования и воспитания // ВФ. 2011. № 11. С. 127—131.
- Седакова О.А. Рассуждение о методе: [Рец. на кн.: Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996] // НЛЮ. 1997. № 27. С. 177—190.
- Седакова О.А. Слово Аверинцева // Континент. 2004. № 119. С. 27—33.
- Соймонов А.Д. Фольклорное собрание П.В. Киреевского и русские писатели // Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. — Литературное наследство. Т. 79. — М.: Наука, 1968. С. 121—166.

- Срезневский И. И. [Рец.] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II Отделением Императорской Академии наук. — С.-Петербург, 1847 // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Т. 58. № 6. С. 221—222.
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959.
- Старовойтов В.В. Демократия и тоталитаризм (опыт Древней Греции) // Фик. 2011. № 12. С.50—64.
- Степанов А.В. «С Третьяковским — в XXI век!» (идиолект поэта В.К.Третьяковского) // РЯШ. 2008. № 8. С. 51—55.
- Степанов Ю.С. Филология // Русский язык: Энциклопедия. — М.: Большая советская энциклопедия, 2003. С. 592—596.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Академ. Проект, 2004.
- Строганов М.В., Трифаженкова И.А. Словарь филологических терминов В.Г. Белинского. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010.
- Сухов С.В. Грамматические категории глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова // РЯШ. 2011. № 12. С. 69—74.
- Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979.
- Тимофеева М.К. Язык с позиций философии, психологии, математики. — М.: Флинта : Наука, 2009.
- Толстая С.М. Постулаты московской этнолингвистики // Etnolingwistyka. 18. Lublin. 2006^a. С. 7—27.
- Толстая С.М. Гипертекст Владимира Николаевича Топорова // НЛО. 2006^b. № 77. С. 71—88.
- Уроки Лихачёва: Методические рекомендации для учителей средних школ / сост. О.Е. Лебедев. — СПб.: Бизнес-пресса, 2006.
- Успенский Б.А. Предисловие // «Российская грамматика» А.А. Барсова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 3—30.
- Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и её исторические корни. — М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Ухов П.Д. А.Х. Востоков // Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. — Литературное наследство. Т. 79. — М.: Наука, 1968. С. 508—510.

- Феликсов С.В. «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексея // Русская речь. 2009. № 3. С. 80—87.
- Флоренский П.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. У водоразделов мысли. — М.: Правда, 1990. — М., 1990.
- Холиков А.А. Литературоведение и критика нового тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы (по материалам круглого стола) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 227—233.
- Хомяков А.С. «Семирамида» (И<сследование> и<стины> и<сторических> и<дей>) // Хомяков А.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. — М.: Московский философский фонд: Медиум, 1994. С. 15—446.
- Хроленко А.Т. История и методология филологии и филологического образования: курс лекций. — Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2011.
- Чернейко Л.О. М.В. Ломоносов и язык науки // ФН. 2011. № 6. С. 3—14.
- Чистяков Г. Об С.С. Аверинцеве // Вестник Европы. 2004. № 11. С. 262—263.
- Шевырев С.П. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
- Шрейдер Ю. Неустрашимость человека // Знание — сила. 1993. № 7. С. 78—83.
- Эдельштейн Ю.М. Проблема языка в памятниках патристики // История лингвистических учений: Средневековая Европа. — Л.: Наука, 1985. С. 182—184.
- Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном российском обществе. — М.: Институт психологии РАН, 2010.
- Якобсон Р. Лингвистика в её отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. С. 369—420.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.
- Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту содержащий: разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и Технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: Астрономические, Математические, Медицинские, Анатомические, Химические, Юридические, Коммерческие, Горные, Музыкальные, Военные, Артиллерийские, Фортификационные, Морские и многие другие ж означающие Придворные, Гражданские и Военные чины, достоинства, должности и проч. как древних, так и нынешних времен. Ч. 3. От О до Ю. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1806.

Интернет-ресурсы¹

Аннушкин В.И. Словесные науки в Словаре Академии Российской // <http://www.old.portal-slovo.ru/rus/philology/russian/586/12330> [24.08.2009].

Аннушкин В.И. Филология — словесность — языкознание в классической русской традиции и современном научно-педагогическом процессе // <http://www.portal-slovo.ru/44230.php> [25.04.2011].

* * *

В работе над книгой были использованы также образовательные и научно-познавательные порталы, ссылки на которые даются непосредственно в тексте:

[<http://likhachev.lfond.spb.ru/>];

[<http://www.humanities.edu.ru/>];

[<http://www.lib.rus.ec/>];

[<http://www.inauka.ru/>];

[<http://www.ifi.rggu.ru/>];

---

¹ Ссылки на интернет-источники даются в тексте с пометой «э» в случае указания даты публикации, например.: [Алпатов 2010э]. Если она не атрибутирована, то помета ставится сразу после фамилии автора или названия статьи.

Учебное издание

Хроленко Александр Тимофеевич

ИСТОРИЯ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

Подписано в печать 01.08.2013.

Электронное издание для распространения через
Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б,
комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.